

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

Зырянов Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, профессор
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

Чупров Александр Степанович,
доктор философских наук, профессор
(Благовещенск, Амурская область, Россия)

**ОТВЕТСТВЕННЫЕ
ПО НАУЧНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ:****Философия**

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор
(Челябинск, Россия)

Лукин Анатолий Николаевич,
кандидат культурологии, доцент
(Челябинск, Россия)

Политология

Зырянов Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, профессор
(Челябинск, Россия)

Нечаева Светлана Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
(Челябинск, Россия)

Экономика

Лаврентьева Ирина Викторовна,
доктор экономических наук, профессор
(Челябинск, Россия)

Коротина Наталья Юрьевна,
кандидат экономических наук, доцент
(Челябинск, Россия)

**Ответственный
за международные контакты**

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

Бобрик Александра Александровна,
кандидат философских наук
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера в свет: 30.06.2024 г.
Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 8,58. Тираж 50 экз.

Заказ № 155/248.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ

**Чернов Леонид Сергеевич,
Погорельская Елена Юрьевна**
Религиозно-мифологические
аспекты памяти
о Великой Отечественной войне
в творчестве Василя Быкова7

ВЛАСТЬ

Чжан Шучунь
«Альтернативная
моральная политика»:
система «Тянься» и ее развитие21

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

Хосе Баррьентос Растрохо —
доктор философии,
профессор (Севилья, Испания)

Сергей Валентинович Борисов —
доктор философских наук, профессор
(Челябинск, Россия)

Юрий Геннадьевич Ершов —
доктор философских наук,
профессор (Екатеринбург, Россия)

Филип Иванович —
Ph.D (Подгорица, Черногория)

Виктория Лезьер —
доктор философских наук, профессор
(Форкалькейре, Франция)

Валерий Георгиевич Ледяев —
доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

Андрей Николаевич Медушевский —
доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

Валерий Аркадьевич Нехамкин —
доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

Александр Валентинович Павлов —
доктор философских наук, профессор
(Тюмень, Россия)

Владимир Дмитриевич Попов —
доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

Григорий Львович Тульчинский —
доктор философских наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)

Александр Степанович Чупров —
доктор философских наук, профессор
(Благовещенск, Россия)

Политология

Сергей Григорьевич Зырянов —
доктор политических наук, профессор
(Челябинск, Россия)

Балташ Нурмухамбетович Карипов —
доктор политических наук, профессор
(Кокшетау, Казахстан)

Александр Васильевич Павроз —
доктор политических наук
(Санкт-Петербург, Россия)

Ольга Фредовна Русакова —
доктор политических наук, профессор
(Екатеринбург, Россия)

Грегори Саймонс — доктор философии, профессор
(Упсала, Швеция)

Александр Юрьевич Сунгуров —
доктор политических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)

Экономика

Ольга Васильевна Артемова —
доктор экономических наук, профессор
(Челябинск, Россия)

Лаура Маратовна Байтенова —
доктор экономических наук
(Алматы, Казахстан)

Виктор Иванович Бархатов —
доктор экономических наук, профессор
(Челябинск, Россия)

Ляйля Маратовна Муталиева —
кандидат экономических наук
(Астана, Казахстан)

Ирина Викторовна Лаврентьева —
доктор экономических наук, профессор
(Челябинск, Россия)

**ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ****Вершинина Юлия Владимировна**

Анализ перспектив развития
методических подходов
к оценке эффективности
муниципального управления34

КУЛЬТУРА**Уймина Ольга Ивановна**

Воображение и мастерство
vs компьютерные алгоритмы
художественного творчества49

Дядык Наталья Геннадьевна

Женская субъективность
и феминистские практики
в визуальном искусстве
второй половины XX века62

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ**

**Научный рецензируемый журнал открытого доступа
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов
в области философии, политологии, экономики.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала,
различным аспектам состояния социума
и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук по специальностям (категория К1):

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
(экономические науки)
- 5.2.4. Финансы (экономические науки)
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки)
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (поли-
тические науки)
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики
(политические науки)
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки)
- 5.7.1. Онтология и теория познания
(философские науки)
- 5.7.2. История философии (философские науки)
- 5.7.3. Эстетика (философские науки)
- 5.7.4. Этика (философские науки)
- 5.7.5. Логика (философские науки)
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки)
- 5.7.7. Социальная и политическая философия
(философские науки)
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры
(философские науки)
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение
(философские науки)

Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации
в научном журнале «Социум и власть»,
размещены на странице 98.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: chel-sv@ranepa.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов опубликованных материалов.
Ответственность за аутентичность

При использовании любых материалов
ссылка на журнал «Социум и власть»
и на авторов материалов обязательна.

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Подписной индекс E38909

Агентство «Книга-Сервис»
<https://www.akc.ru>

© Челябинский филиал РАНХиГС, 2024,
обложка, оформление.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

**Нижников Сергей Анатольевич,
Шафиков Родион Анатольевич**

Этические взгляды Л. Д. Троцкого:
проблема насилия76

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Салганова Елена Ивановна,
Селютин Александр Анатольевич**

Особенности организации
профилактики террористических
и экстремистских проявлений
в образовательной
и молодежной среде в контексте
региональных миграционных
процессов: по материалам
Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием
(28 февраля 2024 года,
город Челябинск,
Российская Федерация)91

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey G. Zyrianov,
Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

A.S. Chuprova,
Doctor of Philosophy, Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

RESPONSIBLE FOR RESEARCH AREAS:

Philosophy

Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Anatoly N. Lukin,
Cand.Sc. (Cultural Studies),
Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Political Science

Sergey G. Zyrianov,
Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Svetlana V. Nechaeva,
Cand. Sc. (History), Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics

Irina V. Lavrentyeva,
Doctor of Economics, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Natalya Yu. Korotina,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Aleksandra A. Bobrik,
Cand.Sc. (Philosophy)
(Chelyabinsk, Russia)

SOCIUM

Leonid S. Chernov,
Elena Yu. Pogorelskaya
Religious and mythological aspects
of memory of the Great Patriotic War
in the works of Vasil Bykov.....7

POWER

Zhang Shuchun
“Alternative moral policy”:
the Tianxia system
and its development21

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
- Sergey V. Borisov* — Doctor of Philosophy, professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Yurii G. Ershov* — Doctor of Philosophy, professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Filip Ivanovic* — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
- Victorya Lezyer* — Doctor of Philosophy, professor
(Folkarkeyre, France)
- Valery G. Ledyev* — Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
- Andrey N. Medushevsky* — Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
- Valery A. Nekhamkin* — Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
- Alexander V. Pavlov* — Doctor of Philosophy, Professor
(Tyumen, Russia)
- Vladimir D. Popov* — Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
- Grigorii L. Tulchinskii* — Doctor of Philosophy, Professor
(St. Petersburg, Russia)
- Alexander S. Chuprov* — Doctor of Philosophy, Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- Sergey G. Zyrianov* — Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Baltash N. Karipov* — Doctor of Political Science, Professor
(Kokshetau, Kazakhstan)
- Alexander V. Pavroz* — Doctor of Political Science
(St.Peterburg, Russia)
- Olga F. Rusakova* — Doctor of Political Science, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Gregory Simons* — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
- Alexander Yu. Sungurov* — Doctor of Political Science,
Professor (St. Peterburg, Russia)

Economics

- Olga V. Artyomova* — Doctor of Economics, Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Laura M. Bajtenova* — Ph.D.
(Almaty, Kazakhstan)
- Victor I. Barkhatov* — Doctor of Economics, Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Lyailya M. Mutaliev* — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
- Irina V. Lavrentyeva* — Doctor of Economics, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

Yulia V. Vershinina

Analysis of the prospects
for developing
methodological approaches
to assessing the effectiveness
of municipal governance34

CULTURE

Olga I. Uymina

Imagination and skill
vs computer algorithms
for artistic creativity49

Natalya G. Dyadyk

Female subjectivity
and feminist practices in visual art
of the second half
of the twentieth century62

INFORMATION

**Peer-reviewed Open Access Journal
«SOTSIUM I VLAST / SOCIETY AND POWER»**

is for experts in philosophy,
political science, economics.

Indexing and ratings:

- Ulrichsweb
- CrossRef (DOI)
- Worldcat
- Lens
- OpenAlex
- Cyberleninka.ru
- EconPapers
- EBS "Lan"
- SSRN

The requirements for scientific
articles to be published
in the «SOTSIUM I VLAST / SOCIETY AND POWER»
scientific journal
are located at page 98.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: chel-sv@ranepa.ru

Website:
<http://siv74.ru>

The contents of this journal may not be used
in any way without a reference to the Journal
«SOTSIUM I VLAST / SOCIETY AND POWER»
and the author(s) of the material in question

The journal is published quarterly

Free price

© Chelyabinsk branch of RANEPa, 2024,
cover, design

*Content available under license Creative Commons
Attribution-NonCommercial 4.0 International*

HISTORY OF PHILOSOPHY

**Sergei A. Nizhnikov,
Rodion A. Shafikov**

Ethical views of L. D. Trotsky:
the problem of violence.....76

SCIENTIFIC LIFE

**Elena I. Salganova,
Alexander A. Selutin**

Features of organizing prevention
of terrorist and extremist
manifestations in the educational
and youth environment
in the context of regional
migration processes: on materials
of the All-Russian
scientific-practical conference
with international participation
(February 28, 2024, Chelyabinsk,
Russian Federation)
.....91

Для цитирования: Чернов, Л. С. Религиозно-мифологические аспекты памяти о Великой Отечественной войне в творчестве Василя Быкова / Л. С. Чернов, Е. Ю. Погорельская // Социум и власть. — 2024. — № 2 (100). — С. 7—20. — DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-07-20. — EDN HPNTJY.

УДК 128

EDN HPNTJY

DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-07-20

РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛЯ БЫКОВА

Чернов Леонид Сергеевич,
Уральский государственный
горный университет,
доцент кафедры философии
и культурологии,
кандидат философских наук, доцент.
Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0003-2277-2899
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Погорельская Елена Юрьевна,
Гуманитарный университет,
доцент кафедры социально-культурного
сервиса и туризма,
кандидат философских наук.
Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0002-9723-465X
E-mail: schreibigus@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируется проблема памяти о Великой Отечественной войне в повести «Карьер» белорусского писателя Василя Быкова. Память о войне, как демонстрируют авторы статьи, обладает особыми качествами и характеристиками для тех, кто в ней участвовал, для тех, кто действительно хочет помнить войну и реально её помнит.

Цель. В работе показано, как возможно на основе материала повести В. Быкова «Карьер» истолковать феномен памяти в мифологическом и религиозном модусах.

Методы. В статье используется феноменологический метод А. Августина и М. Хайдеггера, выводящий к экзистенциальным временным рядам «внутреннего человека», а также метод креативной герменевтики, позволяющий за художественным полотном текста В. Быкова проследить устойчивые смысловые структуры.

Научная новизна исследования. Мифологический аспект памяти возвращает героев в точку и событие «начала», в котором произошло формирование целостной само осознающей личности, в онтологическое событие, конституирующее фундамент идентификации человека. Таким событием является событие трагическое, экзистенциальное. Это событие остаётся в памяти актуальным, не преходящим, не исчезнувшим и, определяет характеристики субъекта-памяти всю жизнь. Этот аспект памяти противостоит «историческому времени», согласно которому прошлое в памяти уже ушло; следует жить и думать сегодняшним-настоящим и будущим. Религиозный аспект памяти повести в истолковании авторов статьи заключён в том значении памяти, которое она имеет в деле преодоления власти времени. Опираясь на аналитику Августина, предложенную им в «Исповеди», авторы сближают логику исследования памяти В. Быковым в этой повести и рассуждения епископа Гиппонского.

Результаты. Память наделяет события прошлого живыми качествами настоящего времени и, тем самым, память как «память о жертве-выкупе», с одной стороны, постоянно призывает верующего христианина думать о смерти, а с другой стороны — она же является инструментом победы над ней. В деле спасения религиозный человек должен помнить себя, свои поступки/проступки, своих близких, жертву тех и Того, кто выкупил своей смертью эту жизнь и жизнь вообще. В массовой культуре, в нерелигиозном мировосприятии, в историческом отношении к жизни такое отношение к памяти отрицается и вызывает непонимание. Отсюда — отношение

к памяти о войне в творчестве В. Быкова кажется устаревшим, архаическим и неактуальным, с чем авторы данной статьи не соглашаются.

Выводы. Авторы статьи делают вывод о том, что позиция писателя фронтовика В. Быкова в отношении памяти о войне является позицией «парадоксального свидетельства» и эта позиция позволяет автору действительно максимально достоверно и психологически точно описывать из «мира неживого» ту область мёртвого, ужасного, нечеловеческого, которые война создаёт и производит. И, оказывается, что помнить об этом и думать про это необходимо, чтобы быть подлинно живым.

Ключевые слова:
Василь Быков,
повесть «Карьер»,
война,
смерть,
Августин,
жертва-выкуп

Поступила: 04.03.2024
Принята: 14.05.2024
Дата печати: 30.06.2024

*Права: © Чернов Л. С.,
Погорельская Е. Ю. (2024).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.*

Введение

Белорусский писатель Василь Владимирович Быков (1924—2003) известен прозой о Великой Отечественной войне и фильмами по его произведениям. В 1977 году фильм Ларисы Шепитько «Восхождение», снятый по повести В. Быкова «Сотников», получил на Международном Берлинском кинофестивале высшую награду — «Золотого Медведя». «Восхождение» остаётся образцом лучшего мирового и советского кино о войне, наряду с такими фильмами, как «Иваново детство» и «Летят журавли». По сценарию В. Быкова и по его одноимённой повести в 1965 году на советские экраны вышла «Альпийская баллада», а по повести «Пойти и не вернуться» снято несколько полнометражных художественных фильмов.

Если посмотреть на литературное творчество В. Быкова в его связи с кинематографом, то мы увидим значительный «дубляж» его прозаических произведений в произведения кинематографические, что указывает не просто на общий интерес к работам В. Быкова, но и на саму возможность передать средствами киноязыка то, что написано буквами на бумаге. Работы В. Быкова визуальны, наглядны, но при этом не просты и не примитивны. Вдобавок они не требуют дорогого бюджета на специальные эффекты, ибо изначально делают акцент на внутренний мир человека, а не на внешние обстоятельства. Способность воображения, присущая человеку по природе, антропологически, помогает здесь выразить наглядно-визуально то, что изначально задумывалось литературно. Воображение выступает посредником между зрением и памятью [17] и кино в данном посредничестве — удобный подручный инструмент и удобная оболочка. Вспоминая войну, В. Быков обращается к специфической глубине воображения, к той, которая находится в основании способности мыслить вообще. Напомним, И. Кант пишет о продуктивной способности воображения как об условии существования индивида именно

как этого конкретного, определённого [10]. Однако согласимся, что без памяти Мнемозины [15] воображение в принципе как устойчивый определённый феномен было бы невозможно. Память своего рода норма, которая «является не просто особым способом регуляции поведения, а есть основная форма существования» [9, с. 10], для человека естественно «помнить». Память при этом может быть разной: долговременная, кратковременная, глубокая, постоянная, фотографическая, приближительная, выборочная.

Уже в 2012 году, после смерти самого писателя, Сергей Лозница делает по повести В. Быкова пронзительный фильм «В тумане» и эта разница в годах (повесть — фильм) указывает на то, что творчество В. Быкова остаётся современным и актуальным до сих пор, т. е. в историческом, «зрительском» и «литературном» времени. Характерно, что литературная «Пойти и не вернуться» написана в 1978 году, «Альпийская баллада» в 1963, а «Сотников» в 1970, т. е. значительно позже непосредственно описываемых военных событий, свидетелем и участником которых был сам писатель. Повесть «В тумане» датирована 1988 годом, когда после войны прошло более 40 лет и, как большинство работ В. Быкова, она написана на белорусском языке с последующим авторским переводом на русский.

Повторим, данное качество такой (длящейся во времени) кинематографичности военной прозы В. Быкова основано на том обстоятельстве, что автор постоянно удерживает в памяти те события, о которых он рассказывает. Кино здесь служит дополнительным аргументом и иллюстрацией данного специфического характера памяти. Военные события остаются у автора «перед глазами», они продолжают происходить как сейчас существующие в настоящем, постоянно длящееся настоящее, которое не уходит в беспамятство прошлого.

Это свойство памяти в прозе В. Быкова является уникальным и особенным, оно требует предварительного истол-

кования и дальнейшего анализа. Выше отмеченная визуальность, наглядность и длящаяся современность описываемых автором событий указывают нам на то, что автор «Сотникова» [8], «Его батальона», «Стужи» [7], «Карьера» [6] описывает и анализирует память специфическим образом. Рассмотрим этот способ понимания памяти.

Уже советская литературная критика обвиняла В. Быкова в «повторяемости», излишних и ненужных подробностях при описании военного времени [18, с. 301]. Сегодня, когда мы удаляемся от описываемого события — «война» и, — когда другие заботы и проблемы требуют от читателей и зрителей быстрых решений, вопрос о памяти войны становится крайне существенным. Мало того, что память сама по себе имеет свойство угасать, тускнеть, истончаться, есть и сознательное решение — не помнить, не хотеть знать, «уметь вовремя забыть», «отпустить». «Забыть травму», «не помнить плохого», «зачем беречь старое», «всех понять и всех простить» — эти и подобного рода установки и лозунги научают «выключать» память, научают не помнить, научают манипулировать памятью в целях злободневных и теперешних. Техника направляет думать о памяти как о некотором накопителе гигабайтов и, в конечном счёте пытается свести память к отчуждённой «объективной» информации, что, конечно же, сущности памяти не соответствует. Мы говорим: «купить ещё немного памяти», «вчера мне дёшево поставили на ноутбук дополнительную память» и т. д. Память объективируется, отцифровывается, обрабатывается, анализируется технически — статистически. На этом современном технологическом и специфическом культурном фоне проза В. Быкова, поэтика его творчества выглядят архаичными, несовременными, постоянно повторяющимися одно и то же. Тем не менее, авторы данной работы убеждены, что творчество В. Быкова и тот способ отношения к памяти, который он в своём творчестве реализует — важны и значимы. Конечно, «до конца понять

автора невозможно, но в процессе интерпретации его произведения можно приблизиться к этому пониманию» [5, с.84]», — считает В.О. Богданова и авторы статьи с ней в этом согласны.

Обсуждение

В данной статье подробно рассматривается только повесть «Карьер». Другие работы В. Быкова вспоминаются в данной статье фрагментарно и выборочно, сообразно её логике и объёму. Авторы статьи выделяют при анализе памяти в этой повести, законченной писателем в 1985 году, два аспекта: мифологический¹ и религиозный. Предмет исследования — память, сама диктует у В. Быкова ракурс своего изучения и заставляет авторов статьи делать такие обобщения и выводы, которые могут первоначально показаться неожиданными и неочевидными.

Краткое описание сюжета повести «Карьер»

Фронтвик, партизан Павел Петрович Агеев, спустя много лет после войны приезжает в ту деревню, где он раненый провёл долгие месяцы, скрываясь от немцев и местных полицаев. Агеев раскапывает карьер, на краю которого его и его товарищей расстреляли. Агеев чудом выжил и ему важно узнать то, что произошло с Машей, которую он послал на задание перед тем, как его арестовали. Машу схватили, но она не выдала Агеева и её судьба неизвестна. Сейчас, в послевоенном настоящем, где Агеев пенсионер и герой войны, он не находит иного способа узнать о судьбе Маши кроме как найти в карьере хоть какие-то следы тех событий. В нынешней послевоенной деревне

¹ Термин «мифологическое» крайне многозначен; в самом общем смысле мы употребляем его в значении специфического способа организации повествования о мире в целом. Характеристика мифа Б. Малиновским: «Миф — это реальность, в которой живут» поддерживалась А. Ф. Лосевым и традицией литературоведения в духе структурализма. Иначе — мифологическое архаично, но архаично так, что продолжает действовать и функционировать сейчас. Так архаичен архетип, продолжающий влиять на современного человека.

про Машу никто не помнит, она приехала к сестре на лето 1941 года. Агеев с Машей прожили целую маленькую жизнь в первый год войны и, жизнь эта закончилась тем, что Агеев умер, но выжил, а Маша пропала и осталась для Агеева в постоянно длежащемся настоящем. Агееву важно узнать, расстреляли Машу тут, в этом же карьере, где и его, или, может быть, она выжила и была отправлена в плен и спаслась. Чувство вины не даёт Агееву нормально жить. В деревне его раскопки вызывают опасение, карьер в итоге запрещают рыть, а его родной сын смотрит на отца, как на чудака и безумца. В конце повести бульдозеры зарывают расстрельный карьер, а Агеев уезжает домой, так и не узнав, что случилось с Машей, которую он любил и, — скорее всего — отправил «на смерть».

Мифологический аспект понимания памяти в «Карьере» связан в первую очередь с тем свойством мифологического, которое обусловлено временным повтором, циклом. «Первобытный миф неизменно остаётся рассказом о прошлом, а прошлое источником всего субстанционального настоящего», — пишет Е. К. Мелетинский в «Поэтике мифа» [12, с. 176], — «... мифическое прошлое фактически экстемпорально и представляет собой некую мистическую реальность, как-то сосуществующую с эмпирической реальностью обыденной жизни на том же синхроническом уровне» [12, с. 176]. Слово «мистическое» не должно вводить нас в заблуждение и не должно придавать мифологической реальности оттенок сказочности. Мистическое — значит прошлое, которое отмечено особыми, важными событиями, характеристиками. Сегодня, с позиции настоящего большая часть исторических событий прошлого, особенно связанных с катастрофами, войнами, необъяснимыми решениями политиков (военных, художников) кажутся в буквальном смысле мистическими, во всяком случае, совершенно не рациональными и не разумными.²

² Совершенно необъяснимо решение американского правительства использовать вторую (!) атом-

С внешней, здоровой, естественной точки зрения, Агеев роет землю в карьере с целью обнаружить в нём хоть что-то, что бы рассказало ему о судьбе Маши. По сути он разрывает могилу, что с моральной и всяких других приличных сторон жизни — крайне странно. Но миф вне морали, вне психологии. То «субстанциональное настоящее», на которое указывает Е. К. Мелетинский и которое фактически «экстемпорально», т. е. вне времени, требует рыть и не останавливаться.

Вот характерное описание работы Агеева: «Под вечер из-за кладбища поднялась иссиня-чёрная туча, деревья тягуче зашумели, вытянув вершины все в одну сторону, трепетная листва тополей вывернулась под ветер своей серебристой изнанкой. Агеев подумал сперва: пронесёт, перегонит хмарь и опять будет солнце. Он не хотел вылезать из карьера, на сегодня осталось совсем немного — срыть голый бугор под западным склоном» [6, с. 49].

Люди, которые спрашивают Агеева о рациональности и легитимности его действий (кто разрешил рыть, кто таков сам Агеев и проч.) не могут понять его поступков. И он сам, что характерно, не может в течение всей повести объяснить толком что он делает в карьере. Он просто роет, потому что надо, потому что этого требует его память, всё его нутро.

И люди, и природа сопротивляются Агееву. И местные жители, и родной сын, и поселковое и районное начальство, — не только не поддерживают Агеева, — даже не сочувствуют ему, не говоря о помощи. Официально он фронтовик, «честь ему и хвала», корочки ветерана у него есть; официально — на площади посёлка стоит обелиск с написанными на нём именами погибших. После войны Агеев защитил диссертацию и работал в институте, наладил семейную жизнь. Но память о войне, о Маше, о карьере — всё это прошлое

ную бомбу в Японии; крайне сложно объяснение т. н. «греческого чуда» времён Сократа-Платона-Аристотеля; мистична русская революция, вне разума Освенцим или смерть Симоны Вайль.

время не давали ему покоя и вот сейчас он практически, буквально, — в прямом смысле слова роет землю. «Умершая» (скорее всего расстрелянная) Маша для Агеева жива, поскольку он сам «экстемпорален», т. е. находится во временном «здесь» — после войны и в прошлом «там», где он молод и влюблён.

Существенно сравнение мёртвого и живого «внутри Агеева» со сценой захоронения мёртвых как живых в повести Быкова «Его батальон». Например, убитых в бою санитаров Веретенникову Веру и лейтенанта Самохина («фронтальная любовь, невенчанная жена») положили рядом в могилу. «Пусть лежат, тут уже никого бояться не будут», — сказал один из солдат [6, с. 287]. Живыми они боялись переисходов и людской молвы. Чтобы хоть как-то исправить лицо телефониста Чернорученко, перед могилой его уже мёртвого перевязали, привели в соответствие с тем лицом, которые было у солдата-телефониста при жизни. «Лица телефониста было не узнать, так его изуродовало разрывом гранаты, и Волошин тихо сказал — Ребята, перевязать бы надо» [6, с. 286—287]. В разговоре с выжившими в блиндаже солдатами Волошин услышал, что их спасли свои же мёртвые, которые завалили телами стены и дверь блиндажа так, что немецкие гранаты и пули не смогли до живых достать. Такое смешение, сцепление живого и мёртвого, их неразличимость и плотное сосуществование указывают на особое место, в котором происходят описываемые события — война и, на особое настроение людей внутри этого события. Герой «Карьера» Агеев живёт в двух временах одновременно с точки зрения исторической хронологии и в одном времени с точки зрения своей памяти: мёртвые для него живы.

Используя такую образную характеристику мифологического восприятия мира как «ужас перед историей» (М. Элиаде), мы узнаём в Агееве такого человека. Это он «испытывает ужас» перед историей, который, повторим, проявлен не только и столько в ужасных воспоминаниях и чувстве вины

перед Машей, а в том, что его никто не понимает и даже он сам ясно и отчётливо не может сказать себе, что тянет его в карьер. «История» в этом случае суть то, что требует забыть прошлое. «...историческая память — ... невыносима...» [19, с. 84] — пишет М. Элиаде. Она невыносима, потому что есть падение, от-стояние от первичного акта создания-творения мира. Историческая память невыносима потому, что в ней много греха, потому, что она напоминает о плохом, стыдном, страшном. И — через воспоминание о Том Большом прошлом, о том прошлом, в котором происходили важнейшие события человека, ужас перед историей становится не таким страшным [20]. В отношении Агеева такое напоминание — попадание «прямо в точку». От стыдится того, что дал неопытной Маше задание, стыдится вины за её смерть и неизвестность о ней.

Мифологический человек чувствует потребность «... освободиться от воспоминаний о «грехе», т. е. от последовательности «персональных» событий, совокупность которых образуют «историю» — пишет Элиаде [19, с. 84]. Рытье карьера т. о. — это специфический ритуал, который овеществляет абстрактный мифологический императив «помнить!». Миф не может жить только разговорами о прошлом, только должествованием, он обязательно закрепляется вещественно: «человек в своей практике вносит изменения в координацию расположенных вокруг него объектов... Хронотоп войны задает свою специфику координации объектов на поле боя» [11, с. 30]. И Агеев, помимо того, что всем существом переживает и помнит прошлое — ритуально конкретно (буквально) роет землю. Разрывание карьера — это и есть попытка возродить время, проникнуть в то, что случилось когда-то. Повторим: рытье земли в карьере с целью обнаружения останков убитого человека в мирное время, спустя годы после возможного убийства воспринимается как действие абсурдное, противоречащее здравому смыслу, как действие ненормальное. В

этом смысле мифологическое восприятие мира, времени, себя во времени — конечно, ненормально. Однако, мифологический человек, сопротивляясь «ужасному» времени истории, приобретает в итоге нечто важное — а именно способность возродиться. Не измениться, не улучшиться, не трансформироваться — а именно возродиться. Агеев хочет родиться заново, возродиться в то время, когда он отправил Машу на задание, которое она не должна была исполнять. Он хочет вернуться туда, где бы он мог отменить своё решение, туда, где они любили друг друга. Для такого рода возрождения ему необходимо конкретное, вещественное, определённое действие, становящееся для него ритуалом, обязательным воплощением памяти. Иначе память останется «внутри» и будет только психологической.

Настроения «отмены истории» и попытки её отмены в человеческой культуре это — ожидание апокалипсиса, ожидание последних времён, катастрофические настроения, ритуалы, сопровождающие смены эпох и т. д. («отменой истории» занимался Дон Кихот, который никак не хотел мириться с новой эпохой «без рыцарей»; «отменой истории» озадачены лидеры и вожди крупных социальных революций). Но постоянное «возрождение времени» и постоянная отмена истории — должны быть вместе. История с одной стороны отменяется, ибо она невыносима и «дальше — хуже», а с другой стороны, необходимо «постоянное возрождение времени», ибо жить вне времени невозможно даже мифологическому человеку. Подчеркнём: во времени, но не в истории.

Спрашивается, а зачем сопротивляться истории, зачем возрождаться, зачем повторять те или иные ритуальные действия? Ответ прост — чтобы быть живым. «... это повторение, актуализируя мифический момент, в котором было явлено архетипическое действие, бесконечно удерживает мир в одном и том же рассветном мгновении начал...Время не имеет никакого

влияния, ибо оно непрерывно возрождается» [19, с. 91]. Удерживание в «рассветном мгновении начала» — это попытка уйти от власти исторического времени, это попытка быть свободным и независимым от возраста, от обстоятельств, от т. н. прогресса. Начало есть веер всех возможных исходов, следовательно, чувствование себя в начале — это максимальная полнота чувствования многообразия возможного будущего живого.

Та память, которой Агеев помнит прошлые события, нацелена в действительности не на прошлое, а на сегодняшнее настоящее. Это означает, для Агеева, что внутри его памяти события как бы остановились, он помнит войну максимально интенсивно, он постоянно думает о том, какие решения принимал и какие поступки совершал. Отсюда его настроение и отношение к тому знанию — умерла тогда Маша или нет. Но окружение Агеева живёт в будущем [13], в том времени, когда война закончилась, обелиск героям поставлен и рыть карьеры не следует, не следует заикливаться на прошлом, «застревать на нём», пытаться воскресить мертвых, не следует жить вчерашним днём, нужно смотреть вперёд.

Если память о прошлом, в таком её виде, в котором она описана применимо к Агееву, делает его живым, то память противоположного рода, соответственно — омертвляет. Вспомним детскую песенку из популярного мультфильма: «Может, мы обидели кого-то зря — // Календарь закроет этот лист. // К новым приключениям спешим, друзья, // Эй, прибавь-ка ходу, машинист!». За внешней оптимистичностью и радостностью скрывается равнодушное отстранённое отношение к тому, кого мы зря обидели и даже не попросили прощения.

Рассматривая следующий пункт анализа памяти в «Карьере», мы увидим то общее, что связывает религиозное и мифологическое в отношении прошлого. Этим общим будет отношение к прошлому как к жертве.

Религиозный аспект понимания памяти в повести В. Быкова «Карьер»

связан с тем пониманием (чувствованием и осознанием) времени, которое присуще верующему христианину.¹ Память оказывается сильнее времени в его земном значении. Наглядным доказательством тому служат слова Христа, сказанные о том преступнике, который был казнён вместе с Ним: «... истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:43) [4]. Это был ответ на просьбу: «...помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое». Искренняя просьба уверившего о памяти и упование на память смогли уничтожить те прегрешения и следы злых поступков, за которые преступник был осуждён (заметим — справедливо со стороны земного закона).

Силу и мощь памяти мы видим в православных молитвах, в которых обращаются к Богу с просьбами о сохранении душ живущих и спасении душ умерших людей. Перед ежевечерней молитвой «Исповедание грехов повседневное» молитва, начинающаяся со слов «Ненавидящих и обидящих нас прости, Господи Человеколюбче» четыре раза использует слово «память», дабы охватить целиком всех тех, кто дорог молящемуся. Сюда входят и умершие, и плененные, и праведники, и родные близкие. Память предваряет просьбу о спасении, является её предварительным этапом, как будто нельзя сразу просить и молиться о спасении. Получается, что нельзя, поскольку сначала нужно вспомнить («мнить», «думать», «помыслить» — так этимологически расшифровывают «память»), а потом уже «с этой мыслью» что-то делать.

Верующий каждый день перед сном молится о даровании «памяти смертной» (молитва Иоанна Златоуста). При этом, в следующей молитве, согласно вечернему правилу, молящийся просит: «... изми мя от уст пагубного змия, зияющего пожрети мя и свести во ад жива». Сочетание смертного и живого

¹ О других мировых религиях мы здесь специально не говорим, но призыв «думать о смерти» присутствует во всех религиях без исключения, мировых и национальных, ранних и развитых.

таково, что с одной стороны молящийся всегда ежедневно помнит о смерти, а с другой — даже после смерти он, ужасаясь ада, понимает, что будет живым. В строгом смысле слова для верующего христианина смерть невозможна, ибо если бы она была возможна, то не было бы страха перед адом и воздаянием. Поскольку было бы не ясно кто страдает, ведь мёртвое страдать не может. Поэтому выбор верующего — это выбор между вечными муками и вечной жизнью в смысле благодати. Либо жизнь там, либо жизнь тут. Таким образом, «смертная память» — это память о том, что ты будешь живым либо в аду, либо в раю и смерть — это только граница между этими двумя состояниями и молитва призывает помнить о том, что ещё не случилось, но что ещё будет.

Православная икона «Сошествие во ад» иллюстрирует положение не только о том, что Адам и Ева живы после смерти и будут спасены, но и тот важный факт, что это событие будущего уже было. Второго Пришествия не было, окончательного Суда не произошло и, — в каждую Страстную седмицу христиане оплакивают распятого Христа, зная, что скоро наступит Пасха и, зная, что есть канонически написанная икона «Сошествие во ад», которая изображает событие Воскресения. Такое сочетание знания о «правильном» будущем не только не исключает искренность страдания в Страстную неделю, но обязательно предполагает его. Эта возможность и её реализация основываются на единстве трёх времён: прошлого / настоящего / будущего.

«Смертью» оказывается жизнь без Бога, жизнь, которая прерывается с распадом физической оболочки, тела. И — если мы понимаем жизнь как существование «белковых тел» — то смерть, соответственно, определяется как распад и тление этих тел. Все последующие после смерти культурные церемонии и события в виде строительства памятников, обелисков, мавзолеев, надгробий, празднования праздников, воспоминаний «на словах» — лишь формальное обрамление реальной смерти, некото-

рая конвенция, договорённость вспоминать мёртвых, как живых, зная, что они мертвы.

Агеев пытается противостоять такому конвенциональному пониманию мёртвого как живого. Он пытается жить в единстве трёх времён — прошлого, настоящего и будущего, оказываясь в этой попытке «наследником» Августина и М. Хайдеггера.

Напомним, в «Исповеди» Августин даёт ёмкую характеристику того, что есть память: «...настоящее прошедшего — это память» [1, с. 222]. Две других способности души — созерцание и ожидание, соответственно, отвечают за «настоящее настоящего» и «настоящее будущего». Настоящее — суть времени. Оно не имеет длительности, но измеримо в душе [1, с. 228]. Память становится зависимой от времени, но при этом — конкретизирует настоящее в прошлом, иначе — без памяти прошлое как настоящее невозможно. Усилим: без памяти прошлое вообще невозможно, ибо если не будет памяти о прошлом, то не будет и времени, как прошлого, а значит, время будет в небытии, что для Августина (как философа — платоника) невозможно. Позднее М. Хайдеггер назовёт единство трёх времён (настоящего, прошедшего и будущего) «временностью» [16, с. 326], и с точки зрения памяти о будущей смерти это логически правильно. Целевая причина Аристотеля находится впереди предмета, а не позади его и временность М. Хайдеггера подчёркивает единство потока трёх времён, объединённых в целое. И, если бытие человека принадлежит такому пониманию времени, то акцент в этом времени дан на будущее — «заботу» и «смерть». Сугубо философски, т. е. аналитично — логика М. Хайдеггера, предложенная им в отношении «присутствия» (так перевёл Dasein В. В. Бибихин) в «Бытии и времени», вписывается в схему понимания смерти верующего христианина. Смерть как будущая граница постоянно, неустанно принуждает помнить о себе.

Возвращаясь к постановке вопроса Августином в «Исповеди», следует те-

матически реконструировать тезис «... настоящее прошедшего — это память» в контексте «Исповеди». Самым существенным с нашей точки зрения является связь памяти, как «настоящего прошедшего» с идеей выкупа за принесённую жертву. Об этом говорится в последней (43 главе) Десятой книги «Исповеди». Эта глава предваряет ту главу, в которой Августин разбирает «только время» (глава Одиннадцатая). Но без этого понимания «жертвы-выкупа» дальнейшие рассуждения о времени в «Исповеди» понять крайне затруднительно.

Одиннадцатая книга «Исповеди» посвящена времени, его созданию и существованию. За этими вопросами стоит вопрос вопросов — вопрос бытия Бога во времени. Августин прямо утверждает Бог — создатель времени [2]. Время — самая очевидная и первичная реальность, которая, казалось бы, может многое объяснить в мире, например — развитие, изменение, деградацию чего-либо или кого-либо, т. н. эволюцию, исторические процессы и проч. В этом смысле время — сродни языку: пока не скажешь, тебя не поймут, но обязательство говорить — не исключает возможности того, что тебя всё равно не поймут и того, что несказанное существует, т. е. всё-таки находится в бытии. В 31 книге главы Одиннадцатой, т. е. в самом завершении этой главы, Августин делает вывод о связи времени и Бога — «Ты постигаешь его (время — *Л. Ч., Е. П.*) гораздо чудеснее и гораздо таинственнее» [1, с. 232]. Но тайна Бога не отменяет нашей, человеческой способности и необходимости время понимать и исследовать. Исследование времени Августином в этой главе сводится к следующему: время создано; время собственно суть настоящее; измеряется время в душе человека; память удерживает время-настоящее и она делает человека целостным [20].

Выводы из этих положений объясняют нам фундирующую роль памяти в существовании-бытии человека вообще. Без памяти невозможна целостность личности, которая максимально интен-

сивно переживает момент настоящего теперь. Если этого чувствования настоящего, т. е. памяти, нет, то человек оказывается «низвергнутым во время» [1, с. 231] и, время его, по словам Августина — «раздирает в клочья». Противостоит целостности рассеянность, не сосредоточенность, беспамятство. «Жизнь — это рассеяние между памятью и ожиданием» [1, с. 230] — подчёркивает Августин. Милость Бога — это способность преодолеть рассеяние, «собрать себя» [1, с. 230] и это «не рассеиваться» — цель адепта, цель поиска. Это, согласно епископу Гиппонскому — «высшая милость»¹ Божества. Итак — цель, условие для понимания времени в единстве — не рассеянность, цельность, сосредоточенность.

Именно эти качества присущи Агееву и другим героям повестей В. Быкова (Зосе из повести «Пойти и не вернуться», капитану Волошину из «Его батальона»). Пока же человек — «раздирается в клочья», т. е. не целостен и «низвергнут во время». С точки зрения того прошлого, которое «уже прошло» и в котором «всё уже решено» цельность памяти, единство времени — не обязательны и даже вредны. Зачем рыть землю и искать в ней неизвестно что, если памятники поставлены, герои награждены и враги заклеены? Что изменится от того, что Агеев, допустим, найдёт доказательство спасения Маши. Что произойдёт, что поменяется в жизни местных сельчан, в жизни общества, в жизни Агеева и его сына. Кажется, что ничего — «только лишь знание» о том, что она осталась жива и Агеев не виновен в её смерти.

Однако, единство памяти Агеева озабочено этим знанием; единство того времени, в котором он живёт, не позволяет прошлому просто уйти в небытие и стать мёртвым архивом библиотеки истории. Это знание может изменить его жизнь сейчас, в настоящем, в послевоенном будущем. Агеев не молод,

¹ Вопрос соотношения личного действия и «милости-благодати» мы здесь не рассматриваем, руководствуясь формулировкой самого Августина: «желание благодати есть само действие благодати».

он пенсионер, он сам скоро уйдёт из земной жизни и то событие прошлого, которое заставляет его думать о себе и которое осталось туманным, не прояснённым, не позволяет ему ясно, отчётливо, прямо взглянуть на самого себя. Как Августин в «Исповеди» пишет, что Тот, к кому он обращается — принёс «жертву за нас» [1, с. 206] и он постоянно думает о выкупе, о плате за эту жертву: «Я думаю о моём выкупе» [1, с. 206], так и Агеев думает о Маше как о жертве.

Таким образом, память — это плата за выкуп, за принесённую жертву. Не будет памяти, не будет необходимости отдать выкуп, а значит — не будет дела спасения, основного дела и цели всякого верующего. Седьмая, последняя глава повести «Карьер» завершается сценой рыдания Агеева, когда он слышит и понимает, что бульдозеры ночью (!) зарывает «карьер его памяти»: «Он плакал долго и самозабвенно, как это случалось некогда с ним в раннем детстве, о себе и о них, неизмеримых человеческих страданиях, которые, оказывается, ни для кого не проходят бесследно. Наученный жизнью, он уже понимал, что за всё надо платить ... Платит, конечно же, тот, кто менее всего повинен (выделено — Ч. Л., П. Е.), кто не рассчитывает на выигрыш, кто от рождения обречён давать...» [6, с. 287]. Маша оказывается жертвой, тем выкупом, плату за который следует отдать и, — этой платой в частности, помимо другого, является постоянная, непрекращающаяся память о выкупе. Жертва и в мифологическом, и в религиозном аспектах — суть самый важный и смыслообразующий ритуал устройства мира. Она, как жертва Авраама (С. Кьеркегор), вне логики, вне рассудка, вне чего либо, но не вне памяти, ибо свойство жертвы — не быть в прошлом. Она приносится постоянно, всегда, а не была принесена когда-то давно и поэтому о ней, дескать, можно помнить лишь как о событии прошлого.

Тому плачу Агеева, о котором было сказано выше, в начале Седьмой главы повести предшествует сон. В том

сне Агеев растворяется в «пустом пространстве», в некотором «пугающем» месте. Сам Агеев характеризовал свой сон как «грозный» и «загадочный». Во сне Агеев чувствует, что «выпал из времени», ему «тревожно», «он боится», «страдает». Он превращается в боль, страдание, «в муку» и у него не остаётся ничего, кроме «воспоминания и воображения себя» [6, с. 281]. Он понимает, что умер и В. Быков прямо пишет, что это «страсти». Эти страсти «напомнили» ему тот расстрел на краю карьера, когда он, не выдав товарищей, упал как бы убитый в карьер и чудом потом смог выжить. Таким образом, «Карьер» завершается страхом смерти и тем, что смерть героя наступит без определённого итога, без положительного знания о судьбе Маши. Эта душевная смерть повторяет ту физическую смерть, которая произошла с ним во время войны и эта вторая смерть во сне ужаснее и мучительнее той первой смерти.

Заключение

Василь Быков продолжает анализировать человека там, где выбор уже совершён, в ситуации пост-экзистенциальной. Выбор не просто нужно сделать, он не просто важен и должен произойти, он произошёл и с ним нужно жить. война, как оказывается — не самое страшное событие в жизни человека, страшнее воспоминание о ней¹, точнее — не воспоминание. Приходится жить в ситуации «после выбора» и это может быть сложнее, чем сделать сам выбор.

Василь Быков, как и его герой Павел Агеев, являются свидетелями войны и свидетельствуют о том, что происходило в прошлом. Парадокс именно таких свидетельств — страшных, невыносимых, запредельных с точки зрения обычной человеческой психологии, анализирует Дж. Агамбен. «Апория свидетельства» [3, с. 172], согласно Агамбе-

¹ Смерть поэта Пауля Целана иллюстрирует положение о том, что память о трагедии может быть страшнее и ужаснее самой трагедии. Пережив ужас лагеря в молодости, он не смог в дальнейшем пережить ужас памяти о лагере.

ну, погружает свидетеля в пространство между живыми и мёртвыми. Кажется, что свидетель может рассказать о случившемся беспристрастно, объективно, как «сторонний свидетель», но при этом он говорит о том, что с ним произошло как со «страдательным субъектом». Иначе невозможно, поскольку как узнать о том, что в действительности произошло, кроме «свидетеля» нет очевидца. Но поскольку то, «что произошло», выходит за границы разумного, человеческого, здравого, нормального, приемлемого, то кажется, что свидетель либо не объективен, либо вообще ничего не может сказать о том, что было. В таком состоянии свидетельства невозможность сказать, невозможность существования языка сближает позицию живого и мёртвого и возникает необходимость «... приступить к говорению на живом языке так, словно тот мёртвый, или на мёртвом языке, словно тот живой ... в любом случае за пределами ... уже сказанного» [3, с. 170]. Так Агеев сам не понимает до конца своих поступков. Он, конечно, хочет быть живым, хотя во время войны его уже убили, но не знание о судьбе Маши оставляет его в этом жутком промежутке между живым и мёртвым. Память играет с ним здесь злую шутку, но именно она позволяет назвать его и свидетелем события войны, и его участником [14], и тем, кто может в языке, как писатель, художник об этом событии рассказать нам.

Список источников

1. Августин, А. Исповедь / А. Августин. — М., 2000. — 464 с.
2. Августин, Аврелий. Об истинной религии. Теологический трактат: сборник научных трудов / Августин Аврелий. — Москва : Директ-Медиа, 2009. — 2913 с. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=42629> (дата обращения: 04.03.2024). — ISBN 9785998915000. — Текст: электронный.
3. Агамбен, Д. Homo Sacer. Что остаётся после Освенцима / Д. Агамбен. — М., 2011. — 192 с.
4. Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового Завета. Russian Orthodox Bible. United Bible Societies. 1991. — 1372с.
5. Богданова, В. О. Множественность интерпретаций как способ самопознания / В. О. Богданова // Социум и власть. — 2022. — № 2(92). — С. 83-95. — DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-83-95. — EDN GAEZGE.
6. Быков, В. Карьер / В. Быков. — М., 1990. — 384 с.
7. Быков, В. Повести: Дожить до расвета; Его батальон; Волчья стая; Сотников; Обелиск / В. Быков. — Минск, 1988. — 638 с.
8. Быков, В. В. Сотников: повести: [12+] / В. В. Быков. — Москва : Агентство ФТМ, Лтд, 2017. — Т. 10. — 145 с. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=459753> (дата обращения: 04.03.2024). — ISBN 978-5-4467-3046-9. — Текст: электронный.
9. Жилина, В. А. Проблема онтологизации нормативного бытия в религиозной практике человека / В. А. Жилина, К. М. Креписов // Социум и власть. — 2022. — № 1(91). — С. 7-14. — DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14. — EDN UUMHMF.
10. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. О. Лосского. — СПб., 1993. — 526 с.
11. Лукин, А. Н. Хронотоп войны начала XXI века: военно-философский аспект / А. Н. Лукин, С. С. Домрачев // Социум и власть. — 2023. — № 2(96). — С. 27—37. — DOI: 10.22394/1996-0522-2023-2-27-37. — EDN IWWNLD.
12. Мелетинский, Е. К. Поэтика мифа / Е. К. Мелетинский. Институт мировой литературы РАН, 4-е — изд. — М., 2000. — 407 с.
13. Мясникова, Л. А. Обращение к прошлому как источнику обновления / Л. А. Мясникова // В архив за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства: коллективная монография. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011. — С. 11—15.

14. Фатенков, А. Н. Память и экзистенция в отголосках войны / А. Н. Фатенков // *Философия и культура*. — 2016. — № 1 (97). — С. 108—116. — DOI: 10.7256/1999-2793.2016.1.16264. — EDN VKWRJР.

15. Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? / пер. с нем. Э. Н. Сагетдинова. — М.: Академический проект, 2015. — 351 с.

16. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М., 1997. — 452 с.

17. Чернов, Л. С. Время кино / Л. С. Чернов. — Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый. — 2021. — 214 с.

18. Шагалов, А. А. Василь Быков. Повести о войне / А. А. Шагалов. — М., 1989. — 302 с.

19. Элиаде, М. Космос и история / М. Элиаде. — М., 1987. — 312 с.

20. Chernov, L. Personal Memory and Memory of History / L. Chernov, E. Pogorelskaia // *Journal of Siberian Federal University*. — Humanities & Social Sciences. — 11 (2015 8). — 2734—2742. — DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2015-8-11-2734-2742>.

References

1. Avgustin, A. (2000) *Ispoved'* [Confession]. Moscow, 464 p. (in Russ).

2. Avgustin, Avrelij. (2009) *Ob istinnoj religii. Teologicheskij traktat: sbornik nauchnyh trudov* [About the True Religion. The Theological Treatise: A Collection of Scientific Works]. Moscow, Direkt-Media, 2913 p., available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=42629> (accessed 03.03.2024) (in Russ).

3. Agamben, D. (2011) *Homo Sacer. Chto ostajotsja posle Osvencima* [Homo Sacer. What Remains After Auschwitz]. Moscow, 192 p. (in Russ).

4. Biblija. *Knigi svjashennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta*. (1991) [The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Russian Orthodox Bible. United Bible Societies, 1372 p. (in Russ).

5. Bogdanova, V. O. (2022) *Mnozhestvennost' interpretacii kak sposob samopoznanija* [The Multiplicity of Interpretation as a Way of Self-Knowledge]. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 2 (92), pp. 83-95. DOI:

<https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-2-83-95> (in Russ).

6. Bykov, V. (1990) *Kar'er* [Quarry]. Moscow, 384 p. [in Rus].

7. Bykov, V. (1988) *Povesti: Dozhit' do rassveta; Ego batal'on; Volch'ja staja; Sotnikov; Obelisk* [Stories: To Live Until Dawn; His Battalion; Wolf Pack; Sotnikov; Obelisk]. Minsk, 638 p. (in Russ).

8. Bykov, V. V. (2017) *Sotnikov: povesti* [Sotnikov: Stories]. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd, vol. 10, 145 p., available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=459753> (accessed 04.03.2024) (in Russ).

9. Zhilina, V. A., Krepisov, K. M. (2022) *Problema ontologizacii normativnogo bytija v religioznoj praktike cheloveka* [The Problem of Ontologization of Normative Existence in Human Religious Practice]. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 1 (91), pp. 07-14. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14 (in Russ).

10. Kant, I. (1993) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason] / trans. from German by N. O. Losskogo. Saint Petersburg, 526 p. (in Russ).

11. Lukin, A. N., Domrachev, S. S. (2023) *Hronotop vojny nachala XXI veka: voenno-filosofskij aspekt* [Chronotope of the War of the Beginning of the XXI Century: Military and Philosophical Aspect]. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 2 (96), pp. 27-37. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2023-2-27-37> (in Russ).

12. Meletinskii, E. K. (2000) *Pojetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, 407 p. (in Russ).

13. Myasnikova, L. A. (2011) *Obrashenie k proshlomu kak istochniku obnovenija* [Turning to the Past as a Source of Renewal] / *V arhiv za biznes-planom, ili Kul'turno-istoricheskoe nasledie Ekaterinburga kak resurs obnovenija i razvitija turizma i gostepriimstva*. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, pp. 11-15 (in Russ).

14. Fatenkov, A. N. (2016) *Pamjat' i jekzistencija v otgoloskah vojny* [Memory and Existence in the Echoes of the War]. *Philosophy and Culture*, no. 1, pp. 108-116, doi 10.7256/1999-2793.2016.1.16264, available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=67436 (in Russ).

15. Heidegger, M. (2015) Chto zovetsya myshleniem? Moscow, Academic Project, 351 p.
16. Hajdegger, M. (1997) Bytie i vremja [Being and Time]. Moscow, 452 p. [in Rus].
17. Chernov, L. S. (2021) Vremja kino [Movie Time]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 214 p. (in Russ).
18. Shagalov, A. A. (1989) Vasil' Bykov. Povesti o Vojne [Vasil Bykov. Tales of War]. Moscow, 302 p. (in Russ).
19. Eliade, M. (1987) Kosmos i istorija [Cosmos and History]. Moscow, 312 p. (in Russ).
20. Chernov, L., Pogorelskaia, E. (2015) Personal Memory and Memory of History. Journal of Siberian Federal University. *Humanities & Social Sciences*, 11 (2015 8), pp. 2734-2742. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2015-8-11-2734-2742> (in Russ).

For citing: Chernov, L. S., Pogorelskaya, E. Yu. (2024) Religious and mythological aspects of memory of the Great Patriotic War in the works of Vasil Bykov. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 2 (100), pp. 7—20. DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-07-20 (in Russ).

UDC 128

EDN HPNTJY

DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-07-20

RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL ASPECTS OF MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE WORKS OF VASIL BYKOV

Leonid S. Chernov,

Ural State Mining University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0003-2277-2899
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Elena Yu. Pogorelskaya,

Autonomous non-profit organization
of higher education "Humanitarian University", As-
sociate Professor of the Department
of Socio-Cultural Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy).
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-9723-465X
E-mail: schreibigus@mail.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the problem of memory of the Great Patriotic War in the story "Quarry" by the Belarusian writer Vasil Bykov. The memory of the War, as the authors of the article demonstrate, has special qualities and characteristics for those who participated in it, for those who really want to remember the War and really remember it.

The purpose of the study. The paper shows how it is possible to interpret the phenomenon of memory in mythological and religious modes based on the material of V. Bykov's novel "The Quarry". **Methods.** The article uses the phenomenological method of A. Augustine and M. Heidegger, which leads to the existential time series of the "inner man", as well as the method of creative hermeneutics, which allows to trace stable semantic structures behind the artistic canvas of V. Bykov's text. The scientific novelty of the research. The mytho-

logical aspect of memory returns the characters to the point and event of the "beginning", in which the formation of an integral self-aware personality took place, into an ontological event constituting the foundation of human identification. Such an event is a tragic, existential event. This event remains relevant in memory, not transient, not disappeared, and determines the characteristics of the subject-memory all his life. This aspect of memory is opposed to "historical time", according to which the past has already passed in memory; one should live and think today-the present and the future. The religious aspect of the story's memory, as interpreted by the authors of the article, lies in the importance of memory, which it has in overcoming the power of time. Based on Augustine's analysis, proposed by him in Confessions, the authors bring together the logic of V. Bykov's memory research in this story and the reasoning of Bishop Hippo.

Results. Memory endows the events of the past with living qualities of the present time and, thus, memory as a "memory of the sacrifice-ransom", on the one hand, constantly encourages a Christian believer to think about death, and on the other hand, it is also an instrument of victory over it. In the matter of salvation, a religious person must remember himself, his deeds/offenses, his loved ones, the sacrifice of those and the One who redeemed this life and life in general with his death. In popular culture, in the religious worldview, in the historical attitude to life, such an attitude to memory is denied and causes misunderstanding. Hence, the attitude to the memory of the War in V. Bykov's work seems outdated, archaic and irrelevant, which the authors of this article disagree with.

Conclusions. The authors of the article conclude that the position of the writer front-line soldier V. Bykov in relation to the memory of the War is the position of "paradoxical evidence" and this position allows the author to really, most reliably and psychologically accurately describe from the "inanimate world" that area of the dead, terrible, inhuman that War creates and produces. And it turns out that it is necessary to remember this and think about it in order to be truly alive.

Keywords:

Vasil Bykov,
the story "Quarry",
war,
death,
Augustine,
sacrifice-ransom

Received: 03/04/2024

Accepted: 05/14/2024

Published: 06/30/2024

Copyright: © Chernov L. S.,

Pogorelskaya E. Yu. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

Для цитирования: Чжан, Ш.
«Альтернативная моральная политика»:
система «Тянься» и ее развитие /
Ш. Чжан // Социум и власть. — 2024. —
№ 2 (100). — С. 21—33. —
DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-21-33. —
EDN YUITNH.

УДК 1:304.50

EDN YUITNH

DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-21-33

«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»: СИСТЕМА «ТЯНЬСЯ» И ЕЕ РАЗВИТИЕ

Чжан Шучунь,

Российский университет дружбы народов,
аспирант кафедры истории философии.
Москва, Россия.
ORCID: 0000-0002-5145-2774
E-mail: shuchun.zhang@mail.ru

Аннотация

Введение. Анализируется китайская концепция *Тянься* как теория политической философии на основе основных мыслей двух главных представителей-философов — Чжао Тинян (Zhao Tingyang) и Сюй Цзилинь (Xu Jilin). В качестве представителей «жестких» и «мягких» тяньсяистов Чжао и Сюй предлагают отличающиеся друг от друга решения существующих проблем, развивая древнее понятие.

Цель. Представление и анализ концепция *Тянься* в качестве философской доктрины с фокусом на ее логическом строе и понятийной системе.

Методы. Был применён герменевтический метод для рассмотрения философских концептов изучаемого философа и критики его теории.

Научная новизна исследования. Изучаемая тема имеет тесную связь с современными реалиями, особенно в контексте того, что в российской науке современная китайская философия обсуждается достаточно редко. В процессе написания статьи использованы новейшие научные работы исследователей, что позволило получить более широкое представление с ориентиром на разные научные традиции.

Результаты. Проанализированы основные предположения двух философов. На основе анализа мы пришли к выводу о том, что система *Тянься* как переосмысление старой китайской концепции на фоне глобализации содержит немало неясностей и противоречий, которые требуют дальнейшей разработки. Как предлагает Чжао, его система *Тянься* как «политическая эпистемология» с миром как опорной политической единицей стремится к разрешению конфликтов путем политики «превращения врагов в друзей».

Он утверждает, что «настоящая политика» должна не приводить к конфликтам и борьбе, а решать существующие проблемы, поэтому политическая теория необходима для создания порядка стабильности и сосуществования.

Культуролог Сюй, в свою очередь, видит главную задачу в модернизации теории *Тянься* — устранении центрлизма и иерархичности старой системы *Тянься* и представляет свою версию под названием «нео-тяньсяизм». Он полагает, что данный современный вариант *Тянься* представляет собой некие универсальные и сверхнациональные ценности, на основе которых все участвующие стороны системы могут развивать взаимовыгодные дружественные отношения и добиваться стабильности. На основании герменевтического и компаративного анализа мы выявили, что основным положениям тяньсяизма, заключающимся в инклюзивности, вненациональности, равенстве и «дружбе», противоречат предположения и элементы из традиционного понимания *Тянься*, такие как ведущая роль самого Китая в создании этого порядка, универсальность китайских традиционных (которые, по сути, национальные) ценностей и «неправильность» западных политических теорий.

Выявлены терминологические и понятийные неопределенности, которые могут характеризоваться как «внутренние конфликты» системы.

Ключевые слова:
политическая философия,
китайская философия,
космополитизм,
конфуцианство,
мораль,
политика,
режим,
Тянься,
нео-тяньсяизм

Поступила: 22.03.2024

Принята: 30.05.2024

Дата печати: 30.06.2024

Права: © Чжан Ш. (2024).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Введение

Зародившись на пересечении политологии и философии, политическая философия всегда стремится к созданию теории, направленной на понимание и улучшение политической действительности. К числу таких теорий относится и «Тянься» («Поднебесная») — древнекитайская концепция, опирающаяся на принципы инклюзивности и космополитизма. Как отмечает один из главных представителей этой концепции — Чжао Тиньян (Zhao Tingyang) — цель данной системы заключается в обеспечении «совместимости всех народов и всех стран» [4]. В этом ключе результатом *Тянься* должны стать «великая гармония» всех народов и мирное сосуществование.

Понятие Тянься в китайской культуре появилось в древности и обрело за два тысячелетия несколько значений. Как другие древние концепции, Тянься в начале своего существования служила инструментом эгоцентричного понимания внешнего мира. Как описывает политический философ, историк и культуролог Сюй Цзилинь (Xu Jilin), «Тянься» в китайской культуре охватывает как минимум два широких понятия — идеальный этический порядок и представление о мире с Китаем как географическим центром. Сюй отмечает, что изначально в Тянься как систему представлений о мире входили лишь три слоя в виде «концентрических кругов»: 1) регионы, контролируемые непосредственно центральным единым правительством; 2) квази-автономные краевые регионы и 3) вассальные государства, находящиеся под культурным влиянием Китая. Все остальное, что находилось вне этих слоев, считалось древними китайцами варварской территорией и не включалась в систему Тянься. Несмотря на то, что в результате расширения китайского государства в систему Тянься вошла огромная территория, она достаточно сильно отличалась от современного космополитизма. Сюй считает, относительность границ своих и чужих приве-

ла к тому, что Тянься «теоретически бесконечна, но в реальности не равняется с миром» [13].

Как справедливо отметила Т. А. Алексеева, политики опираются на теории, «которые в состоянии охватить множество переменных» [1]. Растущее внимание к переосмысленной концепции Тянься во всем мире объясняется тем, что она за длительную историю уже превратилась в теорию, которая пытается по-своему объяснять политические реалии на основе китайского традиционного понимания мира, которое до сих пор остается малопонятным другим культурам.

Однако, как мы выяснили в данном исследовании, тяньсяизм как теория всечеловеческого масштаба с целью разрешения и избегания конфликтов, содержит в себе немало неясностей, непоследовательностей и противоречий. Если допускать метафорическое понимание «конflikта», то можно сделать вывод, что для теории Тянься характерны «внутренние конфликты», касающиеся решения вопросов о природе политики, статусе всех членов-стран в этом гипотетическом мире и образе их взаимодействий. Данные конфликты отражаются в первую очередь в определении роли самого Китая в новом мировом порядке.

Тянься как философская концепция обсуждается за пределами Китая, в том числе в РФ, в основном политологами. При этом Чжао как философ неоднократно указывает, что система Тянься является скорее «представлением о мировом порядке» и не имеет отношения к реальному положению дел в мире. Эта ситуация объясняется тем, что система Тянься в теоретическом плане уделяет больше внимания взаимоотношениям разных стран, а статус КНР как одной из современных держав усиливает чувство недоверия у зарубежных исследователей к возможной «гегемонистской стабильности с китайской спецификой» [10]. Отзывы об этой теории, поступившие в основном от специалистов в области международных отношений, почти всегда сосредоточены

на возможных следствиях применения данной теории в сегодняшней практике («гегемонистская стабильность» [10], «усиление дихотомии “Восток-Запад”» [6] и т. п.), и в некоторой степени пытаются критиковать текущий китайский режим через призму Тянься.

По нашему мнению, стоит отделять философский подход от обсуждения политической реальности. Исходя из этого, мы в данной статье стремимся к представлению и анализу этой всеохватывающей схемы как общей философской системы о мировой политике, концентрируясь на ее теоретическо-концептуальном аспекте.

«Тянься» в политической философии Чжао Тиняна

Одним из самых ярких представителей тяньсяизма признается Чжао Тинян, который считает глобализацию ключевым политическим контекстом функционирования Тянься в качестве «порядка существования» (order of being) и «мира глобальности» (a world of worldness) [14].

Так, актуальность теории Тянься Чжао объясняет тем фактом, что в современной политике до сих пор не сформировалась работающая теория международной политики. Как считает Чжао, в условиях глобализации теория международной политики «сокращается в теорию частных конфликтов» и утратила способность объяснять политические проблемы мира. Он называет современную международную политику «войной под прикрытием политики», которая не в силах «закончить анархичное состояние мира» [14].

На этом основании философ характеризует Тянься прежде всего как идеал политического мышления и «политическую эпистемологию», позволяющую анализировать политические реалии в рамках «глобального обзора» [14]. Он считает глобализацию ключевым политическим контекстом функционирования Тянься в качестве «порядка существования» (order of being) и «мира

глобальности» (a world of worldness) [14].

Как считает Чжао, в самом термине «политика», производном от древнегреческого слова *polis* («город-государство»), отражается доминирование западного понимания политического. Как отметил Чжао, в западном понимании государство представляет собой максимальную политическую единицу, а мир — лишь географическое понятие. На основе такого представления западная философия, как считает Чжао, размышляя о мире, видит его в рамках своих государственных интересов. Так, по мнению китайского философа, одно из самых главных отличий китайской политической логики от западной заключается в том, что основной политической единицей западной системы является индивид, из права которого исходит суверенитет государства. Из-за этого в системе западной философии «нет места мировому политическому режиму» [16, с. 12]. Указывая на усилия И. Канта в данном направлении, Чжао утверждает, что немецкий философ «ограничивался западной философской схемой» и не добивался настоящей «мировой политической философии» [16, с. 12]. Западная политическая теория, по мнению Чжао, приведёт к «беспорядочному миру, где отсутствует политическая значимость и господствует насилие» [16, с. 12]. Из-за данного ограничения, как указывает Чжао, определяемые западной философией ценности и режимы не способны создать «общий режим глобального характера» [16, с. 13]. Он полагает, что западная политическая философия осталась «эмпирической философией» и не дошла до уровня «политической метафизики» [16, с. 13], поэтому не в состоянии разрешить вопросы, которые выходят из-за пределов отдельной страны.

Выход из данной ситуации Чжао видит именно в системе «Тянься». По его представлению, главным вопросом в политической философии должно быть «как создать мир в политическом смысле» [16, с. 14]. А для осмысления этого вопроса нужно сначала разработать новую методологию. По оценке Чжао,

преимущества китайской политической философии не заключаются в ее «моральности», а в методологии: в теории Тянься *мир* является опорной точкой политического порядка, из которой исходят такие понятия, как государство и семья. Как утверждает Чжао, порядок Тянься > Государство > Семья обеспечивает распространение политического режима «на все его составляющие».

Аргументируя неисправимость пороков западной политической философии, Чжао ориентируется на достаточно своеобразную логику: если политический режим не может быть эффективным «всегда и везде», то он представляет собой «ложь». В качестве примеров он упоминает демократию, государственный суверенитет и права человека. Он утверждает, что вышеуказанные понятия, характерные для западной политической теории, не смогли распространиться на все члены мирового общества: демократия в одной стране не приводит к мировой демократии; уважают суверенитет не всех стран и защищены права не всех людей. На основе этого утверждения Чжао приходит к выводу, что «западный политический режим лишен универсальности», потому что он не может применяться ко всему миру.

Тут мы видим проявление «парадоксальности» Тянься в представлении Чжао [16, с. 23]: пытаюсь показать недостатки западной теории, философ опирается на политические реальности. Например, как полагает философ, отсутствие где-либо в мире демократии доказывает ложность самого понятия. При этом универсальность Тянься он объясняет на чисто теоретическом (по словам самого Чжао — метафизическом) уровне: тот факт, что в мире пока не распространён режим Тянься (как и демократия), по каким-то причинам не влияет на «истинность» этого режима. Даже если согласиться с его утверждением о том, что вышеупомянутые понятия являются полной ложью, универсальность Тянься остаётся предположительной:

Чжао делает вывод, что такие харак-

терные для Запада понятия, как демократия, суверенитет и права человека, «не могут» распространиться на весь мир, на основе того, что цели указанных концепций не во всем мире достигнуты. На этой основе *Тянься* считается им идеальным «контррешением», которое как будто не должно пройти то же самое испытание реальностью.

Стоит также отметить место понятия *империя* в теории Чжао. Под *империей* он понимает культурно-политическую систему, которая «существовала давно как естественный порядок» [16, с. 23]. По его мнению, появление национальных государств в современном мире разрушило «легендарные имперские традиции и все идеалы» [16, с. 23], а развивавшийся на этой основе новый империализм привел к «крупнейшим войнам в истории» [16, с. 24]. Таким образом, Чжао положительно относится к понятию *империя* и характеризует систему *Тянься* как «концепцию и идеал о империи» [16, с. 27]. Иными словами, система *Тянься* для Чжао должна быть *империей*, которая охватывает весь мир¹. В своих работах он также использует слово *империя* (кит. 帝国) как синоним к *Тянься*.

Итак, Чжао утверждает, что теория *Тянься*, в отличие от имеющихся западных теорий, является «метафизикой всех возможных мировых порядков» [16, с. 26]. Далее будем рассматривать структуру данной метафизики.

Тянься как идеальный мировой порядок и «политическая онтология»

В теории Чжао *Тянься* как «новая концепция политики» предлагает воспринимать мир как «условие максимального размера» [15, с. 120] для совместной жизни и интерпретировать политические вопросы внутри этой шкалы. Как выясняет Чжао, *Тянься* рассчитывается на создание «порядка сосуществования» (order of coexistence)

¹ Чжао утоняет, что мир в этом контексте обсуждается как философское понятие (в отличие от реального мира).

[15, с. 120], где мир как целое становится одной политической единицей. Он полагает, что понимание мира через схему *Тянься* позволит анализировать все вопросы, основываясь на мире как «единице осмысления все вопросы с опорой на мир как «единицу осмысления» и создать политический порядок, который соответствовал бы реалиям глобализации.

На основе своего понимания политики Чжао выделяет такие «политические единицы» (political units), как *Тянься* > государство > семья > индивид. Как объясняет Чжао, в политической традиции древнего Китая выделились только первые три уровня, а «индивид» долгое время существовал как биологическое понятие и стал политической единицей намного позже под влиянием западного индивидуализма. По мнению Чжао, данный порядок политических единиц обеспечивает «полный политический контекст» [15] и позволяет объяснять все политические вопросы.

Таким образом, методология *Тянься* по Чжао рассматривает мир как «субъект политики», предлагая определять политический порядок и легитимность «в масштабах мира» [15].

Общим принципом данной системы Чжао называет «в Тянься нет чужих» (кит. 天下无外), а метафизическое основание всей системы философ видит в том факте, что *тянь* («небеса») воспринимается как нечто целое, поэтому все, что находится под ним, тоже должно составлять единое целое. Как характеризует Чжао, этот методологический принцип «трансцендентально» видит мир как единое политическое понятие, что отменяет его «внешность» и границу между своими и чужими-врагами. Чжао объясняет: «Никто не воспринимается как чужой, которого нельзя принимать (как своего); никакая страна, нация или культура не считается врагом, с которым нельзя ужиться. Любые страна и регион, которые еще не вошли в систему *Тянься*, приветствуются в этом пространстве сосуществования. <...> Даже если кто-то из чужих отказывается присоединяться к системе *Тянься*, обя-

зательно существует какой-то способ сосуществования». Таким образом, по мнению Чжао, центральным вопросом глобальной политики становится «интернализация мира, то есть превращение мира в Тянься» [15, с. 124].

Итак, как утверждает Чжао, система Тянься не позволяет воспринимать граждан других государств как врагов и предлагает рассматривать мир и все в этом мире («all under heaven») как «общие блага и ресурсы». На этом основании он в систему Тянься включает два идеала — 1) режим мировой политики с наименьшими конфликтами и максимальным сотрудничеством и 2) режим мировой культуры, признающий и охраняющий право на отдельную культуру [15, с. 124].

На данном этапе анализа стоит отметить своеобразное понимание политики Чжао. Выделяя оппозицию/конфликты «превращение внешнего во внутреннее» как «две формы политики», он утверждает, что политическая концепция конфликтов «не выражает настоящую политику» и не решает никаких проблем, а лишь описывает сами конфликты как факты. Критикуя политические теории К. Шмидта, Т. Гоббса, К. Маркса и др. западных мыслителей за предположение неизбежных конфликтов, он пишет: «Если политика только исследует, как продолжать эту борьбу, то она не решает никакой проблемы, а усиливает ее». На этом основании он утверждает, что «борьба и конфликты — это проявления неэффективности и даже неудачи политики, а политика должна ставить целью «создать совместную жизнь» и «уважать мир». Из-за этого «политика поиска врагов» представляет собой «обратную сторону политики», и «только превращение врагов в друзей (кит. 化敌为友) — это политика» [15, с. 124].

«Нео-тяньсяизм» Сюя Цзилина как сверх-национальная схема

Сюй Цзилин как культуролог в своей теории о Тянься уделяет больше внимания тому, как в условиях глобализа-

ции создать форму космополитизма, основанную на тяньсяизме и универсальной цивилизации. Как считает Сюй, источником приближающегося кризиса современной политики является национализм, который привел к «атрофии цивилизации» [13, с. 124].

Сюй считает национализм, имеющий западное происхождение, источником дихотомии «Китай — Запад» в современной китайской культуре. Характеризуя это движение как «внутреннее требование современности», Сюй предупреждает, что его превращение в «высшую ценность» приведет только к катастрофе. На этом основании он предлагает свою систему под названием «нео-тяньсяизм», который, как полагается, должен помогать «компенсировать» следствия укрепления национализма.

Сюй утверждает, что китайская цивилизация изначально основывалась на универсальных человеческих ценностях и была открытой и толерантной. Он различает цивилизацию и культуру, подчеркивая, что цивилизация впитывает всё, что является полезным для всех, тогда как культура сосредоточена на относительных и «своих» элементах.

Таким образом, Сюй настаивает, что ценности, которые полезны для Китая, должны быть полезны и для всего человечества. Этот тезис он рассматривает как аксиому и основу своей системы нео-тяньсяизма. Сюй считает Китай государством с «Мировым духом», которое несет ответственность перед всем миром. При этом он заимствует понятие Гегеля, придавая «Мировому духу» конкретное и, по его мнению, новое значение: для Сюя Мировой дух и есть его нео-тяньсяизм.

Исследователи относят Сюя к числу к числу «мягких тяньсяистов» (soft tianxiaists) [11, с. 115—116] поскольку он критикует систему Чжао (как представителя «жестких тяньсяистов») за её империализм [13]. В частности, он выступает против мысли Чжао, что наличие центрального института является обязательным условием функционирования Тянься. Это и отличает неотянь-

сяизм от концепции Чжао.

Так, Сюй предлагает, что для улучшения модели старой версии *Тянься* необходимо 1) преодолеть ее центризм, 2) ввести принцип равенства национальных государств и 3) избегать рассматривать национальные интересы как доминирующие факторы политики. В результате нео-тяньсяизм, по словам Сюя, отличается от традиционной системы *Тянься* двумя особенностями:

- децентрализация и деиерархизация;
- он способен создать новый, более универсальный режим *Тянься* [13].

Как описывает Сюй, если традиционный тяньсяизм основан на иерархических отношениях в виде «центр — периферия», то нео-тяньсяизм обозначает равенство и взаимоуважение разных национальных государств по принципу «политики признания». Он видит в этой системе универсальную ценность, которая заключается в «сверхнациональности». Как описывает Сюй, наивысший статус национального государства в международной политике приведет «к созданию врагов, даже если их изначально не было». Для решения этого вопроса Сюй, как и Чжао, предлагает завести как можно больше «друзей» и на этой основе сохранить долгосрочную стабильность.

Главное отличие схем развития дружественных отношений по Сюю и Чжао мы видим в решении детального вопроса о том, как завести этих друзей. Как было показано выше, Чжао не даёт четких указаний на более конкретные шаги для «превращения врагов в друзей», представляя этот общий принцип в качестве инструкции; а Сюй предлагает осуществить эту цель по примеру китайской империи, которая «с помощью *даннической системы* (кит. 朝贡体系) заводила везде друзей-партнёров, и даже превращала врагов в друзей». Как объясняет Сю, практическая цель тяньсяизма — это «превращение врагов в друзей, а конфронтационных оппозиций “враги-свои” — в взаимовыгодные отношения» на принципах равенства.

Предложенный Сю способ застав-

ляет нас интерпретировать понятие «друзья» в контексте Тянься как «партнёры-сообщество». При этом пример Китайской империи как исторической сверхдержавы в этом конкретном случае вызывает сомнение: с помощью «даннической системы» между империей и ее вассальными странами создается скорее покровительственная связь, чем некая «дружба». Даже если допускать отнести такой тип связей к «дружбе», односторонность данничества мешает определить стороны как равноправные. Это противоречие также отражается в части его теории о роли самого Китая в процессе создания данной системы:

Как считает Сюй, китайская концепция *Тянься* представляет некую универсальную для всех стран ценность. Он пишет, что для достижения цели «воссоздать державу цивилизации», поведение Китая должно «копироваться на универсальную цивилизацию и сдерживать свое уникальное понимание этой универсальной цивилизации». Как предлагает Сюй, это понимание не должно быть основано на национальной культуре, и Китаю необходимо уговорить мир принять универсальные стандарты цивилизации и доказать правильность этого понимания. Он считает обязанностью Китая создавать не «партикулярную культуру, которая подходит только какой-то определенной стране или нации», а «цивилизацию, которой свойственны универсальные для всего человечества ценности».

Итак, на основании описаний Сюя можно охарактеризовать нео-тяньсяизм как систему, которая призывает к созиданию «вненационального» порядка с «универсальными» ценностями, которые характерны именно для китайской цивилизации. Однако, мы видим противоречие между «сверхнациональностью» этой системы и утверждением о том, что Китай как держава обязан в процессе ее создания играть инициаторскую или даже кураторскую роль. Возникает гносеологический вопрос о том, как определить «универсальные для всего человечества ценности» и в

случае необходимости еще «уговорить» другие культуры в их «правильности», если ценность по своему определению носит относительный и субъективный характер.

Спор вокруг Тянься

В контексте потребности изменения или замены текущего международного порядка, современное понимание Тянься активно обсуждается за пределами КНР, в том числе в РФ, и среди китайских историков (см., например, [Yun Tang 2023]). Как отметил американский китаист Эдвард Н. Люттвак, определенные государства «имеют культурные предрасположенности и политическую структуру для того, чтобы пытаться оказывать влияние на другие государства, а не быть под влиянием» [9, с. 4]. Критика Тянься в качестве возможного политического средства, по нашему мнению, связана именно с этим утверждением.

В качестве положительного аспекта Тянься исследователи в первую очередь отмечают ее инклюзивность. Как характеризует немецкий исследователь Надин Годехардт, европоцентристская концепция международного порядка, определяющая понимание международной политики уже почти 200 лет, «подверглась явным испытаниям со стороны новых разнообразных игроков, которые все чаще заставляют традиционные державы серьезно задуматься о том, чего они «хотят» [7]. В этом контексте, по мнению Godehardt, Чжао показывает своеобразную перспективу на мир «через подчеркивание онтологии сосуществования, необходимости кооперации и гармонии, а также встроенности и рациональности» всех действующих сторон [7].

Финский исследователь Matti Puranen, наоборот, считает Тянься эксклюзивной системой. Он делает вывод, что в этой системе есть место для всех, «кроме Запада» [11, с. 97]. По его мнению, *Запад и Китай* в концепции тяньсяистов представляются как неясные и неопределенные понятия, что сделало их пере-

определение достаточно удобным.

Как характеризует исследователь, главный аргумент сторонников Тянься основан на том, что западная система политических ценностей ограничена «региональными условиями», из-за чего она лишена универсальности и не подходит Китаю как одной из старейших культур мира. Он полагает, что в китайском осмыслении мировой политики Запад рассматривается не то, как модель, не то, как враг. При этом цель современных версий Тянься, по его утверждению, заключается в «делегитимизации <...> либерального международного порядка через переосмысление самой сущности мировой политики» [11, с. 101].

Однако, как констатирует Пуранен, по описанию Чжао, единственное условие при вхождении региональных единиц в систему Тянься — это «передача своего суверенитета в международных делах центральному институту Тянься» [11, с. 113]. На этом фоне он критикует современные версии Тянься за то, что они «постоянно пытаются притягивать регионы», которые не являются добровольными членами, в этот порядок [11, с. 114]. Таким образом, как считает политолог, по теории Тянься, Китай представляет собой «уникально мирный» игрок международной политики, а не как «гегемон» [11, с. 114], хотя он в этом порядке занимает наиболее сильную позицию и в военном, и экономическом планах.

Политолог Giedrius Česnaikas указывает на «утопичность» Тянься, отмечая, что иерархическая структура «не препятствует конфликтам», а сам идеал Тянься уже рухнул из-за анархических элементов внутри него [8].

Аргентинский политолог Хуан Круз Маргеличе в свою очередь связывает актуальность системы Тянься с желанием современного Китая стать «лидером консенсуса» [10]. Он отмечает, что Китай в этом процессе пытается не «сблизиться с остальным миром, а создать с нуля свое теоретико-дискурсивное предложение» [10].

«Внутренние конфликты» в системе Тянься: закключение

Итак, проведенный анализ позволил рассматривать современные версии *Тянься* в качестве идеологического учения, направленного на идеальный для Китая международный порядок, где отсутствуют конфликты и выгодно только сотрудничать. Мы, однако, в ходе анализа увидели несколько «внутренних конфликтов» в самой системе:

1. Идеологичность — «универсальность».

Тяньсяисты, указывая на ограниченность западной политической философии, уверены в универсальности своих ценностей и необходимости всем «дружить». На этом основании *Тянься* больше походит на идеолого-этическую систему, ценности которой носят неоспоримый характер и имеют наивысший статус. При этом, как было выявлено выше, своеобразная интерпретация тяньсяистами центрального для *Тянься* понятия «друг» приписывает и понятию «дружба» некий ценностный характер: дуализм «враг — друг» в концептуальном плане исключает возможность существования «сторонних», и под врагами понимаются все «не-друзья», которых надо научить сотрудничать. Из-за того, что разделение друзей и не-друзей (для которых тяньсяисты используют термин «враг») является относительным и типовым, «универсальность» тех ценностей, которые основаны на этом разделении, тоже вызывает сомнение.

Таким образом, идеологичность как свойство тяньсяизма и «универсальность», о которой заявляют сами тяньсяисты, находятся именно в некоем состоянии «конфликта». Его можно охарактеризовать как конфликт субъективной и объективной оценки.

2. Политика — «Политика».

Данный «конфликт» характерен для концепции Чжао. Как было показано в данной статье, Чжао использует термин политика в совсем разных значениях, не давая свое четкое определение. Од-

нако в результате анализа мы смогли выделить как минимум три широких понятия в его системе под одним названием: он характеризует «Тянься» как образец «настоящей» политики (далее — Политика); политика Запада — это война под прикрытием политики (далее — «политика»); а в некоторых случаях он это слово использует для общепринятого понимания политики как области общественной деятельности (далее — политика). Анализ работ Чжао показал, что Политика и «политика» как два подхода политики, представленные Китаем и Западом, составляют еще одну линию дихотомии. Это противостояние, по видимости, исходит именно из дуалистского деления «Китай — Запад», но оно нам интересно с онтологической точки зрения: критикуя западную идеологию, Чжао заодно и отрицает сущность западной политической деятельности. Подобного рода «вызов», на наш взгляд, противоречит тому заявлению, что тяньсяисты только пытаются разрешать конфликты — они иногда и создают их.

3. Национальность — «вненациональность».

По представлению Сюя, Китай «обязан» в процессе становления вненационального режима *Тянься* выступать в качестве куратора для всех остальных стран. Такую роль он объясняет именно неоспоримой «универсальностью» китайских ценностей. Это утверждение сразу вызывает вопрос о том, чем отличаются китайские «универсальные» ценности от западных «не-универсальных», как утверждают тяньсяисты, принципов. Вместо того, чтобы назвать конкретные универсальные ценности, Сюй предполагает распространять именно «китайские» ценности, которые, по его утверждению, приводят к «сверх-национальному» порядку. Однако, на наш взгляд, «национальность» подобных ценностей, которые характеризуются культурно-специфическими особенностями, по определению противоречит представлению о «вненациональности» предложенного порядка.

Итак, на основе всего вышесказанно-

го мы пришли к выводу, что в системе *Тянься* внимание в основном уделяется абстрактным ценностям, а конкретные способы их реализации остаются неясными. В этом смысле она больше походит на этическую систему, ценности которой носят неоспоримый характер и имеют наивысший статус. При этом «универсальность» этих ценностей, на которую претендуют тяньсяисты, аргументируется с помощью истории китайского государства и заявления о неэффективности западной модели. Исходя из того, что одними из самых важных принципов данной системы должны быть инклюзивность и толерантность, критика тяньсяистами о «неправильности» западных политических систем кажется нам необоснованной. С этим, по нашему мнению, связана сложность ее применения за пределами Китая: по идее, в *Тянься* должны быть включены все, но на практике не все получают приглашение.

Список источников

1. Алексеева, Т. А. Политическая философия как практическое знание / Т. А. Алексеева // Полис. Политические исследования. — 2010. — № 1. — С. 54—60. — EDN КХОТЕТ.
2. Грачиков, Е. Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям / Е. Н. Грачиков. — М.: Аспект Пресс, 2021. — 304 с. — EDN GIYLRK.
3. Нижников, С. А. Мораль и политика в контексте духовных и интеллектуальных традиций / С. А. Нижников. — М.: ИНФРА-М, 2011. — 378 с. — EDN SDQRRN.
4. Чжао Тинян. Современный взгляд на китайскую мечту / Чжао Тинян // Международные процессы. — 2015. — Т. 13, № 2(41). — С. 21—34. — DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.2. — DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.2.41.2>. — EDN UCCVDB.
5. Callahan, W. A. Chinese visions of world order: post-hegemonic or a new hegemony? / W. A. Callahan // International Studies Review. — 2008. — Т. 10, № 4. — P. 749—761. — DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2008.00830.x>.
6. Chu, S. Whither Chinese IR? The Sinocentric subject and the paradox of Tianxia-ism / S. Chu // International Theory. — 2022. — № 14 (1). — P. 57—87. — DOI: <https://doi.org/10.1017/S1752971920000214>.
7. Godehardt, N. No end of history: a Chinese alternative concept of international order? / N. Godehardt. — Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik — Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2016. — 24 p.
8. Giedrius, Č. The Collective Imagination and the Limitations for the Tianxia to Replace the Westphalian World Order / Č. Giedrius // Politologija. — Vol. 105, núm. 1. — 2022. — P. 133—157. — DOI: <https://doi.org/10.15388/Polit.2022.105.4>.
9. Luttwak, E. N. The Rise of China vs. the Logic of Strategy / Edward N. Luttwak. — Harvard University Press, 2012. — DOI: <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674067936>.
10. Margueliche, J. C. El sistema de Tianxia y el sueño chino como plataformas teóricas-discursivas para la construcción de legitimidad en la nueva ruta de la seda de China (The Tianxia system and the Chinese dream as discursive-theoretical platforms for the construction of legitimacy on China's new Silk Road) / J. C. Margueliche. — Razón Crítica. — 2019. — № 7. — P. 25—52. — DOI: 10.21789/25007807.1440.
11. Puranen, M. Warring States and Harmonized Nations: Tianxia Theory as a World Political Argument / M. Puranen. — Jyväskylä : University of Jyväskylä. — 2020. — 205 p.
12. Xiao, Ouyang. 'Tianxia' and 'Renlei mingyun gongtongti': a revival of cosmopolitanism in a Chinese cultural disguise? / Ouyang Xiao // Journal of Global Ethics. — 2021. — Vol. 17, no. 1. — P. 1—10. — DOI: 10.1080/17449626.2021.1967185.
13. Xu, Jilin. Jiaguo tianxia: xian-dai zhongguode geren guojia yu shi-jie rentong [Семья, страна и тянься: идентификация индивида, страны и мира в современном Китае] / Jilin Xu. — Shanghai People's Press, 2017. — 476 p.

14. Zhao, Tingyang. All under Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order / Tingyang Zhao. — University of California Press, 2021. — 333 p. — DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520974210>.

15. Yun, Tang. The State of the Field Report X: Contemporary Chinese Studies of Tianxia (All-Under-Heaven) / Tang Yun // Dao. — 2023. — № 22. — pp. 473—490. — DOI: <https://doi.org/10.1007/s11712-023-09896-6>.

16. Zhao, Tingyang. Huaishijie yanjiu: zuowei diyi zhexue de zhengzhi zhexue [Investigations of the Bad World: Political Philosophy as First Philosophy] / Tingyang Zhao. — People's University of China Press, 2009. — 366 p.

17. Zhao, Tingyang. Tianxia Tixi: Shijie zhidu zhexue daolun [The Tianxia System: An Introduction to the Philosophy of World Institution] / Tingyang Zhao. — People's University of China Press, 2011. — 288 p.

18. Zhao, Tingyang. Redefining A Philosophy for World Governance (Key Concepts in Chinese Thought and Culture) / Tingyang Zhao. — NY: Palgrave Pivot, 2019. — 107 p. — DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-13-5971-2>.

19. Zhao, Tingyang. Redefining the Concept of Politics via 'tianxia': The Problems, Conditions and Methodology / Tingyang Zhao // World Economics and Politics. — 2015. — № 6. — P. 4—22.

20. Zhao, T. Rethinking Empire from a Chinese Concept 'All-under-Heaven'(Tianxia) / T. Zhao // Social Identities. — 2006. — № 12 (1). — P. 29—41. — DOI: <https://doi.org/10.1080/13504630600555559>.

21. Zhao, S. Rethinking the Chinese world order: The imperial cycle and the rise of China / S. Zhao // Journal of Contemporary China. — 2015. — № 24 (96). — P. 961—982. — DOI: <https://doi.org/10.1080/10670564.2015.1030913>.

22. Zhang, F. The tianxia system: world order in a Chinese utopia / F. Zhang // Global Asia. — 2010. — № 4 (4). — P. 108—112.

References

1. Arendt, H. (1970). O nasilii [On violence]. Moscow, Novoe Izdanie, 148 p. (in Russ).

2. Grachikov, E. N. (2021). Kitaiskaya shkola mezhdunarodnykh otnoshenii: na puti k bol'shim teoriyam [Chinese School of International Relations: on the way to Big Theories]. Moscow, Aspekt Press, 304 p. (in Russ).

3. Nizhnikov, S. (2011). Moral' i politika v kontekste duhovnykh i intellektual'nykh traditsij [Morality and Policy in Context of Spiritual and Intellectual Traditions]. Moscow, INFRA-M, 378 p. (in Russ).

4. Zhao, T. (2015). Sovremennyj vzgljad na kitajskuju mechtu [A contemporary view on the Chinese Dream]. Mezhdunarodnye processy, no. 13(2), pp. 21—34. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.2.41.2> (in Russ).

5. Callahan, W. A. (2008). Chinese visions of world order: post-hegemonic or a new hegemony? International Studies Review, vol. 10, no. 4, pp. 749—761. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2008.00830.x>

6. Chu, S. (2022). Whither Chinese IR? The Sinocentric subject and the paradox of Tianxia-ism. International Theory, no. 14(1), pp. 57—87. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1752971920000214>

7. Godehardt, N. (2016). No end of history: a Chinese alternative concept of international order? Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik — Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 24 p.

8. Giedrius, Č. (2022). The Collective Imagination and the Limitations for the Tianxia to Replace the Westphalian World Order. Politologija, no. 105(1), pp. 133—157. DOI: <https://doi.org/10.15388/Polit.2022.105.4>

9. Luttwak, E. N. (2012). The Rise of China vs. the Logic of Strategy. Harvard University Press. DOI: <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674067936>

10. Margueliche, J. C. (2019). El sistema de Tianxia y el sueño chino como plataformas teóricas-discursivas para la construcción de legitimidad en la nueva ruta de la seda de China [The Tianxia system and the Chinese dream as discursive-theoretical platforms for the construction of legitimacy on China's new Silk Road]. Razón Crítica, no. 7, pp. 25-52. DOI: [10.21789/25007807.1440](https://doi.org/10.21789/25007807.1440) (in Spanish).

11. Puranen, M. (2020). *Warring States and Harmonized Nations: Tianxia Theory as a World Political Argument*. Jyväskylä, University of Jyväskylä, 205 p.
12. Xiao, O. (2021). 'Tianxia' and 'Renlei mingyun gongtongti': a revival of cosmopolitanism in a Chinese cultural disguise? *Journal of Global Ethics*, no. 17(1), pp. 1—10. DOI: 10.1080/17449626.2021.1967185
13. Xu, J. (2017). *Jiaguo tianxia: xiandai zhongguode geren guojia yu shijie rentong* [Family, country, and tianxia: identification of the individual, country, and world in modern China]. Shanghai, People's Press, 476 p. (in Chinese).
14. Zhao, T. (2021). *All under Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order*. Berkeley, University of California Press, 333 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520974210>
15. Yun, T. (2023). The State of the Field Report X: Contemporary Chinese Studies of Tianxia (All-Under-Heaven). *Dao*, no. 22, pp. 473—490. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11712-023-09896-6>
16. Zhao, T. (2009). *Huaishijie yanjiu: zuowei diyi zhexue de zhengzhi zhaxue* [Investigations of the Bad World: Political Philosophy as First Philosophy]. Beijing, People's University of China Press, 366 p. (in Chinese).
17. Zhao, T. (2011). *Tianxia Tixi: Shijie zhidu zhaxue daolun* [The Tianxia System: An Introduction to the Philosophy of World Institution]. Beijing, People's University of China Press, 288 p. (in Chinese).
18. Zhao, T. (2019). *Redefining A Philosophy for World Governance (Key Concepts in Chinese Thought and Culture)*. NY, Palgrave Pivot, 107 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-13-5971-2>
19. Zhao, T. (2015). Redefining the Concept of Politics via 'tianxia': The Problems, Conditions and Methodology. *World Economics and Politics*, no. 6, pp. 4-22
20. Zhao, T. (2006). Rethinking Empire from a Chinese Concept 'All-under-Heaven'(Tian-xia). *Social Identities*, no. 12(1), pp. 29-41. DOI: <https://doi.org/10.1080/13504630600555559>
21. Zhao, S. (2015). Rethinking the Chinese world order: The imperial cycle and the rise of China. *Journal of Contemporary China*, no. 24(96), pp. 61-982. DOI: <https://doi.org/10.1080/10670564.2015.1030913>
22. Zhang, F. (2010). The tianxia system: world order in a Chinese utopia. *Global Asia*, no. 4(4), pp. 108-112

For citing: Zhang, Sh. (2024)
 "Alternative moral policy":
 the Tianxia system and its development.
Sotsium i vlast/Society and Power,
 no. 2 (100), pp. 21—33.
 DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-21-33 [in Russ].

UDC 1:304.50

EDN YUITNH

DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-21-33

"ALTERNATIVE MORAL POLICY": THE TIANXIA SYSTEM AND ITS DEVELOPMENT

Zhang Shuchun,

Peoples' Friendship University of Russia,
 Postgraduate Student of the Department
 of History of Philosophy.
 Moscow, Russia.
 ORCID: 0000-0002-5145-2774
 E-mail: shuchun.zhang@mail.ru

Abstract

Introduction. The Chinese concept of Tianxia as a theory of political philosophy is analyzed on the basis of the main thoughts of two main representatives-philosophers - Zhao Tingyang and Xu Jiulin. As representatives of "hard" and "soft" Tianxiaists, Zhao and Xu offer different solutions to existing problems, developing an ancient concept. The purpose of the study is to present and analyze the concept of Tianxia as a philosophical doctrine with a focus on its logical structure and conceptual system.

Methods. The hermeneutic method was used to examine the philosophical concepts of the philosopher being studied and criticize his theory.

Scientific novelty of the research. The topic under study shows a close connection with modern realities, especially in the context of the fact that modern Chinese philosophy is discussed quite rarely in Russian science. When writing the article, the latest scientific works of researchers were used, which made it possible to obtain a broader view with a focus on different scientific traditions.

Results. The main assumptions of the two philosophers are analyzed. Based on the analysis, we came to the conclusion that the Tianxia system, as a rethinking of the old Chinese concept against the backdrop of globalization, contains many ambiguities and contradictions that require further

development. As Zhao suggests, his Tianxia system as a "political epistemology" with peace as the supporting political unit strives to resolve conflicts through a policy of "turning enemies into friends." As he believes, "real politics" should not lead to conflicts and struggle, but solve existing problems; therefore political theory is needed precisely to create an order of stability and coexistence. Culturologist Xu, in turn, sees the main task in modernizing the Tianxia theory - eliminating the centrism and hierarchy of the old Tianxia system and presents his version called "neo-Tianxiaism." He believes that this modern version of Tianxia represents certain universal and supranational values, on the basis of which all participating parties in the system can develop mutually beneficial friendly relations and achieve stability. Based on hermeneutic and comparative analysis, we found that the main tenets of Tianxiaism, consisting of inclusiveness, non-nationality, equality and "friendship," are contradicted by assumptions and elements from the traditional understanding of Tianxia, such as the leading role of China itself in creating this order, the universality of Chinese traditional (which are, in fact, national) values and the "wrongness" of Western political theories.

The author identifies terminological and conceptual uncertainties, which can be characterized as "internal conflicts" of the system.

Keywords:

political philosophy,
 Chinese philosophy,
 cosmopolitanism,
 Confucianism,
 morality,
 policy,
 mode,
 Tianxia,
 neo-Tianxiaism

Received: 03/22/2024

Accepted: 05/30/2024

Published: 06/30/2024

Copyright: © Zhang Shuchun (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPА.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

Для цитирования: Вершинина, Ю. В. Анализ перспектив развития методических подходов к оценке эффективности муниципального управления / Ю. В. Вершинина // Социум и власть. — 2024. — № 2 (100). — С. 34—48. — DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-34-48. — EDN NSYIPX.

УДК 369.032

EDN NSYIPX

DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-34-48

АНАЛИЗ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Вершинина Юлия Владимировна,
Сибирский институт управления —
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
преподаватель кафедры менеджмента,
Новосибирск, Россия.
ORCID: 0009-0002-6363-1566
E-mail: vershinina-yv@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Обеспечивая стабильность и высокий уровень темпов социально-экономического развития страны и роста качества жизни граждан, органы власти действуют в условиях ограниченности ресурсов. Это требует повышения эффективности управления и качественно сформулированных показателей оценки эффективности деятельности органов власти. Одной из причин затруднения формулирования индикаторов является отождествление государственного и муниципального управления.

Цель. Отделить эффективность муниципального управления от эффективности государственного управления.

Методы. В рамках исследования на основе метода интерпретации и системного подхода применялся анализ: научных

публикаций, нормативных правовых актов, статистических данных.

Научная новизна исследования. Предложена концепция нового метода оценки эффективности муниципального управления.

Результаты. Рассмотрены работы российских и зарубежных ученых для выявления подходов к оценке эффективности государственного и муниципального управления. Изучены отечественные и иностранные методики оценки эффективности. Проведен анализ нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих оценку эффективности органов государственной власти и местного самоуправления с целью сравнения показателей оценки эффективности. Предложена концепция нового метода оценки эффективности муниципального управления путем составления универсального перечня показателей. **Выводы.** Одним из двух подходов к оценке эффективности государственного и муниципального управления является обобщающий — оценка эффективности муниципального управления проводится аналогично оценке эффективности государственного управления. Второй подход — разграничивающий — оценка эффективности муниципального управления отличается от оценки эффективности государственного управления, при этом учитывается невозможность полной автономии. Существует ряд общих недостатков в методиках оценки эффективности деятельности органов власти: действующие показатели не позволяют однозначно оценить результат деятельности органов власти; показатели оценки эффективности муниципального управления носят частный характер.

Ключевые слова:

муниципальное управление,
государственное управление,
оценка эффективности,
методика оценки эффективности,
показатели оценки эффективности

Поступила: 16.10.2023

Принята: 30.05.2024

Дата печати: 30.06.2024

Права: © Вершинина Ю. В. (2024).

Опубликовано Челябинским филиалом РАНХиГС. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Введение

Перед органами власти любого уровня стоит трудная задача: обеспечить стабильность и высокий уровень темпов социально-экономического развития страны, а также рост качества жизни граждан. Причем осуществлять это нужно в условиях ограниченных ресурсов всех видов. Все это требует разработки и применения системы мероприятий, направленных на повышение эффективности управления.

Проблемой создания научно-обоснованной системы повышения эффективности управления интересовались разные специалисты. В качестве примера можно привести кандидата экономических наук М. А. Полиенко, отмечающего в своей работе недостаточный (лишь около 30% по самым позитивным подсчетам) уровень эффективности системы государственного управления, сформированной в Российской Федерации [21, с. 15].

Аналогичной точки зрения придерживается А. В. Клименко. По его словам, модернизация исполнительной власти в нашей стране хоть и заимствует передовой зарубежный опыт, однако эффективность применения этого опыта слишком далека от желаемой [1, с. 23].

В. А. Ильин в одной из своих работ, посвященной проблемам национальной безопасности России, писал о важности эффективности государственного управления для национальной безопасности страны, ведь чем лучше удовлетворены потребности населения, тем выше качество жизни и тем лучше население ощущает социальную справедливость [10; 12].

Государственное управление имеет слишком разнообразный перечень объектов управления, и применять термин «эффективность» ко всем из них с одинаковой смысловой окраской будет некорректно. Сложность формулировки заключается в том, что эффективность государственного управления в целом не может отражать только одну определенную сферу (социальную, политическую, экономическую и т. д.),

соответственно, нужно учитывать все эти направления, а также процессы и явления, происходящие в обществе [14, с. 39]. Только так можно увидеть картину целиком, без «перекосов» в какую-то сторону, ведь бывают ситуации, когда, например, в политическом направлении государственное управление максимально эффективно, а в социальном наблюдается большой провал.

Таким образом, необходимо видеть различия в качестве политики и ее исполнении.

Получается, что эффективность, включая в себя элементы результативности и экономичности, относится к сложным категориям.

Здесь возникает вопрос о приоритетности направлений государственного управления в конкретный промежуток времени, так как ресурсы всегда ограничены и невозможно все время концентрироваться на каком-то одном направлении, распределяя остальным по остаточному принципу.

Эффективность деятельности исполнительной власти можно оценить, используя точно такие же показатели, как при оценке эффективности реализуемой политики, касаясь конечных результатов, то есть показателей социально-экономического развития территории. При этом стоит учитывать высокую степень сложности оценки вклада внутренней организации самих органов организации исполнительной власти [13, с. 56].

Конкретика, согласованность, охват всех проблем — требования, предъявляемые к критериям оценки эффективности государственного управления. При этом показатели оценки, формирующие перечень, должны отражать задачи, возложенные на органы власти, при этом, не выходя за рамки полномочий [19, с. 7].

Сложности в определении и формулировке измеримых индикаторов, которые корректно и точно позволяют оценить эффективность государственного и муниципального управления, существуют и сегодня. Одна из причин этого — отождествление государственного и муниципального управления.

Цель исследования — отделить эффективность муниципального управления от эффективности государственного управления путем формулирования новых показателей оценки эффективности первого.

Теоретические и методические основы исследования

Так как эффективность государственного и муниципального управления является сложной системой, встает вопрос об ее оценке.

Большинство словарей определяют оценку как суждение о ценности и достоинствах объекта оценки. Если рассматривать ее в качестве аналитической дисциплины, то оценка — это «экспертиза программ и проектов, направленная на анализ их качества, произведенного ими эффекта и сравнение этих результатов с определенными критериями»¹.

«При накоплении определенного опыта проведения оценки проектов в мировой практике, встал вопрос о клас-

сификации возникших моделей по различным критериям, одним из которых является целевое назначение» [9, 168]. Выделяют семь типов оценки по целевому назначению (см. рисунок).

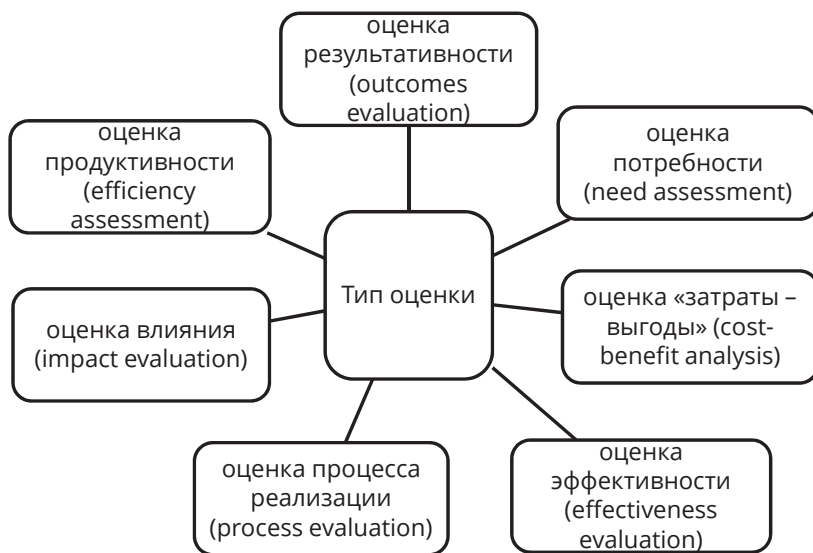
При анализе эффективности деятельности субъектов публичного управления безотносительно к уровню, обычно применяют оценку результативности, оценку эффективности и оценку продуктивности.

Под системой, изучающей итоги и эффекты политической и административной деятельности, А.Н. Беляев понимал оценку эффективности государственного и муниципального управления [5, с. 5].

На первом этапе проведенного исследования анализировались научные публикации российских и зарубежных ученых с целью их группировки, согласно придерживаемой точки зрения относительно подхода к оценке эффективности государственного и муниципального управления.

В первую группу вошли исследователи, считающие оценку эффективности муниципального и государственного управления абсолютно идентичными. Поэтому они применяют одинаковые методики, а также используют в работах такие устойчивые словосочетания

¹ DAC Glossary of Key Terms and Concepts. OECD [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd.org/dac/stats/dac-glossary.htm#Grant_Element (дата обращения: 24.12.20203).

Типы оценки по целевому назначению

как «государственное и муниципальное управление» и «публичное управление».

Во вторую группу вошли исследователи, разграничивающие оценку эффективности муниципального управления и оценку эффективности государственного управления, стараясь создать индивидуальный подход к каждому. При этом учитывается, что муниципальное управление не является полностью автономным и имеет некоторые общие черты с государственным управлением.

К первой группе исследователей можно отнести, например, А. В. Клименко [4], С. А. Кожевникова, Н. В. Ворошилова [14], Е. А. Мироновой [17], Ю. М. Большакову [6], Н. В. Ворошилову [11], В. Ю. Максимовой [16] и др. (табл. 1).

Как видно из табл. 1, устойчивое словосочетание используется авторами, начиная с заголовков. Предполагается, что это делается для упрощения подачи информации, чтобы не утяжелять текст работ разъяснениями с разграничением двух видов эффективности. Однако, есть некоторые примеры, которые стоит рассмотреть отдельно.

Для начала проанализируем работу Н. В. Ворошилова. Как видно из заголовка, автор отделяет муниципальное управление от государственного, однако внутри работы встречается «государственное и муниципальное управление» и его частный случай

«государственное (муниципальное) управление». В данном примере особенно хорошо можно увидеть отсутствие разграничений эффективности для государственного и муниципального управления.

У Ю. М. Большакова ситуация немного иная. В названии статьи нет слова «муниципального», следовательно, предполагалось, что автор разграничивает эти две оценки эффективности, однако, при изучении самого текста выяснилось, что он тоже отождествляет их. Иногда, «муниципальное» заменяется на «местное»: «... должны обеспечить прозрачность и открытость системы государственного и местного управления...», однако данная замена не меняет смысла выражения [6, с. 158].

Х. Воллманн в работе «Оценка в реформе государственного сектора: к «третьей волне» оценки?» пишет: «Различные концепции и элементы стратегий и мер нового государственного управления были разделены и «упакованы» совершенно по-разному в разных национальных, региональных и местных контекстах» [10, с. 16]. Здесь видно, что Х. Воллманн разграничивает понятия государственного и муниципального управления, однако, далее по тексту оценка является универсальной.

Научные работы для второй группы исследователей, разграничивающих эффективность муниципального

Таблица 1

Примеры использования устойчивого словосочетания «государственное и муниципальное управление» в работах российских авторов

Автор(ы)	Цитата
Е. А. Миронова	«Социально-экономическая эффективность государственного и муниципального управления определяется путем представления конкретных результатов работы...» [17, с. 14]
В. Ю. Максимов	«Наконец, при оценке эффективности государственного и муниципального управления могут быть охарактеризованы уровни его общей, специальной и конкретной эффективности» [16, с. 86]
С. А. Кожевников, Н. В. Ворошилов	«...в наиболее общем виде под эффективностью государственного и муниципального управления следует понимать...» [14, с. 39]
Ю. М. Большаков	«...эффективности средств ее оценки в органах исполнительной власти, на уровнях государственного и муниципального управления» [6, с. 158]
Н. В. Ворошилов	«В общем виде под эффективностью государственного и муниципального управления...» [11, с. 145]

и эффективность государственного управления, найти было намного сложнее. В качестве примеров можно привести работы Е. В. Ушаковой, Е. В. Ворониной, Е. В. Фугалевича [22], М. С. Байсаевой [3], А. А. Кораблевой [15], Е. А. Погребцовой [20], В. М. Никорова и Н. Ю. Шаговой [18].

Для начала рассмотрим статью Е. В. Ушаковой, Е.В. Ворониной и Е. В. Фугалевича, касающуюся эффективности деятельности органов государственного и муниципального управления [22]. В ней они исследовали вопрос разграничения оценки эффективности управления с точки зрения кадрового обеспечения органов власти. В начале статьи исследователи использовали словосочетание «государственное и муниципальное управление», рассматривая общие моменты повышения эффективности, но далее, когда фокус смещался отдельно на государственное или на муниципальное управление, данное устойчивое словосочетание уже не применялось. Схожая схема использовалась в работе М. С. Байсаевой, но здесь уже рассматривалось не кадровое обеспечение, а применяемые в стране методики оценки эффективности [3].

А. А. Кораблева учитывает невозможность полной автономии муниципального управления и предлагает разрабатывать методики оценки эффективности муниципального управления, основываясь на методиках для государственного, при этом, не копируя их полностью, так как на данный момент они «проработаны в большей степени» [15, с. 694]. Причина подобного «перекоса» в разработке будет рассмотрена дальше.

Подобной точки зрения придерживается и Е. А. Погребцова в работе, посвященной методике оценки эффективности муниципального управления [20]. Данную методику она рассматривала с точки зрения основы устойчивого развития сельских территорий. В ней Е. А. Погребцова предпринимает попытку разработки собственной методики, однако, из-за сложности и

многогранности темы, пишет о невозможности учета всех деталей «деятельности органов местного самоуправления» [20, с. 116], поэтому рекомендует применять методики оценки, которые уже разработаны для государства [20, с. 116]. Казалось бы, что Е. А. Погребцову нужно отнести к первой категории авторов, однако, это будет некорректно из-за признания ею важности наличия отдельной методики оценки эффективности для муниципального управления. Действительно, муниципальное управление имеет сложную структуру, в которой человеку, не погруженному в данную тему на достаточном уровне, будет тяжело разобраться.

В своей работе В.М. Никоноров и Н.Ю. Шагова тоже разграничивают понятия, считая, что большое по территории демократическое государство будет испытывать определенные сложности в управлении, если органы местной власти не будут функционировать должным образом, ведь именно они помогают функционировать государству на введенных им территориях [18].

Д. Шашич и М. Танович в работе «Анализ эффективности и действительности управления органами местного самоуправления в Боснии и Герцеговине» пишут о приоритетности применения современных концепций управления в частном и государственном секторах и «их влиянии на повышение эффективности и результативности местного самоуправления, а также на местную экономику» [24, с. 23].

А. Афонс и С. Фернандес разрабатывали «так называемый «Показатель результатов деятельности местных органов власти» (LGOI), который используется в качестве комплексного показателя выпуска в нашем непараметрическом анализе, учитывая набор муниципальных услуг, предоставляемых местными органами власти» [2, с. 1947], тем самым отделяя его от государственного управления.

Таким образом, представленные авторы выражают свою точку зрения либо непосредственно в заголовках работ и уже далее по тексту подтвер-

ждая ее, либо только в самом тексте. К сожалению, подавляющее большинство научных работ (не все были включены в данное исследование) относятся к первой группе, а автономность, хоть и неполная, муниципального управления часто забывается.

Обзор методик оценки эффективности государственного и муниципального управления

Вторым этапом исследования является рассмотрение различных методик оценки эффективности государственного и муниципального управления. На протяжении последних лет разработка методик оценки эффективности государственного и муниципального управления активно ведется как на российском, так и на зарубежном уровнях.

Эксперты выделяют достаточно большое их количество, у каждой из которых есть свои наборы критериев и показателей. Одна часть не учитывает разницу государственного и муниципального управления, зачастую применяя термин «публичное управление». Другая часть оценивает муниципальное управление как совершенно отделенную от государственного управления деятельность. Методик, сформированных по принципу «золотой середины», автором найдено не было.

Рассмотрение зарубежных методик позволяет получить обзор мирового опыта. Многие страны разработали свои собственные методики, которые активно используются для анализа работы государственных органов или органов местного самоуправления для формирования политических решений. Важно изучать такие подходы, чтобы вносить наработки и передовой опыт в отечественную практику.

Governance Research Indicator Country Snapshot, что дословно переводится как «Индикатор исследования управления. Обзор по странам», но официально звучит как «Интегральный показатель государственного управления» — одна из самых распространенных иностран-

ных методик оценки публичного управления. Основу данного показателя составляют шесть параметров, выражающихся в соответствующих индексах [8]. Согласно данным, в 2015—2021 гг. в числе лидеров находились страны Скандинавского полуострова, а также Люксембург, Сингапур и Новая Зеландия. В эти годы значения всех индексов у данных стран входили в десятку лучших по мировому рейтингу. Позиции России по данным шести индексов World Governance Indicators с 2015 по 2021 г. представлены в табл. 2.

Таблица 2

Место России по значениям шести индексов World Governance Indicators с 2015 по 2021 г.¹

Индекс \ Год	Право голоса и подотчетность	Политическая стабильность и отсутствие насилия	Эффективность правительства	Качество законодательства	Верховенство закона	Контроль коррупции
2016	168	179	116	132	164	168
2017	166	161	104	141	162	174
2018	165	153	98	141	163	167
2019	167	155	88	134	157	161
2020	163	167	95	134	162	169
2021	167	164	115	141	167	168

Из данных табл. 2 видно, что Россия лишь по одному показателю входила в топ-100 стран, что говорит о недостаточном уровне эффективности государственного управления. Здесь нельзя ссылаться на географические или политические особенности страны, так как в World Governance Indicators включены все страны, без разделения на какие-либо группы.

Еще одну довольно популярную методику разработало Международное антикоррупционное движение «Transparency International» — Индекс

¹ Официальный сайт проекта «Всемирные показатели управления» (WGI). URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi> (дата обращения: 05.09.2023).

восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index или CPI). Топ-10 стран, согласно данной методике, а также место России можно увидеть в табл. 3.

Таблица 3
Рейтинг стран по Индексу восприятия коррупции (2022 год)¹

Рейтинг	Страна	Индекс
1	Дания	90
2	Финляндия, Новая Зеландия	87
4	Норвегия	84
5	Сингапур, Швеция	83
7	Швейцария	82
8	Нидерланды	80
9	Германия	79
10	Ирландия, Люксембург	77
...
136	Габон	29
137	Мали, Парагвай, Россия	28
140	Кыргызстан, Пакистан	27
...
178	Сирия	13
180	Сомали	12

Здесь Россия занимает 137 место из 180, находясь в одном ряду с такими странами, как:

- Мали — одна из самых больших стран Африки, но при этом одна из самых бедных стран мира, экономика которой зависит от мировых цен на хлопок;
- Парагвай — аграрная страна, один из крупнейших в мире производителей сои, почти 50 % жителей живут за чертой бедности.

Еще одной из зарубежных методик является *Balanced Scorecard* (Сбалансированная система показателей), которая была создана в 1990-х годах в США в Гарвардском университете и широко применяется во многих странах. В отличие от двух предыдущих, она не предусматривает ведение какого-либо рейтинга и может использоваться каждой страной отдельно. Изначально BSC создавали для стратегического управления результативностью компа-

нии, однако в дальнейшем адаптировали и для государственного управления. Суть этой методики заключается в том, чтобы оценивать эффективность государственного управления на основе четырех групп: удовлетворение потребностей граждан, финансирование органов государственной власти, профессиональный уровень государственных служащих, оптимизация процессов создания общественных услуг. Каждая из них имеет свои ключевые показатели, которые позволяют определить степень достижения поставленных целей и результативность работы аппарата государственного управления².

Если рассматривать российский опыт проведения оценки эффективности в государственном управлении, то он стал появляться лишь в 2004 году. В тот год начали подготавливаться ежегодные сводные доклады федеральных министерств, служб и агентств, которые включали целевые результирующие показатели, связанные с приоритетами государственной политики и обязательные к достижению количественные ориентиры³.

Методик оценки местного самоуправления достаточно много, однако, в отличие от методик оценки публичного управления, они проводятся только внутри конкретной страны, либо небольшой группы стран. Например, организация «Сеть городских исследований в Европейском союзе» в конце прошлого века разработала проект «Городской аудит». Эффективность управления городскими территориями здесь оценивается пятью группами индикаторов, касающихся различных аспектов жизни населения.

² Официальный сайт «Balanced Scorecard Institute». URL: <https://balancedscorecard.org/> (дата обращения: 05.09.2023).

³ Об утверждении Положения о разработке Сводного доклада о результатах и основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на 2006—2008 годы»: Постановление Правительства РФ от 27 апреля 2005 г. № 259 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=343791#Jr0gv4TOQTyHtoBH> (дата обращения: 15.09.2023).

¹ Официальный сайт «Transparency International». URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2022> (дата обращения: 05.09.2023).

В это же время в Канаде разработали систему индикаторов оценки муниципалитетов, включающую в себя восемь показателей, охватывающих все сферы жизнедеятельности населения (здоровье, занятость, жилье, политика, социальная сфера и др.) [23, с. 198].

В перечисленных методиках оценка эффективности муниципального управления создавалась для выявления лучших муниципалитетов, однако в Германии оценка проводится с целью выявления лучших методов работы и транслирования опыта в других муниципалитетах.

Таким образом, часть зарубежных методик оценки эффективности государственного управления (например, GRICS и CPI) применяются и для Российской Федерации, однако наша страна ни по одной из них не попадает в топ. Предположительно, это связано с географо-политическими особенностями.

Касательно отечественного опыта разработки и проведения оценки эффективности, то он является относительно небольшим, в связи с чем существуют определенные недостатки в созданных методиках.

Анализ нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере утверждения методик проведения и оценки эффективности органов государственной власти и местного самоуправления

На третьем этапе исследования нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере утверждения методик проведения и оценки эффективности органов государственной власти и местного самоуправления анализировались для сравнения используемых в них показателей оценки эффективности.

Серия Указов Президента Российской Федерации регулирует данную оценку на региональном уровне. Последним из них на данный момент является Указ Президента РФ от 04.02.2021

№ 68¹. Также для этого уровня используется Постановление Правительства РФ от 03.04.2021 № 542, которым утверждены 19 методик расчета показателей для проведения оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации².

Благодаря Указу Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607³ в нашей стране оценка качества управления в муниципальных образованиях стала применяться целенаправленно, а не бессистемно. Спустя четыре года, для его реализации было принято Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317⁴. Оно закрепляет методику расчета интегрального пока-

¹ «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375984/ (дата обращения: 16.09.2023).

² Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915 : Постановление Правительства РФ от 03.04.2021 № 542 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382080/ (дата обращения: 16.09.2023).

³ Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов : Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76576/ (дата обращения: 16.09.2023).

⁴ О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» : Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317 (В редакции указов Президента Российской Федерации от 04.11.2016 № 591, от 09.05.2018 № 212, от 11.06.2021 № 362) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139508/ (дата обращения: 16.09.2023).

зателя, включающую в себя тринадцать индикаторов.

Некоторые из показателей оценки эффективности государственного управления либо схожи по смыслу, либо включают в себя показатели муниципально-го управления. Даже на первый взгляд несвязанные между собой показатели, касающиеся качества городской среды и доли многоквартирных домов. Если углубиться во входящие в индекс качества городской среды, то там будет показатель абсолютно аналогичный муниципальному. Это связано с наличием общих целей у государственного и у муниципального управления (обеспечение стабильности экономики и роста благосостояния населения, создание условий для улучшения качества жизни граждан, повышение эффективности предоставляемых услуг и т. д.) из-за чего показатели, касающиеся их, могут в большей степени совпадать по формулировкам.

Проведенный анализ показывает, что восемь из тринадцати показателей имеют аналоги на региональном уровне. Среди оставшихся пяти показателей два являются показателями только эффективности, а три других и эффективности (об этом свидетельствует относительный характер), и результативности, так как они характеризуют движение к целевому состоянию. Однако все показатели носят частный характер, которые не позволяют дать полной картины эффективности муниципального управления. Данное обстоятельство делает невозможным проведение однозначной оценки результата его деятельности.

Развитие системы оценки эффективности муниципального управления: блочный подход к построению системы показателей

В сложившейся ситуации автор рекомендует пересмотреть показатели с целью повышения качества проведения оценки эффективности муниципального управления и составить универсальный перечень показателей, состоящий из двух блоков:

1. Обязательный — включает минимальный объем показателей, необходимый для проведения оценки;
2. Вариативный — включает показатели, разделенные на три большие группы, касающиеся социальной эффективности, экономической эффективности и эффективности деятельности конкретных органов и должностных лиц.

Из числа вариативных показателей муниципалитету предлагается выбрать определенное количество тех, которые подходят под его специфику, ведь каждый муниципалитет лучше знает свои особенности и стратегические цели. При этом каждый из показателей имеет свой вес, который будет заранее определен с помощью факторного анализа. Муниципалитет обязан взять равное по весу количество показателей в каждой из девяти подгрупп, чтобы избежать перекоса при проведении оценки эффективности. Пример одного из возможных вариантов распределения весов можно увидеть в табл. 4.

Благодаря совершенствованию оценки эффективности, охватывающей все сферы деятельности и особенности муниципалитетов, адаптация представленных предложений создает предпосылки для развития системы муниципального управления.

Заключение

Обобщая вышесказанное, на основе изученных работ российских и иностранных исследователей, можно сделать вывод, что существует две основные альтернативы — два принципиальных подхода к оценке эффективности государственного и муниципального управления.

Первый подход — обобщающий — оценка эффективности муниципального управления проводится точно так же, как и оценка эффективности государственного управления.

Второй подход — разграничивающий — оценка эффективности муницип-

Таблица 4

Пример распределения весов показателей эффективности муниципального управления

Группа	Подгруппа	Показатель	Вес
1. Социальная эффективность	Подгруппа 1.1.	Показатель 1.1.1.	0,150
		Показатель 1.1.2.	0,150
	Подгруппа 1.2.	Показатель 1.2.1.	0,100
		Показатель 1.2.2.	0,100
	Подгруппа 1.3.	Показатель 1.3.1.	0,083
		Показатель 1.3.2.	0,083
2. Экономическая эффективность	Подгруппа 2.1.	Показатель 2.1.1.	0,150
		Показатель 2.1.2.	0,150
	Подгруппа 2.2.	Показатель 2.2.1.	0,100
		Показатель 2.2.2.	0,100
	Подгруппа 2.3.	Показатель 2.3.1.	0,083
		Показатель 2.3.2.	0,083
3. Эффективность деятельности конкретных органов и должностных лиц	Подгруппа 3.1.	Показатель 3.1.1.	0,150
		Показатель 3.1.2.	0,150
	Подгруппа 3.2.	Показатель 3.2.1.	0,100
		Показатель 3.2.2.	0,100
	Подгруппа 3.3.	Показатель 3.3.1.	0,083
		Показатель 3.3.2.	0,083

ципального управления отличается от оценки эффективности государственного управления, при этом учитывается невозможность полной автономии.

Обобщающий подход к государственному и муниципальному управлению лучше использовать для рассмотрения универсальных для региона и муниципалитета параметров, связанных, например, с занятостью в сфере малого и среднего предпринимательства, качеством дорог, окружающей среды, объемом строительства и т. п. Такие показатели образуют своеобразную матрицу, собираясь сначала на уровне различных муниципалитетов, а затем обобщаясь на уровне региона, федерального округа и т. д.

Разграничивающий подход лучше использовать для оценки тех параметров, которые характерны только для государственного или только для муниципального управления.

Проведенное исследование существующих в стране методик оценки эффективности деятельности органов власти показывает актуальность задач совершенствования управления и устранение недостатков систем показателей в части следующих моментов, а именно:

- действующие показатели не позволяют однозначно оценить результат деятельности органов власти;
- показатели оценки эффективности муниципального управления носят частный характер;
- большая часть показателей оценки эффективности муниципального управления аналогична показателям оценки эффективности государственного управления.

Пересмотр существующих показателей оценки эффективности муниципального управления позволит повысить качество оценки эффективности муниципального управления, создать предпосылки для выявления новых резервов и базу для обновления стратегий развития муниципальных образований.

1. Алескеров, Ф. Т. Оценки качества государственного управления / Ф. Т. Алескеров, К. И. Головщинский, А. В. Клименко. Препринт WP8/2006/02. — М. : ГУ ВШЭ, 2006. — 36 с.

2. Афонс, А. Оценка и объяснение относительной эффективности

местных органов власти / А. Афонс, С. Фернандес // Журнал социальной экономики. — 2008. — № 5 (37). — С. 1946—1979. — DOI: 10.1016/j.socsec.2007.03.007.

3. Байсаева, М. С. Системы показателей оценки эффективности государственного и муниципального управления / М. У. Байсаева, С. А. Ахмедов, Х. Б. Дагаева, Ш. Ш. Газгериев // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». — 2019. — № 4-1. — С. 345—353. — DOI: 10.24411/2658-3569-2019-14023. — EDN IPGMBQ.

4. Барабашев, А. Г. Состояние и направления реформ российского государственного управления / А. Г. Барабашев, А. В. Клименко : препринт WP8/2017/03 / А. Г. Барабашев, А. В. Клименко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. — (Серия WP8 «Государственное и муниципальное управление»). — 88 с.

5. Беляев, А. Н. Измерение эффективности и оценивание в государственном управлении: международный опыт : препринт WP8/2005/01 / А. Н. Беляев, Е. С. Кузнецова, М. В. Смирнова, Д. Б. Цыганков ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — 54 с. — EDN QWRCUR.

6. Большакова, Ю. М. Эффективность государственного управления и региональных институтов власти в оценках населения / Ю. М. Большакова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2018. — Т. 24, № 3. — С. 150-168. — DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-3-150-168>. — EDN UXOUUO.

7. Бочарова, А. К. Механизм оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации / А. К. Бочарова. Москва : ВШЭ, 2012. — 65 с. — (Препринт. Серия WP14. Политическая теория и политический анализ / Высш. шк. экономики — Нац. исслед. ун-т.). — EDN QSRCQZ.

8. Валишвили, М. А. «KPI» современного государственного и муниципального управления / М. А. Валишвили // Управление экономическими система-

ми: электронный научный журнал. — 2015. — № 4 (76). — С. 7. — EDN TWQEFN.

9. Вершинина, Ю. В. Оценка результативности государственной программы «Развитие государственной молодежной политики в Новосибирской области» / Ю. В. Вершинина // Оценка программ и политик в условиях нового государственного управления : сборник статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 19 ноября 2020 г. / под ред. И. В. Барановой. — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. — С. 167—171. — EDN VHOFUU.

10. Воллманн, Х. Оценка в реформе государственного сектора: к «третьей волне» оценки? Оценка реформы государственного сектора / Х. Воллманн. — Челтнем ; Нортгемптон : Эдгар Элгар, 2003. С. 12—29. — DOI: 10.4337/9781781957325.00007.

11. Ворошилов, Н. В. Эффективность муниципального управления: сущность и подходы к оценке // Проблемы развития территории. — 2015. — №3 (77). — С. 143—159. — EDN TUGKYZ.

12. Ильин, В. А. Правящие элиты — проблема национальной безопасности России / В. А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 4. — С. 9—34. — DOI: 10.15838/esc/2016.4.46.1.

13. Клименко, А.В. Исполнительная власть как объект мониторинга и оценки / А. В. Клименко // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2008. — Т. 1, вып. 6. — С. 55—69. — EDN KVPQLV.

14. Кожевников, С. А. Актуальные вопросы оценки эффективности государственного управления в современной России / С. А. Кожевников, Н. В. Ворошилов // Проблемы развития территории. — 2017. — № 6 (92). — С. 35—52. — EDN ZULVVB.

15. Кораблева, А. А. Методические основы оценки эффективности муниципальных программ / А. А. Кораблева // Региональная экономика: теория и практика. — 2017. — № 4 (439). — С. 691-705. — DOI: 10.24891/re.15.4.691. — EDN YJMIIX.

16. Максимов, В. Ю. Проблема разработки методологии оценки эффективности государственного и муниципального управления / В. Ю. Максимов, Н. В. Мирошниченко // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2018. — Т. 4, № 10. — С. 82-87. — EDN YQITJJ.

17. Миронова, Е. А. К вопросу анализа и оценки эффективности государственного и муниципального управления / Е. А. Миронова, Н. М. Тюкавкин // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2023. — Т. 2, № 1 (133). — С. 12—18. — DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.01.02.002. — EDN RTGAGU.

18. Никоноров, В. М. Критерии и показатели эффективности муниципального управления / В. М. Никоноров, Н. Ю. Шагова // Экономические исследования и разработки. — 2019. — № 6. — С. 26-30. — EDN JYENCF.

19. Петрушевская, В. В. Зарубежный опыт оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти / В. В. Петрушевская, И. В. Дмитриев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2022. — № 3. — С. 55—63. — DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-55-63. — EDN BOSZXV.

20. Погребцова, Е. А. Методика оценки эффективности муниципального управления как основа устойчивого развития сельских территорий / Е. А. Погребцова // Научный результат. Экономические исследования. — 2023. — № 1. — С. 108-118. — DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-1-0-9. — EDN FJJZDT.

21. Полиенко, М. А. Институциональные аспекты повышения эффективности государственного управления / М. А. Полиенко : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — М. : Государственный университет управления, 2005. — 180 с. — EDN MEIQQP.

22. Ушакова, Е. В. Эффективность деятельности органов государственного и муниципального управления как основа развития региона / Е. В. Ушакова, Е. В. Воронина, Е. В. Фугалевич // Экономика и управление. — 2018. — № 3 (149). — С. 35—44. — EDN XOTQXR.

23. Цитленок, В. С. Устойчивое развитие экономики Российской Федерации: фактор структурно-многоуровневой разнорасчлененности / В. С. Цитленок, И. В. Рощина, Н. А. Артюхова ; под ред. В. С. Цитленка, И. В. Рощиной. — Томск : Изд. дом Томского гос. ун-та, 2019. — 270 с.

24. Шашич, Д. Анализ эффективности и действительности управления органами местного самоуправления в Боснии и Герцеговине / Д. Шашич, М. Танович // Управа. — 2018. — № 9 (1). — С. 23—45.

References

1. Aleskerov, F.T., Golovshchinskij, K.I., Klimenko, A.V. (2006) Ocenki kachestva gosudarstvennogo upravleniya [Assessments of the quality of public administration]. Moscow, GU VSHE, 36 p. (in Russ).

2. Afons, A., Fernandes, S. (2008) Ocenka i ob"yasnenie odnositel'noj effektivnosti mestnyh organov vlasti [Assessing and explaining the relative effectiveness of local governments]. *Zhurnal social'noj ekonomiki*, no. 5 (37), pp. 1946-1979. DOI: 10.1016/j.socec.2007.03.007 (in Russ).

3. Bajsaeva, M.S., Ahmedov, S.A., Dagaeva, H.B. Sulim, A., Dagaeva, H.B., Gazgeriev, SH.SH. (2019) Sistemy pokazatelej ocenki effektivnosti gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [Systems of indicators for assessing the effectiveness of state and municipal government]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh nauk i tekhnologii «Integral»*, no. 4-1, pp. 345-353. DOI: 10.24411/2658-3569-2019-14023 (in Russ).

4. Barabashev, A.G., Klimenko, A.V. (2017) Sostoyanie i napravleniya reform rossijskogo gosupravleniya [The state and directions of reforms of Russian public administration]. Moscow, GU VSHE, 88 p. (in Russ).

5. Belyaev, A.N. (2005) Izmerenie effektivnosti i ocenivanie v gosudarstvennom upravlenii: mezhdunarodnyj opyt [Performance measurement and evaluation in public administration: international experience]. Moscow, GU VSHE, 54 p. (in Russ).

6. Bol'shakova, Yu.M. (2018) Effek-

tivnost' gosudarstvennogo upravleniya i regional'nyh institutov vlasti v ocenках naseleniya [The effectiveness of public administration and regional government institutions as assessed by the population]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, vol. 24, no. 3, pp. 150-168. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-3-150-168> (in Russ).

7. Bocharova, A.K. (2012) Mekhanizm ocenki effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii [Mechanism for assessing the effectiveness of the activities of executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation]. Moscow, GU VSHE, 65 p. (in Russ).

8. Valishvili, M.A. (2015) «KPI» sovremennogo gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya ["KPIs" of modern state and municipal management]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, no. 4(76), 7 p. (in Russ).

9. Vershinina, YU.V. (2020) Ocenka rezul'tativnosti gosudarstvennoj programmy «Razvitie gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Novosibirskoj oblasti» [Evaluating the Effectiveness of the State Program «Development of State Youth Policy in the Novosibirsk Region»]. Novosibirsk, NGTU, pp. 167-171 (in Russ).

10. Vollmann, H. (2003) Ocenka v reforme gosudarstvennogo sektora: k «tret'ej volne» ocenki? [Evaluation in public-sector reform: Toward a «third wave» of evaluation?]. CHeltnem/Nortgempton, Edgar Elgar, pp. 12—29. DOI: [10.4337/9781781957325.00007](https://doi.org/10.4337/9781781957325.00007) (in Russ).

11. Voroshilov, N.V. (2015) Effektivnost' municipal'nogo upravleniya: sushchnost' i podhody k ocenke [Efficiency of municipal government: essence and approaches to assessment]. *Problemy razvitiya territorii*, no. 3(77), pp. 143-159 (in Russ).

12. Il'in, V.A. (2016) Pravyashchie elity — problema nacional'noj bezopasnosti Rossii [Ruling elites are a problem of Russian national security]. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 4, pp. 9-34. DOI: [10.15838/esc/2016.4.46.1](https://doi.org/10.15838/esc/2016.4.46.1) (in Russ).

13. Klimenko, A.V. (2008) Ispolnitel'naya vlast' kak ob"ekt monitoringa i ocenki [Executive power as an object of monitoring and evaluation]. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, no. 6, pp. 55-69 (in Russ).

14. Kozhevnikov, S.A., Voroshilov, N.V. (2017) Aktual'nye voprosy ocenki effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya v sovremennoj Rossii [Topical issues of assessing the effectiveness of public administration in modern Russia]. *Problemy razvitiya territorii*, no. 6(92), pp. 35-52 (in Russ).

15. Korableva, A.A. (2017) Metodicheskie osnovy ocenki effektivnosti municipal'nyh programm [Methodological basis for assessing the effectiveness of municipal programs]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, no. 4(439), pp. 691-705. DOI: [10.24891/re.15.4.691](https://doi.org/10.24891/re.15.4.691) (in Russ).

16. Maksimov, V. YU. (2018) Problema razrabotki metodologii ocenki effektivnosti gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [The problem of developing a methodology for assessing the effectiveness of state and municipal governance]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, t. 4, no. 10, pp. 82-87 (in Russ).

17. Mironova, E.A. (2023) K voprosu analiza i ocenki effektivnosti gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [On the issue of analysing and assessing the effectiveness of state and municipal governance]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, t. 2, no. 1(133), pp. 12-18. DOI: [10.36871/ek.up.p.r.2023.01.02.002](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.01.02.002) (in Russ).

18. Nikonorov, V.M. (2019) Kriterii i pokazateli effektivnosti municipal'nogo upravleniya [Criteria and indicators of the effectiveness of municipal government]. *Economic research and development*, no. 6, pp. 26-30 (in Russ).

19. Petrushevskaya, V.V. (2022) Zarubezhnyj opyt ocenki effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti [Foreign experience in assessing the efficiency of executive authorities' activities]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, no. 3, pp. 55-63. DOI: [10.22394/2079-1690-2022-1-3-55-63](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-55-63) (in Russ).

20. Pogrebцова, E.A. (2023) Metodika

ocenki effektivnosti municipal'nogo upravleniya kak osnova ustojchivogo razvitiya sel'skih territorij [Methodology for assessing the effectiveness of municipal government as the basis for sustainable development of rural areas]. *Nauchnyj rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 108-118. DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-1-0-9 (in Russ).

21. Polienko, M. A. (2005) Institucional'nye aspekty povysheniya effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Institutional aspects of improving the efficiency of public administration]. Moscow, Gosudarstvennyj universitet upravleniya, 180 p. (in Russ).

22. Ushakova, E.V., Voronina, E.V., Fugalevich, E.V. (2018) Effektivnost' deyatelnosti organov gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya kak osnova razvitiya regiona [Efficiency of the activities of state and municipal government bodies as the basis for the development of the region]. *Ekonomika i upravlenie*, no. 3(149), pp. 35-44 (in Russ).

23. Citlenok, V.S., Roshchina, I.V., Ar-

tyuhova, N.A. (2019) Ustojchivoe razvitie ekonomiki Rossijskoj Federacii: faktor strukturno-mnogourovnevoj raznosub"ektnosti [Sustainable development of the economy of the Russian Federation: a factor of structural and multi-level diversity of entities], Tomsk, Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 270 p. (in Russ).

24. SHashich, D., Tanovich, M. (2018) Analiz effektivnosti i dejstvitel'nosti upravleniya organami mestnogo samoupravleniya v Bosnii i Gercegovine [Analyzing the effectiveness and validity of local government governance in Bosnia and Herzegovina]. *Uprava*, no. 9(1), pp. 23—45 (in Russ).

For citing: Vershinina, Yu. V. (2024)

Analysis of the prospects for developing methodological approaches to assessing the effectiveness of municipal governance.

Sotsium i vlast/Society and Power, no. 2 (100), pp. 34—48.

DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-34-48 (in Russ).

UDC 369.032

EDN NSYIPX

DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-34-48

ANALYSIS OF THE PROSPECTS FOR DEVELOPING METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF MUNICIPAL GOVERNANCE

Yulia V. Vershinina,

Siberian Institute of Management -
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Lecturer of the Department of Management,
Novosibirsk, Russia.

ORCID: 0009-0002-6363-1566

E-mail: vershinina-yv@ranepa.ru

Abstract

Introduction. Ensuring stability and a high level of rates of socio-economic development of the country and growth in citizens' quality of life, the authorities operate under conditions of limited resources. This requires improvement of management efficiency and qualitatively formulated indicators for assessing the effectiveness of the authorities' activities. One of the reasons for the difficulty in formulating indicators is the identification of state and municipal governance.

The purpose of the study is to separate the effectiveness of municipal governance from the effectiveness of public administration.

Methods. Within the framework of the research on the basis of the method of interpretation and system approach the following analysis was applied: scientific publications, normative legal acts, statistical data.

Scientific novelty of the study. The concept of a new method of assessing the effectiveness of municipal governance is proposed.

Results. The works of Russian and foreign scientists were considered to identify approaches to assessing the effectiveness of state and municipal governance. Domestic and foreign methods of efficiency assessment have been studied. Regulatory legal acts of the Russian Federation regulating the efficiency assessment of state and local government bodies were analyzed in order to compare the efficiency assessment indicators. The concept of a new method of assessing the effectiveness of municipal governance by compiling a universal list of indicators has been proposed.

Conclusions. One of the two approaches to assessing the efficiency of state and municipal governance is generalizing - the assessment of municipal governance efficiency is carried out similarly to the assessment of public administration efficiency. The second approach is differentiating - the assessment of the effectiveness of municipal governance differs from the assessment of the effectiveness of public administration, while taking into account the impossibility of full autonomy. There are a number of common shortcomings in the methods of assessing the efficiency of government performance: the current indicators do not allow to unambiguously assess the result of government performance; the indicators for assessing the efficiency of municipal government are of a private nature.

Keywords:

municipal governance,
public administration,
efficiency assessment,
efficiency assessment methodology,
performance evaluation indicators

Received: 10/16/2023

Accepted: 05/30/2024

Published: 06/30/2024

Copyright: © Vershinina Yu. V. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

Для цитирования: Уймина, О. И.
Воображение и мастерство
vs компьютерные алгоритмы
художественного творчества /
О. И. Уймина // Социум и власть. —
2024. — № 2 (100). — С. 49—61. —
DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-49-61. —
EDN GSHSKZ.

УДК 18:004.8

EDN GSHSKZ

DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-49-61

ВООБРАЖЕНИЕ И МАСТЕРСТВО VS КОМПЬЮТЕРНЫЕ АЛГОРИТМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Уймина Ольга Ивановна,

Российский государственный университет
нефти и газа (национальный
исследовательский университет)
им. И.М. Губкина,
старший преподаватель,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
аспирант,
Москва, Россия.
ORCID: 0000-0002-0088-7487
E-mail: o.i.uymina@gmail.com

Аннотация

В эстетической теории выделяются разные подходы к пониманию чувственного и логического. Автор согласен с теорией И. Канта, что чувственное восприятие субъективно и воображению даётся возможность придумывать вымышленных персонажей, которых не существует в реальной жизни. Цифровые технологии позволяют оживить и ввести в художественный спектакль таких персонажей. Такой процесс становится возможным с помощью компьютерных алгоритмов, которые используются при создании арт-практик.

Существует множество противоречивых публикаций, где отсутствует понимание технологического процесса поставленной задачи, например, о том, что можно написать программу, которая по картинкам «обучит машину эстетике». Поэтому автор статьи обращается к трем технологическим решениям (виртуальная реальность, дополненная реальность, ИИ основанный на данных) и рассматривает на примере существующих программ и приложений, как происходит процесс взаимодействия компьютерных алгоритмов художественного творчества с воображением и мастерством постановщиков сценического искусства (спектакль, опера, хореография). Данный вопрос автор решает в рамках алгоритмической эстетики, которая рассматривает процесс коммуникации, но в отличие от теории медиа, рассматривает процесс обмена информации в двоичном коде. Алгоритмы, по которым работают написанные программы, не создают «кодовый дух», а позволяют создавать инструменты художественного творчества и развивать мастерство талантливых людей.

Ключевые слова:

алгоритм,
алгоритмическая эстетика,
алгоритм художественного творчества,
виртуальная реальность,
дополненная реальность,
искусственный интеллект

Поступила: 05.04.2024

Принята: 17.05.2024

Дата печати: 30.06.2024

Права: © Уймина О. И. (2024).

Опубликовано Челябинским филиалом РАНХиГС. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Введение

Процесс чувственного восприятия у каждого человека индивидуален. Восприятие и оценка красоты являются глубоко личными и субъективными процессами, зависящими от множества факторов, таких как культурный фон, личный опыт и психологические особенности. Но существуют направления в эстетике, которые связаны с попыткой выстроить логику или построить модель того, как формируются эстетические предпочтения индивидуума. Таковы «логическая эстетика», «алгоритмическая эстетика» и др. Для того, чтобы передать свои чувства, человек учится говорить, выражает эмоции, к примеру, с помощью языка танца, или иных форм творчества. Переход к эпохе цифровых технологий обогащает арсенал уже известных техник коммуникации новыми дополнительными языками: языками программирования [15, с. 312].

Наблюдаемый ныне процесс всеобщего изучения молодыми людьми языков программирования не означает того, что наши современники вот-вот начнут писать статьи не на русском или английском языках, а, например, на языке высокого уровня Python, который обладает своим синтаксисом и библиотеками. Но можно воочию видеть, как алгоритмы, заложенные в программы, формируют определенный образ мышления. Практика программирования позволяет понимать [7, с. 43] творчество художников-программистов и влияет на эстетическое восприятие человека. Современные ученые исследуют не только целостное эстетическое восприятие мира, но и внутренние механизмы, управляющие этим процессом, подобно программному коду. В рамках алгоритмической эстетики можно искренне восторгаться тем, например, как прекрасно написана компьютерная программа [17]. М. Уайтлоу пишет о киберприроде, которая представляет собой закодированную конструкцию из символов и переменных, заранее определенных в языке программирования

[22, р. 81]. Разные подходы позволяют исследовать как эстетическую ценность самого кода, так и создаваемую им киберприроду и «кодовый дух» [22, с. 81]. Смогут ли со временем компьютерные алгоритмы (кодовый дух) заменить творческое воображение и мастерство человека — это и есть проблема, которая будет рассмотрена в настоящей статье.

Другая сторона этой проблемы состоит в том, что программы могут за счёт «галлюцинаций» создавать новые произведения. Феномен галлюцинаций заключается в том, что такие модели иногда производят данные или образы, которые не соответствуют реальному миру, а являются результатом внутренних ошибок или чрезмерных обобщений. Программы также могут создавать другие работающие программы, то есть — самовоспроизводиться. В обоих случаях мы уже не связаны с медиа, если интеллектуальная система самообучается, и способна решать «творческие» задачи» [13, с. 5]). Процесс коммуникации при этом сохраняется, и происходит обмен информацией в двоичном коде; но мы не можем рассматривать такие ситуации и феномены с помощью теории медиа. Поэтому мы и обращаемся к *алгоритмической эстетике*. Под этим термином автор статьи понимает современное направление в философской дисциплине эстетике, которое исследует как сами коммуникации в виртуальной и реальной среде, так и алгоритмические процессы и закономерности построения моделей художественного творчества. Для того, чтобы разобраться, как смоделированы алгоритмы и процесс их функционирования в архитектуре нейронных сетей, в статье мы намереваемся рассмотреть компьютерные программы и приложения, используемые для театральных постановок, и в процессе их сценического воплощения. А также сам технологический принцип работы интеллектуальных систем.

Прежде всего нужно определиться с тем, что такое алгоритм. Так как в алгоритмической эстетике есть вычи-

сления, это позволяет нам охарактеризовать математический алгоритм так, как он был обозначен в документах. Под *алгоритмом* понимается «последовательность, идущая от варьируемых исходных данных к искомому результату за конечное число шагов»¹. С развитием компьютерных технологий стало само собой понятно, что нужно создавать алгоритмы, которые позволяют устройствам работать. Соответственно, мы можем говорить об алгоритме в программировании — когда создается определенная программа, и под её управлением реализуется заданный алгоритм, то есть выполняются строго прописанные действия.

В статье под *компьютерным алгоритмом художественного творчества* — понимается цифровая компьютерная программа, позволяющая воплощать творческие замыслы художника. Противостоят ли компьютерные алгоритмы творческому воображению и мастерству художников? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть его в парадигме эстетической теории.

Методология

Основоположник эстетики А. Г. Баумгартен стремился рассматривать эстетику как научную дисциплину [3, с. 40] (которую, кстати, обязательно нужно было изучать и практиковать, особенно одаренным людям). В противовес научно-ориентированной концепции А. Г. Баумгартена, эстетическая теория И. Канта даёт воображению роль «оживляющего принципа» [1, с. 258] в художественном творчестве и возможность существования «единорога». Мы можем иметь «понятие единорога» [16, с. 3], его непосредственное представление, каким мог бы быть единорог, если бы существовал, и при этом знать, что его не существует. Это различие позволяет Канту утверждать, что «красоту и искусство нельзя анализировать с формально-логической точки зрения» [2, с. 137]. Фактически И. Кант возражал против того, чтобы эстетика была од-

нозначно связана с логикой, поскольку она едина с чувственным началом и едва ли может быть строгой наукой. Поэтому свой труд он и назвал не «Эстетика», а «Критика способности суждения» [8] (причем имея в виду именно рефлексирующую, а не определяющую, способность). Благодаря работам И. Канта мы вправе рассматривать эстетическое, как присущее человеку, вернее, существующее в восприятии человека.

Современная эстетика уже далеко ушла от канонической системы понятий с категорией прекрасного в центре её. И всё же именно она возвращает нас к классической теории, возрождая её через алгоритмы, обученные на классических произведениях искусства. Таким образом, можно обратиться еще к одному из направлений в современной эстетике — алгоритмической эстетике. Художнику сегодня не всегда нужно уметь рисовать, он может воплотить свою творческую задумку при помощи инструментов, работа которых использует интеллектуальных систем. Теперь художника можно освободить от необходимости создавать на протяжении всей своей жизни этюды. Он может воплощать свои образы и идеи в программе, перебирая все возможные варианты за более короткие сроки времени. Точно так же и с музыкальными, пластическими и другими видами искусства.

Человек не может отказаться от прекрасного как такового, именно поэтому для обыденного сознания эстетическое ассоциируется с прекрасным. Оно находит своё выражение в новых формах алгоритмической эстетики, которая, анализируя классические произведения искусства, пытается найти алгоритм совершенствования художественного выражения, например, через визуальную простоту, визуальную симметрию, визуальный контраст и визуальное самоподобие в исследовании С. Майера и Я. Ландвера [20, с. 399].

А как же с «запретным» для прежней эстетики логическим началом? Здесь под «логическим» мы имеем в виду определение Е. Я. Басина: «Логическая

¹ См.: ГОСТ 19.781-74

составляющая эстетического (и художественного) чувства обнаруживает себя в таких свойствах, как превращение индивидуального во всеобщее («алгебра чувств»), конкретного — в абстрактное, личностное — в «надличностное» и др.» [2, с. 145]. Существует ли структура и рациональность, в творческом процессе и художественном произведении? Современный отечественный ученый Е. Я. Басин доказывает, что — да, присутствует. Он выделяет новое направление в современной эстетике — «логическую эстетику» [2, с. 149]. Е. Я. Басин аргументировал свою позицию тем, что художник со временем становится мастером своего дела; именно это мастерство и можно структурировать логически. Так как оно связано не только с творческой интуицией, но и с отработанной до совершенства техникой творческого процесса (например, умение создавать художественные тексты, или картины). Таким образом, элементы логики, порядка и систематизации становятся неотъемлемой частью художественного творчества.

Концепция «логической эстетики» Е.Я. Басина дополняет эстетику А.Г. Баумгартена, который описывает эстетику, как гениального человека, но которому необходимо постоянно практиковаться в этом мастерстве. В «Эстетике» А.Г. Баумгартен описывает практику отработки ораторского мастерства.

Согласно И. Канту, человеческое представление о душе находится за рамками человеческого понимания, оно является неполным (трансцендентным), следовательно «не может быть алгоритма для достижения представления» [9, с. 104] души. Р. С. Перов понятие «сильного искусственного интеллекта» (AGI)¹ относит к «области

¹ Р. С. Перов относительно AGI или СИИ (сильного искусственного интеллекта) полагает, что «Каждый понимает, как это должно выглядеть и даже вводит определённые критерии. Например, одним из ярчайших критериев для СИИ является тест Тьюринга» [9, с. 104]. Мы в свою очередь придерживаемся такого определения: искусственный интеллект, обладающий способностью понимать и осознавать себя, способен самостоятельно мыслить и применять интел-

несостоявшегося представления» [9, с. 104]. Другими словами, невозможно помыслить AGI, как и «душу» и расписать алгоритм их функционирования.

Другое представление о трансцендентности AGI появляется в архитектуре генеративного искусственного интеллекта (ГИИ или GenAI). Существует ошибочное представление, например, у С. Ф. Сергеева о том, что генеративный искусственный интеллект может приблизить к созданию интеллектуальных систем, работающих «более естественно и духовно» [12, с. 107], так как они так же работают по принципам вычислительных алгоритмов в программировании. С. Ф. Сергеев предлагает для решения этой задачи создать модель «базы смыслов», которая бы позволила компьютеру «понимать, каковы смысл и знаковое значение объектов в мире, а также взаимосвязи между ними с целью передачи их пользователям» [12, с. 109]. Решить такую задачу сложно из-за самой формулировки «базы смыслов» и ограниченности архитектуры нейронных сетей. Проблема полноты и сложности это только один показатель, который вводится С. Ф. Сергеевым для точности передачи смысла (информации). Исследование С. Майера и Я. Р. Ландвера предлагает объединить сразу четыре алгоритмические меры [20, с. 399] при исследовании эстетической привлекательности изображений. Возможно, что для передачи смысла недостаточно одного показателя, как это предложил С. Ф. Сергеев, и необходимо разработать модель с большим количеством показателей.

Будет рассмотрено, что из себя представляет мастерство и эстетика в настоящее время. В первую очередь стоит отметить, что мастерство человека — это уникальное человеческое качество. В работе А.Г. Баумгартена указано, как эстетик может развивать свои способности, обладая ими от рождения. У А.Г. Баумгартена описан процесс развития уже существующих задатков эстетика, чтобы он был убедителен для других

лектуальные навыки на уровне, сопоставимом с человеческим.

людей, красноречиво и доступно излагал свои мысли. Если человек будет только изучать и рассматривать картины, то эстетику он знать не будет. Поэтому автор статьи не согласен с А. В. Разуевым, который пишет, что можно написать «программу для «изучения» эстетики машиной с помощью большого корпуса изображений» [11, с. 71] и «следуя изученной эстетике и задачам художника, алгоритм генерирует новые образы» [11, с. 71]. Возможно, что такая формулировка связана с «обыденным» пониманием эстетики как науки о прекрасном, к сожалению, в своей работе А.В. Разуев не даёт своего понимания термина «эстетика».

Эстетический вкус руководит художником, ограничивает его творческие идеи с целью всеобщего одобрения и целесообразности. М. Иванова отмечает, что программные алгоритмы не обладают такими ограничениями, которые присущи человеку [18, с. 326], поэтому пока что не понятно, как будет происходить процесс развития эстетических ценностей. Алгоритмическая эстетика одновременно исследует и ищет новые эстетические ценности.

Красота искусства сегодня становится менее ценной чем яркие, но простые приятные ощущения. Об этом свидетельствуют тенденция к упрощению ускорению, характерная для цифровой эпохи. Уже не столь важно, чтобы произведение было красивым в традиционном смысле этого слова. Вместо этого, люди склонны ценить то, что приносит мгновенное удовольствие или приятное настроение. Такая тенденция может привести к снижению важности глубоких эстетических ценностей в пользу более поверхностных и мгновенных удовольствий.

Сегодня создаются разные объекты искусства, например, NFT изображения (воспроизводимые на экране или с помощью проектора), которые для зрителя-программиста более понятны, чем концептуальное искусство и вызывают большее восхищение, чем «Подсолнухи» Ван Гога. Связано это с пониманием зрителей-программистов о способах

создания электронных изображений и вызывает соответствующий восторг от того, как это реализовано.

Таким образом эстетические ценности и критерии красоты в искусстве могут изменяться в соответствии с технологическим прогрессом и сдвигами в предпочтениях и ожиданиях зрителей. Ниже мы попытаемся рассмотреть технологии создания компьютерных алгоритмов художественного творчества.

Обсуждение

В данном разделе статьи рассмотрим, какие программы используются и как применяются интеллектуальные системы в процессе создания и воплощения сценических постановок (спектакль, опера, хореография). В настоящее время можно выделить три основных вектора применения информационных технологий в сценической постановке. В качестве инструментальных средств применяются:

- 1) виртуальная реальность;
- 2) дополненная реальность;
- 3) искусственный интеллект.

Включение виртуальной и дополненной реальности позволяет создать качественно другую постановку, не всегда сохраняющую структуру сценической постановки, как произведения искусства.

Виртуальная реальность (VR) — это технология, которая даёт возможность пользователю погрузиться в имитируемую среду с помощью специальных устройств и сенсоров. VR используется для создания инновационных перформансов и интерактивных постановок. Например, «Dance Collider»¹, где игроки используют VR-контроллеры для исполнения танцевальных движений в виртуальной среде и сражения с другими игроками. Использование VR в перформансе открывает новые возможности для творчества и взаимодействия с публикой. Однако, это также ставит перед

¹ Dance Collider // YouTube. URL: https://www.youtube.com/channel/UCX0X1Z-LnkKrS_S_kyIklxOA (дата обращения: 24.03.2024).

хореографами и танцорами новые вызовы в области создания произведений и адаптации к новой технологии. В результате кибернетической революции появляется ценность художественного творчества в определении грани реального и виртуального [5, с. 38]. Искусство всегда стремилось к подражанию природе, теперь такое стремление мы наблюдаем в создании виртуальной реальности: чем меньше в ней неточностей или «багов», тем более эстетически привлекательнее воспринимается такая среда.

Дополненная реальность (AR) — это технология, которая позволяет пользователю добавлять виртуальные объекты и элементы в реальный мир, используя камеру и дисплей устройства. В постановках AR используется для создания интерактивных танцевальных произведений. Один из примеров использования AR — в опере режиссера Г. Исаакяна «Любовь к трем цукербринам»¹. Зритель через планшет может наблюдать, что происходит на сцене в дополненной реальности. Использование AR в сценических постановках создаёт интерактивные арт-практики (С. О’Салливан определяет их как новый вид творчества, связанный с попытками формализации или исследования, а не выражения смысла [21, с. 130]), которые позволяют зрителям с помощью интерфейса взаимодействовать с виртуальными исполнителями. Художник соревнуется с технологией и подражает технологии [14, с. 81], так герои из мультиков входят в спектакли и получают свои роли и слова для участия в постановке, как, например, Little Sister в AR-опере Г. Исаакяна.

Искусственный интеллект (ИИ) — это технология, которая позволяет компьютерам обучаться и выполнять задачи, без человеческого участия. Например, ИИ используется для создания танцевальных произведений и анализа тех-

ники танцоров. Это требует со стороны хореографов определенного уровня технических знаний и навыков работы с искусственным интеллектом, чтобы творчески использовать ИИ-системы и интегрировать их в структуру постановки. ИИ также используется для создания новых форм и стилей танца, которые были бы недоступны без использования технологий. Например, компания AIVA² создала ИИ-систему, которая создает музыкальные композиции, соответствующие танцевальным движениям исполнителей. Применение ИИ в спектаклях позволяет создавать произведения, которые сочетают в себе исполнительскую технику и эмоции исполнителей. Л. Манович определяет работу с ИИ, как «искусство кодирования» [19], которое позволяет создавать новые идеи для будущих экспериментов благодаря тому, что интеллектуальные инструменты будут «понимать» художника и «давать» интеллектуальную обратную связь» [19].

Информационные технологии используются для создания виртуальных студий, где хореографы и танцоры могут работать удаленно и совместно создавать новые произведения. Также информационные технологии применяются для обучения и анализа техники и движений танцоров. Существуют специальные приложения и программы, которые помогают танцорам записывать и анализировать свои движения, а также получать обратную связь от постановщиков.

Например, Dance Reality³ — это приложение для дополненной реальности, которое помогает танцорам улучшить свою технику. С помощью специального набора датчиков и технологии AR приложение позволяет танцорам видеть и анализировать движение в реальном времени. Coach’s Eye⁴ — это

¹ «Любовь к трем цукербринам» // Официальный сайт Московского государственного академического детского музыкального театра имени Наталии Сац. URL: <https://teatr-sats.ru/любовь-к-трем-цукербринам?sid=16335849> (дата обращения: 24.05.2023)

² AIVA // AIVA for Dance: официальный сайт. URL: <https://www.aiva.ai/dance> (дата обращения: 25.03.2024).

³ Dance Reality: официальный сайт. URL: <https://www.dancerealityapp.com/> (дата обращения: 25.03.2024).

⁴ Coach’s Eye: LearningWorks for Kids Leadership сайт. URL: <https://learningworksforkids.com/apps/coachs-eye/> (дата обращения: 25.03.2024).

приложение для записи и анализа видео, которое часто используется в спорте, но также может быть полезным для сценических исполнителей. Это приложение записывает выступления и даёт возможность анализировать их в замедленном воспроизведении. Laban Movement Analysis (LMA)¹ — это методика анализа движений, которая часто используется в танцевальном образовании. Существуют несколько программ, которые используют методику LMA для анализа и описания движений танцоров, например, как в Movement Alphabet².

Грамотное использование рассмотренных программ не предполагает креативности, это только определенные компетенции, которыми владеет художник. Так же как компьютерная программа имитирует общение с человеком при этом не обладает пониманием. Т. Пожарев развивает эту идею, ссылаясь на то, что «основой творческого процесса выступает интуитивное решение» предлагает определять творчество человека, выявляя оценщиком осмысленное производство артефакта. «Осмысленность» же можно определить через самопереживание и «критерий на основе праксеологической неоднородности» [10, с. 70]. Другими словами, одного мастерства художника недостаточно, чтобы понять, насколько гениально работает художник или постановщик, для современных «умных» инструментов формируются соответствующие тесты на креативность, которые выявляют внутреннее самопереживание создателя в творческом процессе.

Включение алгоритмов машинного обучения для создания сценических постановок позволяет создавать проекты или арт-практики, которые не выражают авторскую идею или художественный образ, а демонстрируют «процесс соприсутствия машины и человека» [7,

с. 42]. М. Уайтлоу в своей работе описывает как происходит процесс такого соприсутствия в системе жизни искусственного языка Iconica, где мир, создан из языка, стремится «отразить идею языка электронного пространства, которое является своего рода естественным состоянием для среды» [22, с. 86]. Создание арт-практик также является творческим процессом, так как разные алгоритмы позволяют решать разные задачи. Алгоритмы машинного обучения имеют разные методологии реализации и архитектуры построения. На сегодняшний день самой популярной является технология нейронных сетей. Далее будет рассмотрено, как разные архитектуры построения нейронных сетей позволяют создавать программные и технологические решения для цифровых арт-практик.

Ниже приведены некоторые из наиболее распространенных типов нейронных сетей, которые используются в цифровых арт-практиках:

1. Рекуррентные нейронные сети (RNN) — это архитектура построения нейронной сети, где происходит обработка последовательности данных и это позволяет моделировать зависимости между последовательными элементами. RNN используются для анализа движений танцоров, предсказания следующего движения или создания новых движений на основе анализа предыдущих движений.

2. Свёрточные нейронные сети (CNN) — нейронные сети, которые используются в обработке изображений и видео. CNN можно включить в арт-практику для анализа движения танцоров, сегментации видео на отдельные элементы, или создания новых движений на основе анализа текстур и форм изображений.

3. Глубокие нейронные сети (DNN) — состоят из множества слоёв и могут обрабатывать сложные данные. DNN помогают при создании новых движений на основе анализа большого объема данных о движениях исполнителей, например, с использованием генеративных моделей.

¹ Laban Movement Analysis (LMA): Laban/Bartenieff Institute of Movement Studies, LIMS® официальный сайт. URL: <https://labaninstitute.org/> (дата обращения: 25.03.2024).

² Movement Alphabet by Jan Lee & Tim Murray-Browne: Vimeo.com. URL: <https://vimeo.com/202976532> (дата обращения: 25.03.2024).

4. Автоэнкодеры (АЕ) — эти нейронные сети используются для сжатия данных и восстановления изображений или видео. Помимо того, что АЕ анализируют движения танцоров, также автоэнкодеры помогают создавать новые движения на основе анализа скрытых связей между движениями.

В большинстве арт-практик, взятых автором в качестве примеров, отсутствует техническая информация о реализации тех или иных решений. Поэтому можно привести только описание таких проектов:

1. Арт-проект «Цифровые двойники» хореографа Владимира Варнавы и медиахудожника Максима Жесткова, где при помощи датчиков и сенсоров собиралась информация. Этот проект представлял собой нейростенд, который одновременно управлялся нейросетью и человеком¹.

2. Проект «Choreographic Language Agent»² — проект, созданный хореографом Wayne McGregor и компанией Google Arts & Culture, использует нейронные сети для продуцирования новых танцевальных композиций. В проекте были использованы алгоритмы машинного обучения для анализа движений танцоров и выявления характеристик движений, таких как скорость, угол, направление и другие параметры. Затем эти данные использовались для создания новых движений и хореографии.

3. Проект «No Body lives here» — проект, созданный Паулой Розолен³, использует нейронные сети для взаимодействия с аудиторией. В проекте использовались глубокие нейронные сети для написания стихов, датчики,

распознающие лица, и программы, позволяющие различать эмоции.

4. Университет Южной Калифорнии разработал систему «PoseNet»⁴, которая может анализировать движения танцоров и создавать на основе этих данных уникальные танцевальные композиции. Эта система была использована в произведении «Mindgame» в 2019 году.

5. Проект Pathfinder был создан Princemio в сотрудничестве с Onformative⁵. Pathfinder — это инструмент, который можно использовать различными способами. Постановщик может изменять параметры алгоритма, такие как скорость и сложность анимации, или типы геометрических объектов, включая случайность. Сложно предсказать, каким будет результат работы алгоритма.

Приведенные выше примеры демонстрируют, что применение компьютерных программ и приложений позволяет создавать технологические решения, которые превращают творческие замыслы в реальность. Для того, чтобы воплотить образную идею на сцене, необходимо не только воображение постановщика, но и знания в области современных информационных технологий; как они работают и функционируют. Как видим, мастерство оттачивается в сфере использования постоянно изменяющихся и обновляющихся компьютерных программ.

Выводы

Хотя язык программирования важен и полезен в современном мире, он не заменит способ изложения наших мыслей. Знание языка программирования, так же как и английского, не приведет к тому, что в аэропортах появятся новые надписи-указатели на языке Python.

¹ Цифровые двойники: уникальный нейростенд Газпром нефть на ПМЭФ // Event.ru. URL: <https://event.ru/reports/tsifrovyye-dvoyniki-unikalnyiy-neyrostend-gazprom-neft-na-pmef/#> (дата обращения: 25.03.2024)

² Choreographic Language Agent: официальный сайт Studio Wayne McGregor. URL: <https://waynemcgregor.com/research/choreographic-language-agent> (дата обращения: 03.03.2024)

³ No Body lives here (ODO): официальный сайт The ZKM | Center for Art and Media Karlsruhe. URL: <https://zkm.de/de/media/video/no-body-lives-here-odo> (дата обращения: 15.03.2024)

⁴ Овед Д. Оценка позы в реальном времени прямо в браузере с TensorFlow.JS. URL: <https://vk.com/@neurohive-ocenka-pozy-v-realnom-vremeni-pryamo-v-brauzere-s-tensorflow> (дата обращения: 20.03.2024).

⁵ Pathfinder — генеративная геометрия, как источник вдохновения // Сайт VJ. URL: <http://www.malbred.com/ostalnoe/pathfinder—generativnaya-geometriya-kak-istochnik-vdohnoveniya.html> (дата обращения 10.03.2024).

Возможно, что интеллектуальные системы смогут писать программный код, и программисты станут не нужны (как это произошло с профессией бухгалтера, которую заменили на бизнес-экономиста, отдав рутинную работу программам). Но на практике всё разгрызается по совершенно другому сценарию. Программирование включает в себя не только написание кода, но и творческий процесс решения проблем, изобретение новых подходов и методов. Интеллектуальные системы могут автоматизировать рутинные задачи, но они вряд ли смогут полностью заменить человеческое творчество и интуицию в решении сложных проблем.

Именно поэтому всё большее число художников овладевает языками программирования и умеет работать в разных программах, используя их для реализации своих творческих замыслов. «Рисуют» теперь генеративные модели так же, как такие модели могут сочинять фоновую музыку и видео. Развитие больших языковых моделей позволяет делать более точные переводы. Мультимодальная система позволяет объединять различные источники информации: звук, изображение и текст, имитируя человеческое восприятие, что улучшает её функционал [4]. Современные компьютерные технологии стали частью нашей повседневной жизни, поэтому и находят своё место в творчестве современных художников. Таких художников еще называют алгоритмистами, они сочетают в себе талант компьютерного гения и «знаменитое толстовское «чуть-чуть»» [6, с. 81]. Их образ мышления, возможно, более логически построен, из-за алгоритмического способа функционирования компьютерных программ, но это только предположение автора статьи. Характер создаваемых алгоритмистами арт-практик не утилитарен, нет практического применения оперы «Любовь к трём цукербринам», но при этом зритель интерактивно вовлечен в процесс или даже «игру» с этим произведением и ожившими виртуальными героями. Виртуальная девушка, похожая на

Сейлор-Мун — мультипликационного героя из детства автора статьи, в опере «Любовь к трём цукербринам», вызвала много эмоций и воспоминаний, по сравнению с актрисой, которая играла воплотившуюся в телесной форме мультипликацию.

Еще одно направление, в котором технологии могут быть применены как в театральных, так и в хореографических постановках — это использование искусственного интеллекта для анализа техники и движений исполнителей. Сочетание талантливого программиста с творческим художественным воображением позволяет создавать не простейшие миметические постановки, а полноценные высокохудожественные произведения, но пока что большинство постановок реализуется на уровне арт-практик.

Внедрение искусственного интеллекта в создание танцевальных композиций может создать проблемы с уникальностью произведений, поскольку алгоритмы машинного обучения могут использовать имеющиеся данные, что может привести к появлению однотипных произведений, лишенных индивидуальности и креативности художника. Сенсорные технологии и виртуальная реальность могут сделать сценические постановки более доступными и привлекательными для широкой аудитории, однако, технические сложности, такие как возможные сбои программного обеспечения, могут возникнуть во время выступлений. Эволюция современных спектаклей под воздействием технологий открывает новые возможности и направления в искусстве, но важно помнить, что компьютерные алгоритмы художественного творчества не заменяют эстетику, а являются лишь инструментами, требующими мастерства в использовании. Возможно, в будущем технологические решения будут реализованы с помощью встроенных в мозг устройств, но творческое воображение художников по-прежнему останется ключевым фактором в создании уникальных и вдохновляющих произведений искусства.

1. Афасижев, М. Эстетика Канта в свете современной науки / М. Афасижев // *Aesthetica Universalis: Theoretical Quarterly*. — 2019. — № 1 (5). — С. 251—276.

2. Басин, Е. Я. Искусство и логика (Очерки из истории философско-эстетической мысли) / Е. Я. Басин — М. : Слово, 2012. — 164 с.

3. Баумгартен, А. Г. Эстетика / А. Г. Баумгартен ; пер. с лат. Г. С. Беликова, А. В. Белоусова и др. — М. : Изд-во Унта Дмитрия Пожарского, 2021. — 760 с.

4. Брагин, А. В. Большие языковые модели четвертого поколения как новый инструмент в научной работе / А. В. Брагин, А. Р. Бахтизин, В. Л. Макаров // *Искусственные общества*. — 2023. — Т. 18, № 1. — DOI: 10.18254/S207751800025046-9. — EDN SWQZWJ.

5. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. — М. : Добросвет, 2000. — 258 с.

6. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — М. : АСТ, 2022. — 480 с.

7. Деникин, А. А. Постцифровая эстетика в арт-практиках цифрового искусства / А. А. Деникин // *Обсерватория культуры*. — 2017. — Т. 14, № 1. — С. 36—45. — DOI: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2017-14-1-36-45>. — EDN YLKYWX.

8. Кант, И. Э. Сочинения : в 6 т. Т. 5 / И. Э. Кант. — М. : Мысль, 1966. — 564 с.

9. Перов, Р. С. Алгоритм как препятствие к трансцендентному или невозможность достижения сильного искусственного интеллекта / Р. С. Перов // *Трансцендентальный поворот в современной философии (7): эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект : сб. тезисов 7-го международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» (Москва, 21—24 апреля 2022 г.)*. — М., 2022. — С. 104—105.

10. Пожарев, Т. Оценочные критерии творческой способности искусственно-интеллекта / Т. Пожарев // *Машины. Люди. Ценности: когнитивные и социо-*

культурные системы в потоке времени : материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра филос. наук, проф. С. М. Шалютина, Курган, 22—23 апреля 2021 года. — Курган : Курган. гос. ун-т, 2021. — С. 69—70. — EDN UWHVQF.

11. Разуев, А. В. Искусственный интеллект и творчество / А. В. Разуев // *Машины. Люди. Ценности: когнитивные и социокультурные системы в потоке времени : материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра филос. наук, проф. С. М. Шалютина, Курган, 22—23 апреля 2021 года*. — Курган : Курган. гос. ун-т, 2021. — С. 71—72. — EDN HDNFNN.

12. Сергеев, С. Ф. Кант и когнитивистика: проблема истолкования / С. Ф. Сергеев // *Трансцендентальный поворот в современной философии (7): эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект : сб. тез. 7-го Междунар. науч. семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» (Москва, 21—24 апреля 2022 г.)*. — М., 2022. — С. 107—109.

13. Советов, Б. Я. Интеллектуальные системы и технологии / Б. Я. Советов. — М. : Академия, 2013. — 320 с.

14. Строева, О. В. Новый тип мимесиса в эпоху экранной культуры? / О. В. Строева // *Наука телевидения*. — 2016. — Т. 12, № 2. — С. 73—85. — EDN WXHENP.

15. Bajer, A. Understanding of source code in language: Contribution of philosophical hermeneutics to the critical code studies / A. Bajer // *Digital Scholarship in the Humanities*. — 2022. — Т. 37, № 2. — С. 307—320. — DOI: 10.1093/llc/fqab089.

16. Cohen, T. Three problems in Kant's aesthetics / T. Cohen // *The British Journal of Aesthetics*. — 2002. — Т. 42, №. 1. — С. 1—12. — DOI: 10.1093/bjaesthetics/42.1.1.

17. Cox, G. The aesthetics of generative code / G. Cox, A. McLean, A. Ward // *Proc. of Generative Art*. 2001. URL: https://slab.org/writing/The_Aesthetics_of_Generative_Code.pdf (дата обращения: 11.11.2023).

18. Ivanova, M. Scientific progress and aesthetic values / M. Ivanova // *New Philosophical Perspectives on Scientific Progress*. — Routledge, 2022. — P. 314—331. — DOI: 10.4324/9781003165859-20.

19. Manovich, L. Towards “General Artistic Intelligence”? / L. Manovich // *Art Basel*. — 2023. — Т. 1. — URL: https://www.academia.edu/103020040/Towards_General_Artistic_Intelligence_ (дата обращения: 03.03.2024).

20. Mayer, S. Quantifying visual aesthetics based on processing fluency theory: Four algorithmic measures for antecedents of aesthetic preferences / S. Mayer, J. R. Landwehr // *Psychology of aesthetics, creativity, and the arts*. — 2018. — Vol. 12, № 4. — P. 399—431. — DOI: 10.1037/aca0000187.

21. O’Sullivan, S. The aesthetics of affect: Thinking art beyond representation / S. O’Sullivan // *Angelaki: journal of theoretical humanities*. — 2001. — Vol. 6, №3. — P. 125—135. — DOI: 10.1080/09697250120087987.

22. Whitelaw, M. *Metacreation: Art and Artificial Life* / M. Whitelaw. — Cambridge ; London : MIT Press, 2004. — 281 p.

References

1. Afasizhev, M. (2019) Estetika Kanta v svete sovremennoi nauki [Kant’s aesthetics in the light of modern science]. *Aesthetica Universalis: Theoretical Quarterly*, no. 1(5), pp. 251-276 (in Russ).

2. Basin, E. Ya. (2012) *Iskusstvo i logika (Ocherki iz istorii filosofsko-esteticheskoi mysli [Art and logic (Essays on the history of philosophical and aesthetic thought)]*. Moscow, Slovo, 164 p. (in Russ).

3. Baumgarten, A. G. (2021) *Estetika [Aesthetics]*. Moscow, Izd-vo Universiteta Dmitriya Pozharskogo, 760 p. (in Russ).

4. Bragin, A., Bakhtizin, A., Makarov, V. (2023) Bol’shie yazykovye modeli chetvertogo pokoleniya kak novyi instrument v nauchnoi rabote [Large fourth-generation language models as a new tool in scientific research]. *Iskusstvennye obshchestva*, vol. 18, no. 1. DOI: 10.18254/S207751800025046-9 (in Russ).

5. Bodriyar, Zh. (2000) *Prozrachnost’ zla [Transparency of evil]*. Moscow, Dobrosvet, 258 p. (in Russ).

6. Vygotskii, L. S. (2022) *Psikhologiya iskusstva [Psychology of art]*. Moscow, Izdatel’stvo AST, 480 p. (in Russ).

7. Denikin, A. A. (2017) Posttsifrovaya estetika v art-praktikakh tsifrovogo iskusstva [Post-digital aesthetics in digital art practices]. *Observatoriya kul’tury*, vol. 14, no. 1, pp. 36-45. DOI: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2017-14-1-36-45> (in Russ).

8. Kant, I. E. (1966) *Sochineniya v 6 tomakh [Works in 6 volumes] vol. 5* Moscow, «Mysl’», 564 p. (in Russ).

9. Perov, R. S. (2022) Algoritm kak prepyatstvie k transtsendentnomu ili nevozmozhnost’ dostizheniya sil’nogo iskusstvennogo intellekta [Algorithm as an obstacle to transcendence or the impossibility of achieving strong artificial intelligence]. *Transtsendental’nyi povorot v sovremennoi filosofii (7): epistemologiya, kognitivistika i iskusstvennyi intellekt: sbornik tezisov 7-go mezhdunarodnogo nauchnogo seminara «Transtsendental’nyi povorot v sovremennoi filosofii» (Moskva, 21—24 aprelya 2022 g.)*, pp. 104-105 (in Russ).

10. Pozharev, T. (2021) Otsenochnye kriterii tvorcheskoi sposobnosti iskusstvennogo intellekta [Evaluation criteria for artificial intelligence creativity]. *Mashiny. lyudi. tsennosti: kognitivnye i sotsiokul’turnye sistemy v potoke vremeni*, pp. 69-70 (in Russ).

11. Razuev, A. V. (2021) *Iskusstvennyi intellekt i tvorchestvo [Artificial Intelligence and Creativity]*. *Mashiny. Lyudi. Tsennosti: Kognitivnye i sotsiokul’turnye sistemy v potoke vremeni*, pp. 71-72 (in Russ).

12. Sergeev, S. F. (2022) Kant i kognitivistika: problema istolkovaniya [Kant and cognitive science: the problem of interpretation]. *Transtsendental’nyi povorot v sovremennoi filosofii (7): epistemologiya, kognitivistika i iskusstvennyi intellekt: sbornik tezisov 7-go mezhdunarodnogo nauchnogo seminara «Transtsendental’nyi povorot v sovremennoi filosofii» (Moskva, 21 — 24 aprelya 2022 g.)*, pp. 107-109 (in Russ).

13. Sovetov, B. Ya. (2013) *Intellektual’nye sistemy i tekhnologii*

[Intelligent systems and technologies]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 320 p. (in Russ).

14. Stroeveva, O. V. (2016) Novyi tip mimesisa v epokhu ekrannoi kul'tury? [A new type of mimesis in the era of screen culture?]. *Nauka televideniya*, no. 12.2, pp. 73-85 (in Russ).

15. Bajer, A. (2022) Understanding of source code in language: Contribution of philosophical hermeneutics to the critical code studies. *Digital Scholarship in the Humanities*, vol. 37, no. 2. pp. 307-320. DOI: <https://doi.org/10.1093/lc/fqab089>

16. Cohen, T. (2002) Three problems in Kant's aesthetics. *The British Journal of Aesthetics*, vol. 42, no. 1. pp. 1-12. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjaesthetics/42.1.1>

17. Cox, G., McLean, A., Ward, A. (2001) The aesthetics of generative code. *Proc. of Generative Art*, available at: https://slab.org/writing/The_Aesthetics_of_Generative_Code.pdf (accessed 11.11.2023)

18. Ivanova, M. (2022) Scientific progress and aesthetic values. *New Philosophical Perspectives on Scientific Progress*. Routledge, pp. 314—331. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003165859-20>

org/10.4324/9781003165859-20

19. Manovich, L. (2023) Towards “General Artistic Intelligence”? *The Art Basel*, available at: https://www.academia.edu/103020040/Towards_General_Artistic_Intelligence_ (accessed 03.03.2024)

20. Mayer, S., Landwehr, J. R. (2018) Quantifying visual aesthetics based on processing fluency theory: Four algorithmic measures for antecedents of aesthetic preferences. *Psychology of aesthetics, creativity, and the arts*, vol. 12, no. 4, pp. 399-431. DOI: <https://doi.org/10.1037/a00000187>

21. O'Sullivan, S. (2001) The aesthetics of affect: Thinking art beyond representation Angelaki, *Journal of theoretical humanities*, vol. 6, no. 3, pp. 125-135. DOI: <https://doi.org/10.1080/09697250120087987>

22. Whitelaw, M. (2004) *Metacreation: Art and Artificial Life*. Cambridge-London, MIT Press, 281 p.

For citing: Uymina, O. I. (2024)
Imagination and skill vs computer algorithms
for artistic creativity.
Sotsium i vlast/Society and Power,
no. 2 (100), pp. 49–61.
DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-49-61 (in Russ).

UDC 18:004.8

EDN GSHSKZ

DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-49-61

IMAGINATION AND SKILL VS COMPUTER ALGORITHMS FOR ARTISTIC CREATIVITY

Olga I. Uymina,

National University of Oil and Gas
«Gubkin University»,
Senior Lecturer,
Lomonosov Moscow State University,
Postgraduate Student,
Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-0088-7487
E-mail: o.i.uymina@gmail.com

Abstract

Aesthetic theory distinguishes different approaches to understanding the sensory and logical. The author agrees with I. Kant's theory that sensory perception is subjective and the imagination is given the opportunity to invent fictional characters that do not exist in real life. Digital technologies make it possible to revive and introduce such characters into an artistic performance. This process becomes possible with the help of computer algorithms that are used to create art practices. There are many contradictory publications where there is no understanding of the technological process of the task

at hand, for example, that it is possible to write a program that will “teach machine aesthetics” using pictures. Therefore, the author turns to three technological solutions (virtual reality, augmented reality and artificial intelligence or neural networks) and examines, using the example of existing programs and applications, how the process of interacting computer algorithms of artistic creativity with the imagination and skill of stage work directors (play, opera, choreography). The author solves this issue within the framework of algorithmic aesthetics, which considers the process of communication, but unlike media theory, considers the process of information exchange in binary code. The algorithms by which the written programs operate do not create a “code spirit”, but allow the creation of tools for artistic creativity and the development of the skills of talented people.

Keywords:

algorithm,
algorithmic aesthetics,
artistic creativity algorithm,
a virtual reality,
augmented reality,
artificial intelligence

Received: 04/05/2024

Accepted: 05/17/2024

Published: 06/30/2024

Copyright: © Uymina O. I. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPА.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

Для цитирования: Дядык, Н. Г. Женская субъективность и феминистские практики в визуальном искусстве второй половины XX века / Н. Г. Дядык // Социум и власть. — 2024. — № 2 (100). — С. 62—75. — DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-62-75. — EDN LZXXCA.

УДК 7.011

EDN LZXXCA

DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-62-75

ЖЕНСКАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ФЕМИНИСТСКИЕ ПРАКТИКИ В ВИЗУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Дядык Наталья Геннадьевна,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, доцент кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук. Челябинск, Россия.
ORCID: 0000-0002-9256-3438
E-mail: djadykng@cspu.ru

Аннотация

Введение. Проблема «женского вопроса в искусстве» является актуальной сегодня. «Гендерное искусство» или «женское искусство» — один из трендов современных арт-выставок. Благодаря арт-феминизму на сегодняшний день женщины-художники в полной мере могут проявить свой талант, что вызывает большой интерес к их творчеству со стороны мирового художественного сообщества.

Цель: выявить специфические стилистические черты, характерные для «женской субъективности» и феминистских практик в искусстве второй половины XX века.

Методы: использовались историографический метод и структурный метод, лежащие в основе современного искусствоведения. Также мы используем герменевтический метод, поскольку выявляем скрытые смыслы работ женщин-художников.

Научная новизна заключается в том, что мы выявляем и описываем специфические новые стилистические черты, характерны

для творчества женщин-художников второй половины XX века, которые не описывались ранее.

Результаты. Нами был проведен философско-культурологический сбор и анализ фактов из жизни женщин-художников: Берты Моризо, Ханны Хёх, Фриды Кало, Элис Нил, Луизы Буржуа, Сары Лукас, были выявлены общие черты, характерные для их творчества. Также нами проведен философско-культурологический анализ арт-феминизма как феномена современного искусства.

Выводы. Среди стилистических черт, объединяющих творчество женщин-художников второй половины XX века нами выделены следующие: обращение к чисто женским рукодельным техникам («искусство волокна»); предмет искусства — внутренний мир чувств и переживаний самой художницы, искусство часто рассматривается как своеобразная арт-терапия, способ пережить перенесенные травмы; у женщины-художника больше эмпатии к модели, к ее ментальному состоянию, чем у мужчин-художников; для женщин-художников характерно переосмысление отношения к телу, изображение тела неэстетизированным, ненормативным, неприукрашенным, ирония по отношению к телу; для женщин-художников искусство часто становится способом борьбы за свои права, гендерное и расовое равенство.

Ключевые слова:

арт-феминизм, женская субъективность, гендерное искусство, «искусство волокна», реди-мейд

*Поступила: 12.12.2023**Принята: 15.02.2024**Дата печати: 30.06.2024**Права: © Дядык Н. Г. (2024).*

Опубликовано Челябинским филиалом РАНХиГС. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Введение

Одним из трендов искусства второй половины XX века является «гендерное искусство» — это художественное направление, в котором акцент делается на исследование и выражение гендерных идентичностей, ролей и отношений в обществе. Оно включает произведения, которые исследуют традиционные гендерные роли и нормы или бросают им вызов. Можно ли разделить искусство на «женское» и «мужское», оказывают ли влияние социокультурные особенности жизни пола, а также особенности характерные для физиологии пола на творчество художника? Ведь существует термин «женская проза»¹, но нет термина «женская музыка»? Роль женщин-художников кажется многим незаслуженно забытой, а работы — недооцененными². Между тем история визуального искусства XX века знает много женских имен. В начале века голос женщин-художников звучал недостаточно сильно, а начиная с 1970-х и по сегодняшний день женщины-художники активно борются за гендерное равенство в искусстве и жизни. Если традиционно в искусстве в силу экономических и социальных причин устоялась мужская субъективность, то XX век можно по праву назвать временем женской субъективности как выражения и осознания женской точки зрения, личного опыта и ощущений, которые часто противопоставляются мужской доминирующей перспективе в истории визуального искусства.

«Нужно ли женщинам обнажаться, чтобы попасть в Метрополитен-музей? Менее 5 % художников в секциях современного искусства — женщины, но 85 % обнажённых натур — женщины», — гласила подпись под плакатом

группы арт-феминисток Guerrilla Girls, на котором изображена картина Энгра «Большая одалиска», но вместо головы женщины находится голова гориллы. Этот плакат стал художественным актом в защиту прав женщин-художников в 1980-е [17, с. 115]. Процессы, связанные с выражением феминизма в искусстве³, набирают обороты, в частности, социологи Т. К. Ростовская, А. М. Егорычев, С. Б. Гуляев констатируют экспансию в визуальном искусстве XX века женских художественных инициатив, связанных с феминизмом [11]. Исследователь феминистского искусства в Китае Лю Лутэн пишет, что работы, созданные женщинами-художниками отражают женское сознание, перенося на холст уникальную перспективу социального, телесного и психологического опыта личности женщины. Благодаря феминизму, женский персонаж в искусстве становится независимой и целостной личностью с исторической миссией и социальной ответственностью [8, с. 165].

Вопрос о гендерном равенстве в искусстве сегодня по-прежнему стоит остро, примером чего служит, тот факт, что в Лондонской национальной галерее из коллекции в 2300 работ лишь 11 созданы женщинами, а среди художников, которых представляет «Tate», 83 % — мужчины в виду наличия социального и экономического притеснения женщин [11]. В российском художественном дискурсе вопрос о роли женщин в искусстве звучит так же актуально, подтверждением чему служит фестиваль ФЕМАРТ (2020), организованный Волгоградским музеем изобразительных искусств им. И. Ю. Машкова⁴. В 2019 году в США была создана Феминистская художест-

¹ Литературное направление, представляющее собой произведения, написанные женщинами и/или описывающие женский опыт, отражающие женскую точку зрения и гендерные проблемы.

² Линда Нохлин: «Почему среди великих художников не было женщин». URL: <https://artandyou.ru/mhk/linda-nohlin-pochemu-sredi-velikih-hudozhnikov-ne-bylo-zhenshin/> (дата обращения: 11.06.2024).

³ Движение, направленное на исследование и привлечение внимания к гендерному неравенству, на борьбу со стереотипами и доминированием мужской перспективы в искусстве

⁴ Волгоградский музей изобразительных искусств им. И. И. Машкова. 06.03.2020 — 08.03.2020. Выставочный зал (ул. им. маршала Чуйкова, д.37). ФЕМАРТ. URL: <https://mashkovmuseum.ru/sobyitiya/sobyitiya-base/femart> (дата обращения: 11.06.2024/)

венная коалиция (FAC)¹ — свободная общественная организация, целью которой стало провести в 2020 году десятки выставок, перформансов и программ, созданных женщинами-художницами. Из мировых художественных событий 2000—2020-х следует отметить следующие тенденции: «гендерное» искусство, интерес к женскому творчеству как таковому, и как следствие рост цен на картины женщин-художников, открытие и переосмысление роли женщины в мире искусства. Подтверждением этому, например, служат следующие выставки: в 2000-х прошла большая ретроспектива творчества Берты Моризо в Музее Орсе²; в 2021 году состоялась выставка американской художницы Элис Нил «Люди прежде всего» (Метрополитен-музей, Нью-Йорк)³; в 2023 году — ее же выставка в Париже. В 2023 году в галерее Уайтчепел (Лондон) открылась выставка «Движение, действие, краска: женщины в искусстве и абстракционизм 1940—1970-х гг.»⁴, и это далеко не все события последних десятилетий, посвященных женскому искусству.

Целью данной статьи является исследование женской субъективности и феминистских практик в искусстве XX века, выделение специфических черт, характерных для женского искусства.

Женщины-художники появляются в искусстве начиная с эпохи Возрождения (Плаутилла Нелли, Софонисба Ангвиссола, Лавиния Фонтана, Артемизия Джентилески), однако их имена мало

известны широкой общественности [12]. Традиционно роль гениев в искусстве, как пишет известный искусствовед Линда Нохлин в своем знаменитом эссе «Почему не было великих художниц⁵?» закрепились за мужчинами-художниками в силу социальных и экономических причин [10]. В XIX веке в связи с первой волной феминизма женщины получают право обучаться живописи наравне с мужчинами, их картины начинают выставляться в одном ряду с картинами мужчин-художников, они начинают входить в художественные ассоциации.

Уже в XIX веке можно найти примеры женской субъективности в искусстве, например, творчество выдающейся художницы-импрессионистки Берты Моризо. Берта Моризо (1841—1895). Она была единственной женщиной-художником, участвовавшей во всех выставках импрессионистов и высоко ценимой своими коллегами Э. Мане, Э. Дега, О. Ренуаром и К. Моне, она стала ключевой фигурой парижского авангардного движения конца 1860-х годов. И хотя Берта Моризо сохраняла в своем творчестве все черты стиля импрессионизма — небрежный мазок, кадрированность композиции, стремление передать впечатление от увиденного — все же ее работы, на наш взгляд, несут печать женской субъективности в искусстве. На картинах Б. Моризо изображен традиционно женский мир: материнство, дети и няни на прогулках, дамы за туалетом в изысканных нарядах. Художественный мир Б. Моризо — это женский мир материнства, семьи, дружбы, тихий и милый, не осмеливающийся еще бросить вызов мужчинам-художникам.

Арт-феминизм как художественный феномен

Искусство первой половины XX века знает много женщин-художников, чей

¹ Феминистки готовятся к выборам // Theartnewspaper Russia. 2019. №79. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/7659> (дата обращения: 11.06.2024)

² Выставка Берты Моризо в музее Орсе (Berthe Morisot (1841—1895)). URL: <https://nesenal.narod.ru/mogeparom/day9/morisot/morisot.html> (дата обращения: 11.06.2024)

³ Элис Нил: Люди прежде всего. Выставка 22 марта – 1 августа 2021. Метрополитен-музей, Нью-Йорк, 5-я авеню, 1000. URL: <https://artchive.ru/exhibitions/5507> (дата обращения: 11.06.2024)

⁴ Арт-обзор: 10 выставок в 2023 году, которые нельзя пропустить. 28.12.2022. URL: <https://zimamagazine.com/2022/12/art-obzor-10-vystavok-v-2023-godu-kotorye-nelzya-propustit> (дата обращения: 11.06.2024)

⁵ В данной статье по арт-феминизму мы намеренно пишем «женщины-художники», хотя в современном русском языке вполне допустим вариант и женщина-художница, что не является уничижительным. Говоря об эссе Л. Нохлин, мы используем вариант написания переводчика А. Матвеева.

голос звучал более твердо, начинающих уже говорить в своем творчестве о феминизме, гендере, социальном равенстве. Их творчество констатирует новый тип женщины, не ограничивающейся ролью только музы и хранительницы домашнего очага, но личности сильной, уверенной в себе, самодостаточной, что представляет собой признание ценности и уникальности женского взгляда на мир. Среди таких фигур выделяются художники-женщины, чье творчество и образ жизни способствовали продвижению нового типа женственности: Тамара де Лимпицки (1898—1980) — эмигрантка русского происхождения, представительница эпохи арт-деко; мексиканская художница-сюрреалист Фрида Кало (1907—1954), и немецкая художница-дадаист Ханна Хёх (1899-1979). Рассмотрим подробнее творчество Ханны Хёх, одной из первых переосмыслившей роль женщины в искусстве.

Творчество Ханны Хёх относится к такому направлению, как дадаизм, которое возникло в Европе на рубеже XIX и XX веков. Работы Ханны Хёх часто носили политический и социальный подтекст, включая критику гендерных ролей. Ее называют первой феминисткой в искусстве дадаизма, которая использовала в своем творчестве технику коллажа или фотомонтажа, как она ее называла, главной темой ее коллажей было переосмысление роли женщины в обществе, то есть ее искусство уже получает социальный подтекст, становится рупором борьбы за права женщин.

Ханна Хёх была одной из первых художниц, выступивших против восприятия женщины как сексуального объекта — того статуса, который закрепился за женщиной в мировом художественном дискурсе. Работая в технике коллажа, она смешивала образы женщин из журналов и классического искусства с фотографиями примитивных статуэток, намеренно искажала пропорции, создавая карикатурные образы. Новая женщина, по Ханне Хёх, это — независимая, смелая, раскрепощенная личность, не лишенная самоиронии. Этот образ во

многом схож с женскими образами Тамары де Лимпицки, их квинтэссенцией является образ на картине «Дама в зеленом Бугатти», на которой впервые женщина изображена за рулем автомобиля. Это красивая, сильная, уверенная в себе дама, которая становится новой героиней в искусстве начала XX века [19].

Ханна Хёх впервые обращается к работе с текстилем, одной из тенденций актуального искусства XX века, а именно к созданию кукол — чисто женскому способу репрезентации мира. Обращение к рукоделию, работа с текстилем, вышивкой, традиционно считающимися чисто женскими видами творчества, не дотягивающимися до большого искусства, является одним из способов репрезентации женской субъективности в искусстве XX века, фактическим подтверждением чего служат рукотворные работы женщин-художников со всего мира, выполненные с использованием текстиля и рукоделия, которые были представлены на Биеннале 2020 года. Искусствовед Н. Н. Цветкова называет данный тренд актуального искусства «искусством волокна» (fiberart), он заключается в создании объемно-пространственных объектов художественного текстиля, в появлении вязаных картин¹, инсталляций с использованием тканей и веревок [14].

Для мексиканской художницы Фриды Кало творчество стало лекарством от душевных и физических травм, перенесенных ею в течение жизни. Страшная авария, в которую попала Фрида в юности, стала причиной бесплодия и серьезных повреждений позвоночника. Травмы стали источником постоянных болей в спине, от которых она страдала в течение всей жизни. Ее отношения с мужем-художником Диего Ривера также не были простыми. Их страсть друг другу часто перерастала в ярость, отношения были отягощены множеством конфликтов. Таковы основные вехи жизни Фриды Кало, сделавшей свое творчество неким интимным дневником, арт-терапией. Неслучайно, что

¹ Например, вязаные картины Розмари Трокеель.

главным жанром для художницы становится автопортрет, изображающий ее душу в различных состояниях.

Рассмотрим для примера картину Фриды Кало «Две Фриды», которая была создана после расставания с Диего Ривера. На ней изображены две женщины — проекции главной героини, одна из них Фрида в мексиканском платье, которую любил Диего, другая, в европейской одежде — Фрида после расставания с мужем. Обе они соединены кровотокающей артерией — метафорой израненной души самого художника [6, с. 45]. Темы жизни и смерти, исследования своей души, невозможности материнства — ведущие в творчестве Ф. Кало. Фрида Кало так же, как и многие женщины-художники XX века, говорит в своем творчестве о гендерном равенстве, подтверждением чего служит «Автопортрет с отрезанными волосами», на котором Фрида изображала себя в мужском костюме с остриженными волосами, как бы бросая вызов мужчинам-художникам и отрекаясь от женского начала в себе.

На примере творчества Фриды Кало мы можем выделить такую черту женской субъективности в искусстве, как интерес к своему внутреннему миру. Мексиканскую художницу в качестве объекта искусства интересует прежде всего субъективный мир ее чувств и переживаний, а не мир внешний в отличие от большинства мужчин-художников. Для Фриды Кало искусство — это способ жить, способ проживать свои душевные травмы, данный прием будет потом встречаться у других женщин-художников второй половины XX века. «Экспрессионизм, эмоциональность, чувственность» — характерные черты женской картины», — пишут Т. К. Ростовская, А. М. Егорычева, С. Б. Гуляева [11, с. 106].

Начиная с 1970-х годов женщины-художники активно борются за свои права в искусстве, возникает арт-феминизм как художественный феномен. После 1970-х годов в визуальной культуре начинает расшатываться традиционная оппозиция «мужское-женское»,

что культурологически связано со второй волной феминизма.

В 1971 году журнал ArtNews опубликовал эссе «Почему не было великих женщин-художниц?» английского искусствоведа Линды Нохлин, в котором автор исследовала социально-экономические и культурологические причины того, что творчество женщин-художников веками оставалось недооценённым и среди них нет гениев подобно Микеланджело и Леонардо да Винчи. Нохлин считает, что искусство традиционно до XX века было «вотчиной белых мужчин»¹ подобно науке и политике, для женщин до XX века было «институционально невозможно достичь совершенства или успеха в искусстве наравне с мужчинами вне зависимости от масштабов их так называемого таланта или одаренности» в силу социальных ограничений [11, с. 56]. Невозможно не согласиться с автором в данном вопросе, именно благодаря арт-феминизму вторая половина XX века открывает большие возможности для творческой самореализации женщин в искусстве.

Второй важный тезис, который высказывает Линда Нохлин — это тезис о том, что в творчестве женщин-художников нет общих черт так называемой женственности, которая бы их объединяла: «нет обобщающих качеств «женственности», которые объединили бы художниц, равно как и писательниц формально-стилистически», «нет такой тонкой субстанции «женственности», которая связывала бы между собой произведения Артемизии Джентилески, мадам Виже-Лебрен, Анжелики Кауфман, Розы Бонёр, Берты Моризо, Сюзанны Валадон, Кэте Кольвиц, Барбары Хепуорт, Джорджии О'Киф, Софи Тойбер-Арп, Хелен Франкенталер, Бриджит Райли, Ли Бонтеку и Луизы Невельсон, а также Сапфо, Марии Французской, Джейн Остин, Эмили Бронте, Жорж Санд, Джордж Элиот, Вирджинии Вулф, Гертруды Стайн, Анаис Нин, Эмили Дикинсон, Сильвии Плат и Сьюзен Зонтаг. Каждая из этих художниц и писатель-

¹ Эссе Л. Нохлин также рассматривает вопросы расовой дискриминации.

ниц скорее близка другим художникам и писателям своей эпохи и похожего мировоззрения, чем все они — друг другу» [10, с. 67].

Данный тезис является спорным, поскольку мы придерживаемся того мнения, что женский взгляд на мир отличается от взгляда мужского, что проявляется в специфических стилистических чертах, объединяющих женщин-художников. В вопросе о наличии так называемой «женской субъективности» как стилистической черты, характерной для творчества женщин-художников мы разделяем точку зрения искусствоведа Люси Липпард, которая выделила круг особенностей женского творчества: «плотность, однородная текстура, преобладание округлых форм и центральная фокусировка, повсеместно линейные, выпуклые или параболические, самодовлеющие формы, слои и напластования, неуловимая неопределённость исполнения, склонность к розовым, пастельным тонам» [7, с. 163]. В нашем исследовании мы продолжим выделять круг стилистических особенностей, характерных для творчества женщин-художников второй половины XX века, под данными особенностями мы и понимаем женскую субъективность в искусстве, которая, очевидно, отличается от мужской субъективности.

В 2001 Нохлин презентовала на конференции в Принстонском университете книгу, которая включает эссе «Почему не было великих женщин-художниц? Тридцать лет спустя». В рамках этой конференции и в книге историки искусств отметили инновационные работы таких фигур, как Луиза Буржуа, Ева Хесс, Франческа Вудман, Кэрри Мэй Вимс и Мона Хатум. Этот список можно дополнить такими знаковыми женщинами-художниками, как Элис Нил, Марина Абрамович, Йоко Оно. Все эти художники так или иначе поднимали тему арт-феминизма в своем творчестве.

Под арт-феминизмом (или феминистское искусство, англ. *feminist art*) мы понимаем искусство, созданное сознательно в контексте феминистской теории искусства [24, с. 92-93].

Феминистское искусство подчёркивает неравноправие в социальных и политических аспектах, которое женщины испытывают практически ежедневно. В начале семидесятых особенно остро обозначился кризис доверия к культуре модернизма, в которой доминировали мужчины. Арт-феминизм выдвигает протест против эксплуатации женского тела как сексуального объекта и его объективации. К концу 1960-х годов появилось множество работ, созданных женщинами, в которых произошёл отход от традиции изображать женщин исключительно как сексуальный объект, это, например, работы Ханы Хёх, Элис Нил (ее обнаженный автопортрет в преклонном возрасте), работы британской художницы Сары Лукас, работы Джудит Блэк, на которых она изображает свое тело со всеми недостатками.

В 1964 году Йоко Оно провела перформанс *Cut Piece* [17]. Перформанс заключался в том, что художница сидела на сцене, а зрители отрезали куски её одежды, в конце концов обрезав лямки бюстгалтера и оставив её полураздетой. Перформанс раскрыл социальное положение женщины в искусстве и обществе, рассматриваемой как объект. Десять лет спустя сербская художница Марина Абрамович использовала для демонстрации положения женщин в обществе перформанс «Ритм 0» (1974) [16]. Абрамович искала пределы дозволенного с точки зрения зрителей, представляя 72 различных предмета: от перьев и духов до винтовки и пули — для использования на её собственном теле. Инструкции были просты: она — объект, и зрители могут делать с её телом всё, что захотят, в течение следующих шести часов. К концу перформанса зрители становились всё более агрессивными и в какой-то момент мужчина угрожал ей ружьём. Перформанс показал темные стороны человеческой души, склонность к насилию, продемонстрировав женщину-художника как жертву, которая всецело отдает себя зрителю.

Арт-феминизм основан на призыве к гендерному, расовому и социальному равенству. В историческом контексте

1960-е и 1970-е годы стали эпохой, когда женщины обрели новые формы свободы. Всё больше женщин получали работу, была легализована контрацепция, шла борьба за равную оплату труда, гражданские права, Верховный суд США принял решение о законности абортов — эти события нашли отражение в искусстве. Например, работа Джуди Чикаго «Званный ужин» (англ. The Dinner Party, 1974—1979) подчёркивала идею обретенных прав и возможностей путём превращения обеденного стола — символа традиционной женской роли — в равносторонний треугольник.

Итак, не всякое женское искусство является феминистским, но, безусловно, женское искусство отличается от искусства мужчин-художников своей субъективностью, способностью видеть объект по-другому, рассмотрим в качестве примера женской субъективности в искусстве творчество американской художницы Элис Нил (1900-1984), выставка которой состоялась в 2023 году в Париже.

Творчество Элис Нил: «жизнь без прикрас»

Элис Нил не была феминисткой сама, но героинями ее картин были известные феминистки, а также нищие, аутсайдеры, эмигранты. В своем творчестве Элис Нил выступает как поборник социальной справедливости, боровшаяся против социального и гендерного неравенства, возможно, поэтому интерес к ее творчеству актуализировался в настоящее время, когда тема неравенства звучит по-прежнему злободневно [19]. Творчество Элис Нил самобытно не только по своему содержанию, но и по манере: художник работала в фигуративной живописи, а не в абстракции в отличие от магистральной линии искусства XX века, тяготеющего к абстракции.

Элис Нил не боялась показывать людей, которых она рисовала, такими, какими они были на самом деле. Её доминирующим стилем был реализм, в то время как мир искусства был занят поп-

артом и минимализмом. Она рисовала лица соседей, в том числе детей, беременных женщин и мигрантов, повстречавшихся на её пути. Элис считала себя коммунисткой, как и многие другие в юности, желая бросить вызов суровой системе. Поездка в 1926 году на бедную Кубу произвела на нее сильное впечатление, и десять лет спустя она вступила в коммунистическую партию так же, как Фрида Кало. В творчестве Элис Нил много детских портретов со взглядом взрослого человека, много страдающих людей, героев, испытывающих состояния грусти и смятения.

В 1970-х годах быстро набирало силу феминистское движение второй волны. Тогда начали обсуждаться проблемы патриархата, были подвергнуты критическому анализу и рассматривались вопросы, связанные с преобладанием мужчин во власти и другие виды гендерного неравенства. Именно тогда Элис появилась в журнале Time с портретом писательницы-феминистки Кейт Миллетт, что в свою очередь послужило шагом к колоссальному успеху. Она также нарисовала несколько ключевых феминисток этого периода, таких как Синди Немсер, Линду Нохлин и Ирен Песлики.

Элис Нил перенесла много душевных страданий в своей жизни, начиная со смерти её маленькой дочери и заканчивая смертью её матери. После смерти дочери она предприняла несколько попыток суицида. На протяжении всей своей карьеры Элис справлялась со своей душевной болью с помощью искусства так же, как Фрида Кало и многие другие женщины-художники. Так она рисует психиатрическое отделение, где она оправилась от психического расстройства в картине «Тщетность усилий» и этим ее творчество напоминает картины Ван Гога, написанные им в лечебнице для душевнобольных. Следует сказать, что творчество часто становится арт-терапией, лекарством от душевных ран, копинг-стратегий, направленной на преодоление стресса, и сейчас мировое художественное сообщество испытывает большой интерес

к искусству людей, страдающих психическими расстройствами, что получило название «искусство других» и требует отдельного изучения, исследователи отмечают эмоциональную глубину, экспрессивный стиль и интимные темы в творчестве Элис Нил.

Женская субъективность творчества Элис Нил состоит также в том, что она, как и многие женщины-художники, не эстетизирует женское тело. На многих ее портретах изображены женские тела после родов, в момент беременности, в момент кормления грудью ребенка, и это вовсе неприукрашенные женские тела [21]. Художница даже пишет свой автопортрет в обнаженном виде в преклонном возрасте, и это тоже тело без прикрас, она как будто говорит зрителю, что тело прекрасно таким, какое оно есть в любом возрасте, статусе и состоянии.

Творчество Луизы Буржуа как отражение женской субъективности в искусстве

Произведения Луизы Буржуа (1911—2010) глубоко интимны, они связаны с душевными травмами, полученными ею в детстве. «Все мое творчество на протяжении последних 50 лет, сюжеты моих работ — все берет свое начало в моем детстве», — так писала Луиза Буржуа о себе [21, с. 439]. Если говорить о том, что женское искусство может быть личным выражением эмоционального опыта человека, перевод жизни личности на визуальный язык, то творчество Луизы Буржуа, так же как творчество Фриды Кало и Элис Нил в полной мере выражает данный тезис.

Луиза Буржуа работает в жанре современной скульптуры. Все ее скульптуры можно назвать отражением детских комплексов и психоаналитической теории Фрейда. В детстве художница тяжело переживала измены отца, что нашло отражение в ее сюрреалистических скульптурах, в частности в скульптуре «Разрушение отца», которая представляет собой некую пещеру, в которой в

качестве хлеба жарятся куски плоти ее отца, это некий художественный жест против его авторитарности. Образ матери Луиза Буржуа воплотила в серии скульптур, изображающих гигантских пауков. В ее мифологии паук — это мудрое и терпеливое существо с развитым родительским инстинктом.

Серия *Femme Maison* (1945—1947) представляет собой размышления художницы о роли женщины в семье, По словам Буржуа, эти работы пародируют сюрреализм, который представлял женщину как конструкцию. Буржуа можно считать одной из первых активных деятелей феминизма [20].

В 2001—2002 в Эрмитаже прошла выставка работ Буржуа. Выставка «Луиза Буржуа. Структуры бытия: клетки» (25 сен. 2015 — 7 февр. 2016). Образ «клетки» в творчестве Л. Буржуа, по нашему мнению, связан с ощущением некой безвыходности, закупоренного пространства, по сути, каждый из нас создает вокруг себя свою клетку, из которой как бы выглядывает во внешний мир. Луиза Буржуа создает не только скульптуры, но тканевые инсталляции, следуя тенденции к реанимации рукотворных техник и использованию текстиля в женском искусстве («искусство волокна»), о которых мы говорили ранее. Создавая свои тканевые инсталляции, Луиза Буржуа, создавая свои тканевые инсталляции, исследует чувства вины, разлуки и одиночества, которые в ее творчестве становятся особым отражением женского опыта и внутреннего мира женщины. Ею была создана серия текстильных объектов, представляющих образы человеческого тела: «Найденный ребенок» (2001), «Хорошая мать» (2003), «Пара» (2004), «Вместе» (2005). Это скульптуры, сшитые из текстильных материалов. Кропотливое шивание разорванной ткани для художника становится символом врачевания сердца, «тяжелого сглаживания рубцов на вспоротой душе» [19, с. 430].

Исходя из анализа работ Луизы Буржуа, можно сделать вывод, что ее творчество окрашено женской субъективностью, его предмет — это детские

травмы самой художницы, ее также интересует исследование ее внутреннего мира, как Элис Нил и Фриду Кало. Травмы, о которых говорит Буржуа в своем искусстве, резонируют с травмами людей, которые приходят посмотреть на ее работы, поскольку невозможно прожить жизнь и не получить травму, это глубоко личный, интимный взгляд на мир. Иной представляется женская субъективность в творчестве британской художницы Сары Лукас.

Творчество Сары Лукас как размышления на тему телесности и гендера

Ярким примером женской субъективности в актуальном искусстве является творчество британской художницы Сары Лукас, которое генетически связано с движением, называемым «молодые британские художники»¹. Молодые британские художники — это очень разные по своему стилю художники, которых, однако, по мнению искусствоведа Е. В. Игумновой, объединяет «провокация, крайняя степень интимности, доходящая местами до эксгибиционизма». Действительно, работы Сары Лукас посвящены актуальным темам открытости и интимности в отношении женского тела, гендера, смерти и разрушения [1, с. 325]. Ее искусство можно назвать актуальным, поскольку оно обращено к социально значимым темам, и провокационным, поскольку сама художница пытается вызвать такую реакцию у зрителя. В качестве языка репрезентации своих идей художник выбирает инсталляцию, реди-мейды и современную скульптуру. Скульптуры и инсталляции Сары Лукас весьма необычны, часто они состоят из старой мебели, набитых и скрученных колготок, консервных банок, фруктов и овощей, при помощи которых она создает образы «телесного низа»². Используя

такие бросовые материалы, которые кажутся недостойными большого искусства, Сара Лукас продолжает традицию реди-мейдов Марселя Дюшана. Под реди-мейдом мы понимаем прием создания концептуальных произведений искусства, заключающийся в перемещении предметов из нехудожественного пространства в художественное, благодаря чему предмет открывается с неожиданной стороны, о чем мы писали ранее [3; 4]. У Сары Лукас есть серия «мягких» скульптур, составленных в технике реди-мейда, и состоящих из кресел, длинных мягких ног, одетых в капроновых чулки, яичницы-глазуньи, которая превращается в ее творчестве в символ женской груди. Свои работы сама художница называет «обнаженными истинами», они посвящены переосмыслению роли женщины в социуме и полны юмора, местами переходящего в сарказм. В своих инсталляциях Сара Лукас работает с категорией «телесность», переосмысливая роль тела в мировой живописи, ее изображение тела часто предстает в деформированном виде, это даже не тело женщины, а что-то антропоморфное, тем самым она продолжает традиции «Лондонской школы живописи»³, художники которой также работали с категорией «телесность» [1, с. 327].

Вместе с тем, работы Сары Лукас продолжают традиции мировой живописи: такие ее работы, как *The Old In Out* (1988) являются отсылкой к «Фонтану» Марселя Дюшана, а провокационная инсталляция *Two Fried Eggs and Kebab* (1992) интертекстуально связана с «Олимпией» (1863) Эдуарда Мане, которая так же в свое время вызвала скандал в культурном пространстве [15, с. 78]. В то же время Лукас продолжает художественное наследие художников-феминисток, таких как Ханна Уилке, Синди Шерман и Рэйчел Уайтрид.

телесные образы на картинах средневекового художника И. Босха («Сад земных наслаждений»).

³ В «Лондонскую школу живописи» входят такие известные художники, как Ф. Бэкон, Л. Фрейд и др., которые изображают на своих картинах тело с предельной натуралистичностью в противовес абстрактному искусству.

¹ В движение «молодые британские художники» входил знаменитый Д. Херст, прославившийся своими скульптурами животных в формадельгиде (например, «Физическая невозможность смерти в сознании смотрящего»).

² Говоря о «телесном низе», можно вспомнить

На сегодняшний день творчество Сары Лукас высоко оценивается мировым культурным сообществом, ее художественный язык, образы и проблемы, которые она поднимает, находят отклик у многих, подтверждением чего служит тот факт, что ее скульптуры и инсталляции в 2017 году выставлялись в одной из залов со скульптурами Огюста Родена, который считается родоначальником современной скульптуры. Демонстрация произведений актуального искусства в одном пространстве с классикой — является одним из приемов, который используют кураторы выставок современного искусства.

Таким образом, концептуальное творчество Сары Лукас отражает идею женской субъективности в искусстве, многие работы художницы посвящены исследованию взаимоотношений мужчины и женщины и феминизму. Женская субъективность Сары Лукас связана с иронией, по поводу дихотомии «мужское-женское», в ее творчестве нет места женственности и мягкости.

Заключение

Быть творцом может как женщина, так и мужчина, при этом все же каждый из них будет видеть свою субъективность, то есть выделять в мире то, что ему кажется важным, и это «важное» для мужчины-художника и женщины-художника различаться, даже, если они творят в рамках одного художественного стиля или направления. Феминистическое движение как общественный феномен и арт-феминизм как его следствие способствовали росту интереса к женскому искусству, к уравниванию в правах в мире искусства мужчин и женщин. Искусство второй половины XX века расшатывает традиционную дихотомию «мужское-женское», женщины-художники в своем творчестве активно борются за свои права и гендерное равенство. Однако не все женское искусство связано с феминизмом как общественным явлением, но все оно пронизано женской субъективностью, женским сознанием. Творчество жен-

щин-художников зачастую посвящено исследованию собственного внутреннего мира, взаимоотношению полов, детско-родительским отношениям, часто оно очень личное.

Итак, рассмотрев особенности женской субъективности в искусстве второй половины XX века, можно сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, женщины-художницы активно используют традиционно женские рукодельные техники, такие как «искусство волокна», для создания своих произведений. Это позволяет им соединять искусство с традициями и ремеслом, придавая работам уникальный и интимный характер.

Во-вторых, произведения женщин-художниц часто отражают их внутренний мир, чувства и переживания. Искусство для них становится своего рода арт-терапией, средством преодоления личных травм и выражения своих эмоций.

Третья черта заключается в более глубокой эмпатии к своим моделям и их ментальному состоянию. Женщины-художницы более склонны понимать и передавать внутренний мир своих персонажей, чем их мужские коллеги.

Четвертое, отношение к телу в работах женщин-художниц отличается от традиционных канонов эстетизации. Они изображают тело таким, какое оно есть, без попыток идеализировать или соответствовать нормативам красоты, часто прибегая к иронии и критическому переосмыслению.

Пятое, творчество женщин-художниц становится инструментом борьбы за права женщин и за гендерное и расовое равноправие. Они используют искусство как платформу для выражения своих социальных и политических позиций.

Таким образом, творчество женщин-художниц второй половины XX века представляет собой интимный дневник и духовную автобиографию. Оно фокусируется на внутреннем мире, эмпатии и естественности телесных изображений, и одновременно служит мощным инструментом социального активиз-

ма. В современном мире, особенно в постпандемийный период, наблюдается возросший интерес к женской субъективности в искусстве. Это может быть связано с общим стремлением к более глубокому пониманию и эмпатии, а также с необходимостью более инклюзивного и равноправного общества.

1. Вошинчук, А. И. Трактовка дефиниций «тело» и «телесность» в психоанализе и искусстве (на примере Лондонской школы живописи) / А. И. Вошинчук // Национальные культуры в межкультурной коммуникации (Новая парадигма охраны культурного и природного наследия) : Сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции, Минск, 11—12 апреля 2019 года / Редколлегия: Т. С. Супранкова [и др.]. — Минск : Колорград, 2019. — С. 322—327. — EDN IVWSSR.

2. Графова, О. И. Дневник Фриды Кало в аспекте интермедальности / О. И. Графова, Е. В. Погадаева // Евразийский гуманитарный журнал. — 2021. — № 3. — С. 72-81. — EDN UIOITN.

3. Дядык, Н. Г. Искусство второй половины XX — начала XXI веков как визуальная философия / Н. Г. Дядык // Социум и власть. — 2021. — № 2(88). — С. 95-106. — DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-95-106. — EDN NISORG.

4. Дядык, Н. Г. Концептуальное искусство как способ философствования: живопись вместо философии / Н. Г. Дядык // Социум и власть. — 2020. — № 1(81). — С. 104—115. — DOI 10.22394/1996-0522-2020-1-104-115. — EDN AAYLYB.

5. Игумнова, Е. В. Художники Young British artists и опыт инсталляции / Е. В. Игумнова // Искусство Евразии. — 2018. — № 2 (9). — С. 113-123. — DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2018.02.010. — EDN USITWM.

6. Котляр, Е. Р. Фрида Кало. Сюрреализм глазами сильной женщины / Е. Р. Котляр, Д. В. Салата // Гуманитарная парадигма. — 2017. — № 3. —

С. 44—49. — EDN YMEIVK.

7. Липпард, Л. Спарринг-обмен: Вклад феминизма в искусство 1970-х гг. / Л. Липпард // Гендерная теория и искусство: антология: 1970-2000 — М. : Институт социальной и гендерной политики : РОССПЭН, 2005. — С. 162—74.

8. Лю, Л. Феминистское искусство на примере женского искусства в Китае в 1990-е годы. / Л. Лю — М. : Научный аспект. — 2023. — Т. 2, № 2. — С. 159—167.

9. Нере, Ж. Лемпицка / Ж. Нере. — М. : Арт-Родник. — 2006. — 80 с.

10. Нохлин Л. Почему не было великих художниц? / Л. Нохлин // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970—2000 — М. : Российская политическая энциклопедия»= (РОССПЭН), 2005. — 96 с.

11. Ростовская, Т. К. Экспансия в визуальном искусстве женских художественных инициатив, связанных с феминизмом и гендерными исследованиями / Т. К. Ростовская, А. М. Егорычев, С. Б. Гуляев // Женщина в российском обществе. — 2020. — № 4. — С. 99—108. — DOI 10.21064/WinRS.2020.4.8. — EDN BVVOK.

12. Симанова, В. М. Женщины-художницы в изобразительном искусстве: Артемизия Джентилески, Берта Моризо, Наталья Гончарова / В. М. Симанова, Н. Я. Шкандрий // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. — 2021. — № 4. — С. 133—138. — EDN ILRLFY.

13. Танюшина, А. А. Немецкий дада-фотомонтаж как искусство «реального»: на пути к «новому реализму» / А. А. Танюшина // Культура и искусство. — 2020. — № 6. — С. 47—59. — DOI 10.7256/2454-0625.2020.6.31742. — EDN EPZCUO.

14. Цветкова, Н. Н. Волокно в искусстве и искусство волокна в творчестве художников XX—XXI вв / Н. Н. Цветкова // Месмахеровские чтения — 2023 : Сборник научных статей международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21—22 марта 2023 года. — Санкт-Петербург: Феде-

ральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица», 2023. — С. 190—194. — DOI 10.54874/9785604936375_190. — EDN BTFLZK.

15. Эдуард Мане. Жизнь, письма, воспоминания, критика современников / сост., вступ. ст. и коммент. В.Н. Прокофьева; пер. с франц. Т. М. Пахомовой. М.: Искусство, 1965. — 364 с.

16. Abramović, M. Marina Abramović: Artist Body : Performances 1969-1998 / Abramović M., Abramović V. — 1998. — Charta. — 475 p.

17. Battersby, C. Gender and Genius: Towards a Feminist Aesthetic / C. Battersby. — Indiana UP : Bloomington. — 1989. — 192 p. — DOI 10.5040/9781350926790.

18. Bryan-Wilson, J. Remembering Yoko Ono's Cut Piece / J. Bryan-Wilson // Oxford Art Journal. — 2003. — Vol. 26. — P. 99-123. DOI <https://doi.org/10.1093/oxartj/26.1.99>

19. Brand Peggy, Z. Feminism and tradition in aesthetics / Z. Brand Peggy, C. Korsmeyer. — University Park, Pa. : Pennsylvania State University Press. — 1995. — 504 p.

20. Carr, C. Alice Neel's women. Mirror of identity / C. Carr. — New York : Rizzoli. — 2002. — 160 p.

21. Claridge, Laura P. Tamara de Lempicka: A Life of Deco and Decadence / Laura P. Claridge. — Clarkson Potter. — 1999. — 377 p.

22. Giorgini, M. Women in Art: Presences, Traditional Narration, and Historiographic Problems. The Reception of Italian and Slavic Female Artists in Italy and Abroad / M. Giorgini, A. M. Panzera // Actual Problems of Theory and History of Art. — 2022. — Vol. 12. — P. 438-449. — DOI 10.18688/aa2212-05-33. — EDN DSILGT.

23. Hills, P. Alice Neel / P. Hills. — Harry N. Abrams; Reprint Edition. — 1983. — 208 p.

24. Kramarae, C. Routledge International Encyclopedia of Women: Glob-

al Women's Issues and Knowledge / C. Kramarae, D. Spender. — Routledge. — 2000. — 2050 p.

References

1. Voshhinchuk A. I. (2019) Traktovka definicij "telo" i "telesnost" v psihoanalize i iskusstve (na primere Londonskoj shkoly zhivopisi) [Interpretation of the definitions of "body" and "corporality" in psychoanalysis and art (on the example of the London School of Painting)] *Nacional'nye kul'tury v mezhkul'turnoj kommunikacii (Novaja paradigma ohrany kul'turnogo i prirodnoho nasledija) : Sbornik nauchnyh statej po materialam IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Minsk, 11—12 aprelya 2019 goda.* pp. 322-327. [in Rus].

2. Grafova O. I. (2021) Dnevnik Fridy Kalo v aspekte intermedial'nosti [Frida Kahlo's diary in the aspect of intermediality]. *Evrasijskij gumanitarnyj zhurnal*, no. 3, pp. 72-81 [in Rus].

3. Djadyk N. G. (2021) Iskusstvo vtoroj poloviny XX — nachala XXI vekov kak vizual'naja filosofija [Art of the second half of the XX — early XXI centuries as visual philosophy]. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 2(88), pp. 95-106. DOI <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-1-95-106> [in Rus].

4. Djadyk N. G. (2020) Konceptual'noe iskusstvo kak sposob filosofstvovanija: zhivopis' vmesto filosofii [Conceptual art as a way of philosophizing: painting instead of philosophy]. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 1(81), pp. 104-115. DOI <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-1-104-115> [in Rus].

5. Igumnova E. V. (2018) Hudozhniki Young British artists i opyt installjacii [Artists Young British artists and installation experience]. *Iskusstvo Evrazii*, no. 2(9), pp. 113-123 [in Rus].

6. Kotljar E. R. (2017) Frida Kalo. Sjur-realizm glazami sil'noj zhenshhiny [Frida Kahlo. Surrealism through the eyes of a strong woman]. *Gumanitarnaja paradigma*, no. 3, pp. 44-49 [in Rus].

7. Lippard L. (2005) Sparring-obmen: Vklad feminizma v iskusstvo 1970-h gg. [Sparring Exchange: Feminism's Contribu-

tion to the Arts of the 1970s.]. *Gendernaja teorija i iskusstvo: antologija: 1970-2000*. Moscow, Institut social'noj i gendernoj politiki: ROSSPJeN, pp. 162-174 [in Rus].

8. Lju L. (2023) Feministskoe iskusstvo na primere zhenskogo iskusstva v Kitae v 1990-e gody. [Feminist art: the example of women's art in China in the 1990s]. Moscow, Nauchnyj aspekt, P. 2, no. 2, pp. 159-167 [in Rus].

9. Nere Zh. (2006) Lempicka [Lempicka]. Moscow, Art-Rodnik, 80 p. [in Rus].

10. Nohlin L. (2005) Pochemu ne bylo velikih hudozhnic? [Why were there no great women artists?]. *Gendernaja teorija i iskusstvo. Antologija: 1970-2000*. Moscow, «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 96 p. [in Rus].

11. Rostovskaja T. K. (2020) Jekspanzija v vizual'nom iskusstve zhenskih hudozhestvennyh iniciativ, svjazannyh s feminizmom i gendernymi issledovanijami [Expansion in the visual arts of women's artistic initiatives related to feminism and gender studies]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, no. 4, pp. 99-108. DOI <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.8> [in Rus].

12. Simanova V. M. (2021) Zhenshhiny-hudozhnicy v izobrazitel'nom iskusstve: Artemizija Dzhentileski, Berta Morizo, Natal'ja Goncharova [Women artists in the fine arts: Artemisia Gentileschi, Berthe Morisot, Natalya Goncharova]. *Vestnik molodyh uchenyh Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tehnologii i dizajna*, no. 4, pp. 133-138 [in Rus].

13. Tanjushina A. A. (2020) Nemeckij dada-fotomontazh kak iskusstvo "real'nogo": na puti k "novomu realizmu" [German dada photomontage as the art of the "real": on the way to "new realism"]. *Kul'tura i iskusstvo*, no. 6, pp. 47-59. DOI <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2020.6.31742> [in Rus].

14. Cvetkova N. N. (2023) Volokno v iskusstve i iskusstvo volokna v tvorchestve hudozhnikov XX-XXI vv. [Fiber in art and the art of fiber in the work of artists of the 20th-21st centuries]. *Mesmaherovs-*

kie chtenija — 2023 : Sbornik nauchnyh statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 21—22 marta 2023 goda. Saint Petersburg, Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Sankt-Peterburgskaja gosudarstvennaja hudozhestvenno-promyshlennaja akademija imeni A.L. Shtiglitsa», pp. 190-194 [in Rus].

15. Eduard Mane. Zhizn'. Vospomnaniya. Kritika sovremennikov (1965) [Life. Memories. Criticism of contemporaries]. Moscow, Iskusstvo, 364 p. [in Rus].

16. Abramović, M. (1998) Marina Abramović: Artist Body : Performances 1969-1998, Charta, 475 p. [in Eng].

17. Battersby C. (1989) Gender and Genius: Towards a Feminist Aesthetic. Indiana UP, Bloomington, 192 p. DOI <https://doi.org/10.5040/9781350926790> [in Eng].

18. Bryan-Wilson, J. (2003) Remembering Yoko Ono's Cut Piece. *Oxford Art Journal*. vol. 26. pp. 99-123. DOI <https://doi.org/10.1093/oxartj/26.1.99> [in Eng].

19. Brand Peggy, Z. (1995) Feminism and tradition in aesthetics. University Park, Pa., Pennsylvania State University Press, 504 p. [in Eng].

20. Carr C. (2002) Alice Neel's women. Mirror of identity. New York, Rizzoli, 160 p. [in Eng].

21. Claridge Laura P. (1999) Tamara de Lempicka: A Life of Deco and Decadence. Clarkson Potter, 377 p. [in Eng].

22. Giorgini M. (2022) Women in Art: Presences, Traditional Narration, and Historiographic Problems. The Reception of Italian and Slavic Female Artists in Italy and Abroad. *Actual Problems of Theory and History of Art*, vol. 12, pp. 438-449. DOI <https://doi.org/10.18688/aa2212-05-33> [in Eng].

23. Hills P. (1983) Alice Neel / Abrams; Reprint Edition, 208 p. [in Eng].

24. Kramarae, C. (2000) Routledge International Encyclopedia of Women: Global Women's Issues and Knowledge / Routledge., 2050 p. [in Eng].

For citing: Dyadyk, N. G. (2024)
Female subjectivity and feminist practices
in visual art of the second half
of the twentieth century.
Sotsium i vlast/Society and Power,
no. 2 (100), pp. 62—75.
DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-62-75 (in Russ).

UDC 7.011

EDN LZXXCA

DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-62-75

FEMALE SUBJECTIVITY AND FEMINIST PRACTICES IN VISUAL ART OF THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Natalya G. Dyadyk,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand.Sc. (Philosophy).
Chelyabinsk, Russia.
ORCID: 0000-0002-9256-3438
E-mail: djadykng@cspu.ru

Abstract

Introduction. The problem of the “female issue in art” is one of the most pressing today. “Gender art” or “female art” is one of the trends in modern art exhibitions. Thanks to art feminism, today women artists can fully demonstrate their talent, which arouses great interest in their work from the world art community.

The purpose of the article is to identify specific stylistic features characteristic of “female subjectivity” and feminist practices in the art of the second half of the twentieth century.

Methods: we used general scientific methods of analysis and synthesis, the phenomenological method, since we identify the existential intentions that underlie modern art. We also use

the hermeneutic method as we uncover hidden meanings in the works of women artists.

The scientific novelty lies in the fact that we identify and describe specific stylistic features characteristic of the work of women artists of the second half of the twentieth century, which has not been done before.

Results. We conducted a philosophical and cultural analysis of the works of women artists: Berthe Morisot, Hannah Höch, Frida Kahlo, Alice Neel, Louise Bourgeois, Sarah Lucas, and identified common features characteristic of their work. We also conducted a philosophical and cultural analysis of art feminism as a phenomenon.

Conclusions. Among the stylistic features that unite the work of women artists of the second half of the twentieth century, we have identified the following: appeal to purely female handicraft techniques (“fiber art”); the subject of art is the inner world of the artist’s own feelings and experiences; art is often considered as a kind of art therapy, a way to survive the traumas suffered; a female artist has more empathy for the model and her mental state than male artists; women artists are characterized by a rethinking of the attitude towards the body, an image of the body as unaestheticized, non-normative, unadorned, irony towards the body; for women artists, art often becomes a way to fight for their rights, gender and racial equality.

Keywords:

art feminism,
female subjectivity,
gender art,
“fiber art”
ready-made

Received: 12/12/2023

Accepted: 02/15/2024

Published: 06/30/2024

Copyright: © Dyadyk N. G. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPА.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

Для цитирования: Нижников, С. А. Этические взгляды Л. Д. Троцкого: проблема насилия / С. А. Нижников, Р. А. Шафиков // Социум и власть. — 2024. — № 2 (100). — С. 76—90. — DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-76-90. — EDN KDIKTW.

УДК 17.03; 32

EDN KDIKTW

DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-76-90

ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л. Д. ТРОЦКОГО: ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ¹

Нижников Сергей Анатольевич,
Российский университет дружбы народов
им. П. Лумумбы (РУДН),
профессор кафедры истории философии,
доктор философских наук, профессор.
Москва, Россия.
ORCID: 0000-0002-3456-2445
E-mail: nizhnikov_sa@pfur.ru

Шафиков Родион Анатольевич,
Российский университет дружбы народов
им. П. Лумумбы (РУДН),
бакалавр философии.
Москва, Россия.
ORCID: 0009-0004-4756-9170
E-mail: 1032201157@pfur.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируется проблема обоснования морали в революционной деятельности на примере статей Л. Д. Троцкого. Актуальность статьи связана с рассмотрением в ней этических идей, во многом общих для марксистской и вообще лево-радикальной философии. Кроме того, рассматриваемые нами работы Л. Д. Троцкого, по политическим причинам, вошли в свободный научный оборот сравнительно недавно, к настоящему моменту не получив достаточного объема разносторонних академических комментариев, прежде всего философских.

Цель исследования — проанализировать позицию Л. Д. Троцкого относительно использования насилия как средства

достижения политических целей, выявить основные аргументы и принципы, лежащие в основе его подхода к этой проблеме, а также оценить его влияние на политическую мысль и практику. В результате анализа авторы стремятся представить читателям более глубокое понимание проблемных этических аспектов использования насилия в политике через призму идей и взглядов Льва Троцкого.

Методы. В исследовании применялись исторический и герменевтический методы. Первый позволяет исследовать контекст времени, в котором развивались этические взгляды Л. Д. Троцкого, а второй — выявить в его текстах основные принципы и идеи, характерные для революционного радикализма. Кроме того, использовались общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение и обобщение, позволяющие упорядочить материал, выявить закономерности и сделать выводы на основе сравнения этических взглядов Л. Д. Троцкого с различными этическими системами, выделяя в этих взглядах их сильные и слабые стороны.

Научная новизна исследования. Авторы акцентируют внимание на проблемности обоснования морали в статьях Л. Д. Троцкого, прежде всего, таких как «Терроризм и коммунизм» (1920) и «Их мораль и наша» (1938, написанной в изгнании). При этом анализируются западные исследования по данной теме, а также полемика, развернувшаяся у Троцкого с Бертраном Расселом. Отмечается, в опоре на высказывания Ф. М. Достоевского, что построение справедливого общества невозможно при помощи аморальных средств, так как цель способна трансформироваться в зависимости от методов ее достижения. Вскрывается проблемность понятия совести и возможные варианты ее неадекватного толкования: (1) когда происходит подмена ею морально-метафизического идеала (И. Кант, Л. Толстой), или (2) она вовсе объявляется «химерой», отождествляясь с эгоистическими устремлениями, необходимостью захвата и удержания власти, прикрывающимися какими-либо идеалами. Указывается, что

¹ Публикация выполнена в рамках инициативного проекта НИР ФГСН РУДН № 100343-0-000. «Русская философия на перекрестке культур: в поисках диалога».

вторая позиция характерна для Л. Троцкого, пытавшегося «морально» оправдать тотальное революционное насилие.

Результаты. Авторы приходят к выводу, что позиция Троцкого представляет по своей сути крайне утилитаристский и революционный вариант макиавеллизма, когда в угоду якобы благой цели оказывается возможным осуществлять массовые репрессии, приносить в жертву не только человека, но и целые народы. Оказалось, что заклятые политические противники, Сталин и Троцкий, схожим образом оценивали роль насилия в политике. Вместе с тем запущенный маховик насилия не остановить так просто, погубил он и самого Троцкого. Тем не менее то, что Троцкий обратился к данной теме, говорит о важности решения моральных проблем, связанных с революционной практикой.

Ключевые слова:

Л. Д. Троцкий,
Б. Рассел,
мораль и политика,
нигилизм,
революционная деятельность,
марксизм,
большевизм,
совесть,
этика

Поступила: 14.03.2024

Принята: 28.05.2024

Дата печати: 30.06.2024

*Права: © Нижников С. А.,
Шафиков Р. А. (2024).*

*Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.*

Введение

Начиная уже с политической философии античности, вопросы этики и политики оказываются тесно переплетенными между собой. Этический вопрос — всегда вопрос философский. В то же время не все политики по-настоящему являются философами. Но нет ни одного действительно масштабного политического мыслителя и теоретика, который в своих работах не поднимался бы на философский уровень. Безусловно, одной из значимых величин политической мысли и философии левого политического спектра в истории XX века является Лев Давидович Троцкий (1879—1940), о котором давно замечено, что идеи его имели судьбу куда менее трагичную, чем их автор.

Работы Троцкого еще долго будут перечитываться, осмысляться, критиковаться и исследоваться. Мы сейчас остановимся на одном частном пункте его политического наследия — на этическом осмыслении насилия. По нашему мнению, главный вклад Троцкого в историю марксистской философии связан как раз с ее практическими вопросами. Речь идет о вопросах моральной оценки в рамках марксизма политического действия и политического насилия. Закономерно, что именно эта тематика особенно последовательно, на протяжении многих лет занимала интеллектуальное внимание Троцкого, ставшего одним из ключевых деятелей Красной армии, на которого справедливо возлагается ответственность за многие события Гражданской войны. Мы остановимся на двух трудах Троцкого, специально разрабатывающих выше-названные проблемы: на написанной в годы гражданской войны брошюре «Терроризм и коммунизм» (1920) [14] и на поздней статье «Их мораль и наша» (1938) [12] написанной в изгнании. Кроме того, мы обратимся по данной тематике к материалам публичной дискуссии, имевшей место между Львом Троцким и британским философом Бертраном Расселом.

Образы Троцкого в культуре

Запад знает Троцкого довольно давно, что позволяет американскому философу Ричарду Рорти соглашаться с расхожей характеристикой культуры Нью-Йорка 1930—1940-х годов как «троцкистско-элиотской» [9, с. 114]. Работы Троцкого по этике получали внимание и ответы, местами критические, местами комплиментарные, таких известных философов, как американский прагматист Джон Дьюи [3] и французский экзистенциалист Жан-Поль Сартр [10]. Восприятие трудов и деятельности русского революционера и критика сталинского режима за рубежом были достаточно специфичны. Его фигура нередко интерпретировалась как некая упущенная возможность политического развития Советского государства. Именно так в годы Перестройки оценивал личность Троцкого советолог Ричард Дэй [18, р. 167—170]. В этом плане он следует традиции, сформированной западными последователями и симпатизантами Троцкого, в значительной мере определявшими тон в политических дискуссиях по истории русских революций. Красноречиво на это указывает название крупной работы соратника Троцкого Э. Менделя «Троцкий как альтернатива» [20]. Исаак Дойчер, написавший трехтомную работу о жизни Троцкого [17], ставшую его классической биографией, также являлся американским «троцкистом». Западные исследователи нередко рассматривают данную фигуру в одном ряду с левыми интеллектуалами и неомарксистами Запада, такими как Антонио Грамши [22] и Вальтер Беньямин [23]. Даже если Троцкий противопоставляется в той или иной мере подобным мыслителям и в целом европейскому неомарксистскому движению, само существование подобных работ весьма красноречиво свидетельствует о глубоком влиянии его идей на современную политическую и философскую мысль.

В России мы видим совершенно другую ситуацию. Какой бы важной фигурой ни был Троцкий для истории СССР,

десятилетия вычеркивания его имени из истории сделали свое дело. Возвращение внимания исследователей к работам революционера и марксистского теоретика произошло, но их еще только ожидает полноценное включение в отечественный исторический и историко-философский дискурс. Можно сказать о том, что свой собственный образ Троцкого в России все еще не был создан. Очевидно, что таковой должен быть свободен как от теней, брошенных на фигуру революционера сталинской и послесталинской пропагандой, так и от его идеализаций зарубежными левыми интеллектуалами.

Современный философ-неомарксист Славой Жижек в своем предисловии к англоязычному изданию «Терроризм и коммунизм» пишет о трех существующих в культуре образах Троцкого, а именно это: 1) «обуржуазненный образ... антибюрократического Троцкого, либертарного критика сталинского термидора, сторонника рабочего самоуправления, сторонника психоанализа и современного искусства, друга сюрреалистов, и прочее» [24, р. VII]; 2) образ «Троцкого как “Агасфера”, “демона перманентной революции”, не способного найти покой в деле (вос)создания нового постреволюционного порядка» [24, р. VIII]; 3) образ «Троцкого как предшественника Сталина. Троцкого, который уже в 1920 году призывал к однопартийной диктатуре, милитаризации труда и так далее» [24, р. VIII]. Показательно, как все эти образы Жижек подвергает критике с тем, чтобы обратить внимание на диалектичность, сложность фигуры настоящего Троцкого, стоявшего за ними.

Действительно, взгляды и идеи Троцкого, как взгляды и идеи любого крупного марксиста — есть подозрение, что Троцкий и завершает плеяду настоящих величин этого направления — требуют определенной способности к диалектическому мышлению, никогда не застывающему на простых формулах и догмах. Не даром сам Троцкий многократно упрекал своих сталинских критиков в том, что они подменя-

ют подлинную диалектику эклектикой. Диалектически мыслитель видит и взаимозависимость целей и средств в политике. Он описывает это так: «Средство может быть оправданно только целью. Но ведь и цель, в свою очередь, должна быть оправдана. С точки зрения марксизма, который отражает исторические интересы пролетариата, цель оправдана, если она ведет к повышению власти человека над природой и к уничтожению власти человека над человеком» [12, с. 292].

В этой связи мнение Г. И. Чернявского, биографа Троцкого, о том, что для последнего «цели и средства не связаны нераздельно друг с другом» [16, с. 275], кажется не вполне справедливым. Скорее прав другой, зарубежный биограф, И. Дойчер, так описывавший этические положения Троцкого: «Моральные принципы запечатлены в истории и классовой борьбе и не имеют постоянной сути. Они отражают общественный опыт и потребности; а посему всегда должны соотносить средства с целью» [17, р. 1368]. Сам же Троцкий поясняет в выше процитированной работе: «Позволено все то, отметим мы, что **действительно** (выделение Троцкого — *Р. Ш.*) ведет к освобождению человечества. Так как достигнуть этой цели можно только революционным путем, то освободительная мораль пролетариата имеет, по необходимости, революционный характер» [12, с. 292]. Выделяя свое «действительно», здесь и далее Троцкий говорит о важности выбора методов, о необходимости помнить о том, что помогает, а что вредит большинству людей. Избирая средства для благой цели, нельзя допустить, чтобы в своей произвольности эти средства повредили самой цели. По этому поводу Троцкий оставляет такую ремарку: «Эти критерии не дают, разумеется, готового ответа на вопрос, что позволено и что недопустимо в каждом отдельном случае. Таких автоматических ответов и не может быть. Вопросы революционной морали сливаются с вопросами революционной стратегии и тактики» [12, с. 293].

Остроумно замечание Г. И. Чернявского о том, что после публичной полемики о насилии Троцкого с К. Каутским, у чьей книги «Терроризм и коммунизм» Троцкий и взял название для своей одноименной брошюры, многие западные левые отвернулись от большевизма, «так что, оправдывая и превознося большевистский террор в России, Троцкий сослужил не лучшую службу делу международного коммунизма» [16, с. 275]. Эпатирование Троцким западного читателя дошло до того, что, по справедливой оценке, Б. Кней-Паца, на пути оправдания насилия «он делал из необходимости добродетель» [19, р. 248]. Пожалуй, это действительно тактически не верный ход автора этики, завязанной на тактических выгодах классовой борьбы. Из самого же подобного тактического, стратегического взгляда на мораль у Троцкого, во времена «Терроризма и коммунизма» еще говорившего от лица компартии в целом, возникает мнение, что целью большевиков был лишь захват власти любыми путями и средствами. Мы, однако, предположили бы, что такие фанатичные фигуры, как лидеры «старых» большевиков, были в своих убеждениях и идеалах достаточно искренни. Об этом свидетельствует, к примеру, Бертран Рассел, в книге «Практика и теория большевизма» (1921) описавший свой визит в советскую Россию в 1920 году и свою состоявшуюся в Москве часовую аудиенцию с Лениным: «[Ленин] совершенно лишен какого-либо своекорыстия, он олицетворение теории. Чувствуется, что материалистическое понимание истории вошло в его плоть и кровь» [7, с. 21]. И далее: «Его сила коренится, я думаю, в его честности, мужестве и непоколебимой вере — религиозной вере в евангелие от Маркса, которое занимает то же место, что и вера христианских мучеников в царствие небесное, но отличается меньшим эгоцентризмом» [7, с. 24]. Бертран Рассел написал в своей книге и абзац о Троцком, в котором заметил тщеславие «актера или художника», которое показалось английскому философу большим, чем жажда власти,

однако Рассел добавил: «Но мне не представилось случая испытать силу его [Троцкого] коммунистической убежденности, которая, возможно, очень искренна и глубока» [7, с. 25].

Троцкий, несомненно, производил сильное впечатление на зарубежных авторов и журналистов. Трижды попадая на обложку журнала «Time», уже после изгнания неоднократно выступая перед западной публикой, он, будучи талантливым политиком, смог создать себе определенный публичный имидж. Следы этой игры политика с аудиторией, ее эпатажа и пафоса обнаруживают себя и в его исторических, и в теоретических работах. Не представляется, чтобы Троцкий был в этом неискренен. Во многом он органично слился своей личностью с теми идеями, которые постулировал и транслировал в ходе политической борьбы. Как политик эпохи модерна, Троцкий был ярким носителем своего метанарратива, своих коммунистических вер с самой горячей в них убежденностью.

Полемика с Берtrandом Расселом

Отдельным примечательным эпизодом из литературного и теоретического творчества Льва Троцкого может быть его полемика с британским философом Берtrandом Расселом в 1925—1926 гг. Начавшаяся вокруг тактических вопросов стратегии английского рабочего движения, эта полемика напрямую оказалась связанной и с этической проблемой насилия. И хотя политическая звезда Троцкого в СССР уже клонилась к закату, мысли революционера, с которыми была связана эта история, получили большое международное внимание.

Все началось с публикации Троцким в 1925 г. работы «Куда идет Англия?» [13]. Эпизодическая в библиографии автора, эта книга вызвала широкий международный резонанс, практически сразу будучи издана на английском языке. В этой работе Троцкий констатировал — как считается, одним из пер-

вых — экономическое и политическое возвышение США и потерю Британской империей ее бывшего первенства и величия. Кроме того, резкой и жесткой критике Троцкий подвигает лидеров английского рабочего движения. В них больше всего его возмущают их пацифистские и примиренческие настроения, их нежелание бороться за социализм революционным путем. Помимо простого упования на достижения социализма через участие в парламентском выборном процессе, Троцкий выделяет отдельные специфические идеи английских левых, вроде мыслей о возможности сохранить монархию при построении социалистического строя, или мнения, что общественное положение англиканской церкви не вступило бы в противоречие с этим предполагаемым социалистическим строительством. Троцкий указывает на невозможность разрешения сложившихся в Англии противоречий мирным, парламентским путем и говорит о пути революционном как о единственном приемлемом в данной ситуации.

Публикация данной работы, как было сказано, вызвала широкий ажиотаж в странах Запада. Труд Троцкого получил множество ответов, в том числе ответов критических. Среди них был и ответ философа Бертранда Рассела, в первые годы после Октябрьской революции значительно заинтересованного социалистическим экспериментом, хотя поездка в Советскую Россию в 1920 году и вызвала в нем по большей части разочарование.

Тем не менее Рассел все еще следит за событиями в международной политике большевиков, и после выхода работы Троцкого пишет на нее свой ответ. Эта статья, называющаяся «Троцкий о наших грехах» [8], была замечена русским революционером. Когда в 1926 году он подготовил второй выпуск работы об Англии, включавший ответы критикам, ответ Расселу, озаглавленный как «Еще раз о пацифизме», тоже там содержался [11]. Кроме того, сама статья Рассела была опубликована в переводе на русский язык в приложениях книги.

Из всех критиков Рассел более других высказывает согласие с Троцким по отдельным вопросам. Он отмечает за Троцким высокую осведомленность во внутриполитических делах Англии, по большей части присоединяется к его замечаниям о наивности солидаристских настроений в кругах английских социалистов. В то же время тем самым он делает небольшое отступление лишь для собственных критических выпадов.

Рассел упрекает Троцкого в непоследовательности. По его мнению, верно отметив снижающуюся экономическую и политическую роль Англии в мире, революционер забывает об этом, когда желает и советует островному государству встать на путь революционного переустройства. По мнению Рассела, эта затея обречена на провал и может сулить Англии и ее народу, в том числе и рабочему классу, лишь большие беды. Рассел обращает внимание на невозможность для предполагаемой социалистической Англии своими силами противостоять США, которые с большой вероятностью отправят свой флот на подавление очага революции. СССР же, по замечанию философа, при таком раскладе едва ли сможет всерьез помочь английским революционным рабочим своими силами, за неимением ко времени полемики своего боееспособного флота. Искреннее же сочувствие советского правительства, по мнению Рассела, едва ли может всерьез помочь пролетариату Англии перед лицом американской угрозы.

Как следует из названия ответа Троцкого на критику Рассела, значительная часть его текста была обращена к проблематике пацифизма. Троцкий иронизирует над тем, что «пацифист Рассел считает невозможным приступить к перевороту в Англии, до тех пор, пока Соединенные Штаты сохраняют могущественный флот» [11, с. 53]. Здесь Троцкий создает «соломенное чучело». Биограф Рассела Рэй Монк указывает на то, что Троцкий допускает тут ошибку, считая взгляды британского философа пацифистскими [5, с. 90]. Троцкий, од-

нако, предпочел напомнить Расселу о флоте английском, нежели разбираться всерьез в его взглядах. По мнению марксистского теоретика, ключевым окажется вопрос, в чьих руках будет этот флот при революционном сценарии. Если им смогут завладеть английские рабочие, пишет он, то им будет что противопоставить американской угрозе. Если же контроль над флотом сохраняют капиталистические, империалистские силы, то вовсе не от Америки будет прежде всего исходить угроза для пролетарской революции в Англии [11, с. 53—54]. Отдельный интерес для исследователя могут представлять скрупулезно описанные подробности того, как именно марксисты, по мнению Троцкого, должны вести агитационную работу в среде моряков: в этой растянутой части ощущается живой и свежий организаторский и пропагандистский опыт революционера.

Имело место и другое полемическое столкновение Рассела и Троцкого в этом эпизоде. Указывая на губительность революционного пути для Англии, Рассел предполагает в Троцком не самого благонадежного советчика: «Троцкий ненавидит Англию и английский империализм — правда, не без основания, — поэтому ему не следует доверять, когда он подает советы» [8, с. 74]. По мнению философа, бедствия, которые должны будут последовать для Британии вслед за революцией, окажутся губительны для нее. Рассел достаточно неожиданно реконструирует свою версию мотиваций революционных советов Троцкого: «Он становится патриотом, когда дело доходит до конца; коммунистическая революция в Англии была бы выгодна для России, и поэтому он рекомендует ее нам, не взвесив беспристрастно, будет ли она выгодна для нас» [8, с. 74].

Для такого ортодоксального марксиста, как Троцкий, это, конечно, серьезное обвинение, которое революционер решительно отвергает. Подобного рода критика не адресована исключительно и лично ему — она встраивается в ряд публичных обвинений большевиков

в «советском империализме», высказываемых зарубежными политиками и публицистами начиная с 20-х гг. XX в. Троцкий не упускает возможности заметить контекст этих обвинений и риторику, предшествующую им: «Такого рода обвинения начались с того времени, когда буржуазия убедилась, что наша партия взяла власть серьезно и не собирается уходить. В период, предшествовавший захвату власти и непосредственно следовавший за ним, обвинения имели... противоположный характер. Большевиков обвиняли в том, что им чужды национальные чувства и патриотические соображения, и что вожди их проводят в отношении России политику Гогенцоллерна» [11, с. 60].

Троцкий совершал ошибки и как политик, и как мыслитель, ровно как он прибегал к свойственным политике манипуляциям фактами и оценками. Тем не менее, трудно заподозрить его в неискренности, когда он дает такой ответ на публичные обвинения большевиков западными интеллектуалами, включая Рассела: «“Патриоты” ли мы? В такой же мере, в какой мы были “анти-патриотами” во время империалистической войны. Методами государственной власти мы отстаиваем те же интересы, за которые боролись методами восстания: интересы мирового пролетариата» [11, с. 61]. Можно спорить, насколько верно и неискаженно Троцкий видел эти интересы мирового пролетариата, и подбирали ли верные средства для их отстаивания. Несомненно при этом, что из ненависти к английской буржуазии направлять рабочих Англии по заведомо невыгодному для них пути он бы не стал.

Мы не соглашаемся с мнением Г. И. Чернявского о том, что полемики, по существу, в эпизоде спора Троцкого и Рассела не было [16, с. 384]. Этот прецедент многое говорит прежде всего о Троцком. Он показывает его принципиальное отрицание идеи демократического, то есть неревOLUTIONного и ненасильственного достижения благ социализма. Новые яркие штрихи были

сделаны революционером и по части его классовой критики пацифизма, который, по мнению Троцкого «обращается лицом не столько к военной организации буржуазного господства, сколько к рабочим массам... проповедует вред вооружения тем, которые и без того разоружены и являются жертвами классового насилия» [11, с. 55].

Проблемность понятия совести, соотношение цели и средств

Убежденность еще не говорит о правоте, так как и совесть может быть не чистой, — она зависит от сформированности у личности морального идеала, на который она должна ориентироваться. Однако в марксизме, как натуралистическом мировоззрении, место идеала занимает в онтологии категория материи, а в истории — коммунизм. При этом цель оправдывает средства, как у Макиавелли, а из материи никакими ухищрениями невозможно вывести мораль. Более того, как заметил в своем ответе на статью Троцкого «Их мораль и наша» американский философ-прагматик Д. Дьюи, сам революционер то и дело теряет из виду цель — достижение освобождения человечества — выбирая средства для нее лишь на основании своего ортодоксального марксистского мировоззрения: «...Средства “выводятся” [Троцким] на основе независимого источника, вымышленного закона истории, который есть закон всех законов социального развития... Средства “выводятся” не из рассмотрения цели — освобождения человечества, — а из другого, внешнего источника» [3, с. 247—248]. Этим внешним источником становятся для революционеров, по замечанию И. Примораца, интересы революции, которые те провозглашают высшим моральным законом [21, р. 24]. Интерпретируя Ницше можно сказать, что самые большие беды приносят человечеству люди с «чистой совестью» — радикалы, революционеры всех мастей. У чистой совести оказывается нечистая совесть. Эти парадоксы описаны в творчестве

Ф. М. Достоевского: бойтесь благодетелей человечества, предупреждает он [3].

В отличие от Канта, для которого совесть является метафизическим идеалом, у Достоевского совесть является динамичной и противоречивой, отражая трагизм человеческого бытия». Можно сказать, что у каждого из его персонажей — «своя» совесть. Рассматривая совесть с историко-философских позиций можно сказать, что это понятие зависит от эпохи, этапа исторического развития общества, того идеала, который в нем существует. Рождаясь в «осевое время» (К. Ясперс), — можно сказать, вместе с Сократом (Гегель), — совесть постепенно углубляется и утончается, переходя в христианстве в сферу мотивов, намерений сердца.

Совесть выступает посредницей между моральным (метафизическим) идеалом и реальной жизнью. А так как они противоположны, то совесть является своеобразным медиатором, диктующим человеку как поступать так, чтобы по максимуму соответствовать недостижимому моральному идеалу. Именно она определяет, как следует поступать «здесь и сейчас», чтобы реализовать максимум добродетели в существующих условиях.

Возможны два вида искажений совести: или перенос ее «вверх», в сферу духовного идеала, когда она по сути его подменяет (моральный ригоризм И. Канта и Л. Толстого, когда происходит догматизация заповедей «не солги» и «не убий», отрыв их как от духовной основы, так и от реальной жизни). В этом случае совесть занимает место Бога, в то время как в религии она лишь «глас Божий». Во втором варианте она опускается «вниз», или даже вообще объявляется «химерой», на которую не стоит обращать внимания. Здесь она наоборот, низводится на уровень эмпирической жизни: требований борьбы за существование, классовой борьбы, революции и т. д. Именно этот второй вариант по сути мы и наблюдаем у Л. Троцкого. Вместе с тем последний все же не был откровенным фаши-

стом, и совесть (возможно, ее остатки), видимо, не давала ему покоя, заставляя то и дело обращаться к проблеме обоснования революционной морали. Может быть, это его стремление и вообще не имело отношения к остаткам совести, а определялось необходимостью оправдать тотальное революционное насилие.

Также парадоксальным образом самая широкая советская демократия завершается изощренным тоталитаризмом. Троцкий противопоставляет советский режим парламентскому как раз тем, что именно власть советов дает массам более подлинный, нежели парламентаризм, способ осуществления своей власти: «Если парламентский режим даже в эпоху “мирного”, устойчивого развития был довольно грубым счетчиком настроений в стране... то советский режим несравненно ближе, органичнее, честнее связанный с трудящимся большинством народа, главное свое значение полагает не в том, чтобы статистически отражать большинство, а в том, чтобы динамически формировать его. Вставши на путь революционной диктатуры, рабочий класс России тем самым сказал, что свою политику в переходный период он строит... на фактическом вовлечении крестьянских масс, рука об руку с пролетариатом, в дело управление страной в подлинных интересах трудящихся масс. Эта демократия поглубже парламентаризма» [14, с. 44]. Однако исторически, как известно, советская демократия закончилась подавлением Кронштадтского восстания, а народовластие в итоге было подменено партократией, жертвой которой в итоге стал сам Лев Давидович. Революция, как известно, пожирает и своих отцов, и своих детей, совершая обороты «красного колеса» (А. И. Солженицын).

Итак, стремясь к освобождению людей, к реализации ими подлинного демократического самоуправления, Троцкий встает на путь апологетики революционной диктатуры и революционного насилия. Тут возникает сам по себе вопрос, каким образом одно

может у него сочетаться с другим? Здесь мы вынуждены вновь поднять вопрос о сопротивлении злу силой. С точки зрения многих левых мыслителей, не верно, что политика радикально противостоит насилию, что она в подлинном смысле есть там, где насилия нет. Насильственное растворено в политическом и экономическом, что все политическое и экономическое скрыто или явно содержит насилие в себе: если в открытой форме это выражается в виде войны с внешним врагом или в форме внутреннего террора, то в скрытой — это юридическое и экономическое принуждение, постоянно действующее на человека во всех сферах общественной жизни. На несправедливое насилие справедливо отвечать насилием.

В экономической сфере это можно пояснить на примере, предложенном таким крупным отечественным мыслителем левого толка, как анархист Петр Кропоткин. Он в работе «Нравственные начала анархизма» писал про историю Джека Потрошителя, убивавшего в Лондоне женщин, занимавшихся проституцией. Кропоткин заметил, что возмездия в ситуации, когда убийца нападает на женщину, пошедшую за четвертак в проститутки, чтобы оплатить квартиру, с которой ее гонит домохозяин, возмездия равно заслуживает как Джек, так и этот самый домохозяин квартиры-берлоги¹. О насилии в политической сфере говорит Славой Жижек, когда пытается ответить на вопрос, почему Троцкий, противопоставляя буржуазной демократии диктатуру пролетариата, называет вторую именно диктатурой, а не «истинной демократией» или «властью пролетариата». Выводы Жижека такие: «Дело в том, что здесь “диктатура” означает не нечто противоположное “демократии”, но основной способ функционирования демократии. С самого начала идея диктатуры пролетариата подразумевала, что она является антитезой иных, уже существующих форм диктатуры. Называя либеральную демократию диктатурой буржуазии, Ленин и

¹ Кропоткин П. А. Нравственные начала анархизма/ Лондон : Листковъ «Хлеб и Воля», 1907. С. 46/

Троцкий указывали не на простое понимание того, как на поверхностном уровне буржуазная демократия намеренно манипулируется элитным сообществом, которое, если оно проиграет выборы, продемонстрирует свое истинное лицо посредством прямого насильственного захвата власти. Они указывали на то, что сама форма буржуазной демократии следует буржуазной логике. Иначе говоря, следует использовать понятие “диктатура” именно в том смысле, что демократия — так же является диктатурой по чисто формальным признакам» [24, р. XV—XVI]. В этой связи можно вспомнить и то замечание Троцкого, что и «демократия появилась на свет не демократическим путем» [12, с. 275].

Троцкий и другие большевики, таким образом, имели своим нравственным импульсом как раз желание ответить силой существующему злу, защитить от политического и экономического насилия тех, кто оказывается жертвой классово-эксплуатации и террора, через организацию классового сопротивления. На этот счет Б. Кней-Пац писал: «Священность человеческой жизни не отвергалась в принципе; но для Троцкого она не была настолько абсолютной ценностью, чтобы затмить все остальные ценности» [19, р. 248].

Тут можно задаваться вопросом о соразмерности насильственных действий, а также и вообще об использовании в политике насилия в ответ на насилие. Троцкий отвечает на эти вопросы, предлагая пример из истории гражданской войны в США: «Вопрос даже не в том, какой из воюющих лагерей причинил или понес самое большое число жертв. У истории разные мерила для жестокостей северян и жестокостей южан в гражданской войне. Рабовладелец, который при помощи хитрости и насилия заковывает раба в цепи, и раб, который при помощи хитрости или насилия разбивает цепи, — пусть презренные евнухи не говорят нам, что они равны перед судом морали!» [12, с. 282] Но и до своей эмигрантской статьи о морали Троцкий пояснял примерно то же самое, но в более резкой

и публицистически-агрессивной форме, продиктованной еще не закончившейся гражданской войной, в «Терроризме и коммунизме», где об этой гражданской войне как об актуальном моменте и шла речь: «Царская жандармерия душила рабочих, боровшихся за социалистических строй. Наши чрезвычайки расстреливают помещиков, капиталистов, генералов, стремящихся восстановить капиталистический строй. Вы улавливаете этот... оттенок? Для нас, коммунистов, его вполне достаточно» [14, с. 57].

Мнению о том, что благая цель может осуществляться только благими средствами, Троцкий, как мы видели, противопоставлял ту позицию, что благость и порочность относительно целей и средств не статичны, но динамичны, и часто в зависимости от ситуации одни и те же деяния разных групп могут иметь разную нравственную оценку. О такой его позиции Р. Хаиткулов писал: «С одной стороны, это радикальное отрицание какой-либо универсальной этики. С другой — место этики не остается пусто, его занимает политика, практика революции или же, на более абстрактном уровне, исторический прогресс» [15, с. 170]. Как и Хаиткулов, приводивший этические статьи Троцкого в качестве «наиболее примечательного примера традиционного марксистского взгляда на этическую проблематику» [15, с. 169], И. Дойчер называет выражение этих его взглядов в «Их морали и нашей» «решительным и красноречивым заявлением по этике коммунизма» [17, р. 1367]. Отечественный биограф Г. И. Чернявский также отмечает коммунистический характер морали Троцкого, но более ярко выражено со знаком «минус», противопоставляя ее общечеловеческой нравственности [16, с. 275].

Однако у такого динамического, можно сказать, исторического понимания социального блага и зла есть и свои сильные стороны. Исторический материализм марксистской философии является достаточно сильным объяснительным методом. Он позволяет увидеть историческую диалектику в со-

бытиях и процессах, объяснить, как и почему на разных витках истории одни и те же общественные явления и движения могут быть как прогрессивными, так и регрессивными, приводить как к социальному добру, так и к социальному злу. Сам Троцкий использует взгляд исторической диалектики для того, чтобы объяснить установление сталинской диктатуры после Октябрьской революции. Он искал ответ на вопрос, как действительно важные социальные завоевания революции обернулись режимом диктата и несвободы. Причастность же самого Троцкого к такому результату борьбы русских социалистов за социальную справедливость была тем аспектом, признать который революционер так и не смог.

Мы в прежних работах указывали на еще один парадокс этических трудов Троцкого: «Отрицая этику, аморалист вместе с тем вынужден апеллировать к этическим нормам, пусть даже для оправдания своих зверств под видом “революционной целесообразности”» [6, с. 29]. И далее: «Получается, что Троцкий “мораль критикует с моральной же точки зрения”. Так, категорически отрицая угнетение, он фактически выступает с позиций абсолютной морали» [6, с. 30]. На это обращал внимание и И. Приморац, писавший о взглядах на террор Троцкого и других леворадикальных мыслителей: «Они (эти взгляды) сформулированы в моральных терминах и обладают формальными признаками, которые принято считать определяющими для моральных взглядов: они направляют к действию, универсальны и имеют первостепенное значение для тех, кто их придерживается» [21, р. 23].

Эту проблему замечал и решал уже упоминавшийся нами Петр Кропоткин, надо сказать, левый мыслитель более философичный, чем Троцкий. Его ответы по вопросам революции и проблем насилия могут быть вполне распространены на взгляды большевиков, явно попадая под область действия известного выражения Ленина: «Лучшее в анархизме может и должно быть

привлечено»¹. Кропоткин, как и Троцкий, и другие большевики, замечал в общественной морали ее классовую природу. Но он также писал о том, что эта мораль-идеология, по мере разращения и разложения правящих классов, начинает терять авторитет в глазах людей, и тогда все больше эта мораль критикуется. Тут происходит, по мнению Кропоткина, нечто очень важное и самое поразительное: «Чем больше люди подрывают основы ходячей нравственности (или, вернее, лицемерия, заступающего место нравственности), тем выше подымается нравственный уровень общества: именно в те годы, когда больше всего отрицают и критикуют нравственное чувство, оно делает самые быстрые свои успехи: оно растет, возвышается, утончается»². Далее Кропоткин приводит в пример русскую нигилистическую молодежь, которая, по его мнению, «отбросив уроки нравственности своих родителей и отвергнув все без исключения этические системы... выработала в своей среде ядро нравственных обычаев, обихода, гораздо более глубоко нравственных, чем весь образ жизни их родителей, выработанный под руководством евангелия, или “категорического императива” Канта, или “правильно понятой личной выгоды” английских утилитаристов»³.

Заключение: что такое этика Троцкого?

В конце нашего исследования мы вновь должны поставить этот немаловажный для истории отечественной мысли вопрос. Троцкий дал повод для многих дискуссий о природе этики и морали как в России, так и за рубежом, при том, что точная характеристика его собственных взглядов проблемна и неоднозначна.

Этот вопрос приобретает особое значение еще и потому, что этические позиции Троцкого в значительной

мере репрезентуют собой марксистскую этику в целом, достаточно неявно, при этом, прописанную в работах самого Маркса. Интересно и справедливо в этом плане замечание о сходстве ответов Троцкого и Сталина, на этические вопросы сделанное в разных формулировках и на несколько отличных примерах и А. Буллером [1, с. 124], и А. Д. Куманьковым [4, с. 139]. Данное наблюдение и показательно, и по-своему тревожно для тех, кто хотел бы радикально противопоставлять в этических аспектах личности Троцкого и Сталина. Мы говорим здесь именно об этических аспектах, поскольку политическое их различие и противопоставление кажется нам справедливым. Но важно, что исходят они из общего философского и ценностного фундамента марксизма. В этом, по нашему мнению, и причина того, что Сталин и Троцкий схожим образом оценивают роль насилия и других «грязных методов» в политике.

Чем же была, по существу, этика Троцкого? Некоторые исследователи характеризуют ее как аморализм ввиду чрезвычайной толерантности революционера к насилию. Нам это кажется спорным, поскольку, как мы видели, даже в аспекте критики морали Троцкий занимает во многом альтернативно моральную позицию. Она характеризовалась Б. Кней-Пацем как «крайняя форма утилитаризма» [19, р. 248]. Исходя из рассмотренного нами соотношения целей и средств в мысли Троцкого, эта оценка представляется справедливой. И. Приморац писал, что такие взгляды «не являются убедительной моральной позицией... но они *являются* (курсив автора — *Р. Ш.*) моральной позицией. Думать иначе — значит путать собственное моральное мировоззрение с моральной точкой зрения в принципе» [21, р. 24]. Крайне утилитаристские этические взгляды Троцкого мы предлагаем интерпретировать как один из вариантов макиавеллизма. Такое определение схватывает сущностный для этической мысли Троцкого способ соотносить средства с целями.

¹ Ленин В. И. Тезисы об основных задачах Коминтерна // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 41. М.: Изд-во полит. лит., 1981. С. 444.

² Кропоткин П. А. Указ соч. С. 5—6.

³ Там же. С. 9.

Этические взгляды Троцкого, выстраиваются на радикальном отрицании старых систем морали, существовавших в мире колоссального социального и экономического неравенства. Этика Троцкого, безусловно, революционна, а кроме того — политизирована. Его этическое чувство спорно, и не всегда очевидно. Упрекать его, однако, во всяком отсутствии последнего, сложно. Троцкий, ярый марксистский практик, оказался соответствующим образом и блистательным теоретиком марксистского учения о морали — и эту заслугу нельзя отнять у него, даже если чрезвычайно критично относиться к названному моральному учению или к личности самого Троцкого. Взятая же он все-таки за заведомо проигрышную тему — обоснования безграничного революционного насилия. Он с «чистой совестью» фаната боролся за утверждение своего понимания справедливости, не гнушаясь при этом применением любых форм насилия над личностью и обществом, по сути, выражая позицию макиавеллизма. При этом вопрос, поставленный Достоевским о «слезинке ребенка» для достижения благой цели¹, само существование России его вовсе не беспокоили, ведь он хотел облагодетельствовать все человечество, а значит ставил себя вне и выше морали, этого «буржуазного предрассудка», ограничивающего политические притязания. Цель оправдывает средства, утверждение революционной власти, построение идеального общества требуют жертв, и не суть важно, сколько будет их принесено на алтарь победы. Однако запущенный маховик насилия не остановить так просто, погубил он и самого Троцкого.

1. Буллер, А. Мораль и язык большевизма / А. Буллер // Этическая мысль. — 2020. — Т. 20, № 1. — С. 112—129. — DOI: 10.21146/2074-4870-2020-20-1-112-129. — EDN RXKBHC.

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. XIV. Л. : Наука, 1976. С. 223.

2. Гусейнов, А. А. Этика Троцкого, или о важнейшем моральном уроке Октябрьской революции и советского социального эксперимента / А. А. Гусейнов // Ведомости прикладной этики. — 2018. — № 51. — С. 94—111. — EDN ORPJXV.

3. Дьюи, Дж. Цели и средства / Дж. Дьюи // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. 1991. — М. : Республика, 1992. — С. 245—250.

4. Куманьков, А. Д. Нравственная оценка войны в русской марксистской мысли 1910—1930-х гг. / А. Д. Куманьков // Этическая мысль. — 2021. — Т. 21, № 1. — С. 135—147. — DOI: 10.21146/2074-4870-2021-21-1-135-147. — EDN AWTSCW.

5. Монк, Р. Бертран Рассел. Том 2: Призрак безумия, 1921—1970 / Р. Монк. — М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 696 с.

6. Нижников, С. А. О соотношении цели и средств в гуманистической политике / С. А. Нижников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2013. — № 3. — С. 28—38. — EDN RAOZMV.

7. Рассел, Б. Практика и теория большевизма / Б. Рассел. — М. : Наука, 1991. — 128 с.

8. Рессель, Б. Троцкий о наших грехах / Б. Рессель // Л. Д. Троцкий. Куда идет Англия? Выпуск второй. — М. ; Л. : Государственное издательство, 1926. — С. 70—74.

9. Рорти, Р. Случайность, ирония, солидарность / Р. Рорти. — М. : Русское феноменологическое общество, 1996. — 282 с.

10. Сартр, Ж.-П. Проблема цели и средства в политике (Из «Тетрадей по морали») / Ж.-П. Сартр // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. 1991. — М. : Республика, 1992. — С. 251—263.

11. Троцкий, Л. Д. Еще раз о пацифизме (Ответ Бертрану Ресселю) / Л. Д. Троцкий // Л. Д. Троцкий. Куда идет Англия? Выпуск второй. — М. ; Л. : Государственное издательство, 1926. — С. 49—63.

12. Троцкий, Л. Д. Их мораль и наша / Л. Д. Троцкий // Л. Д. Троцкий.

Революционерам. Антология позднего Троцкого. — М. : Родина, 2022. — С. 252—296.

13. Троцкий, Л. Д. Куда идет Англия? / Л. Д. Троцкий. — М. ; Л. : Государственное издательство, 1925. — 171 с.

14. Троцкий, Л. Д. Терроризм и коммунизм / Л. Д. Троцкий. — Петербург : Государственное издательство, 1920. — 179 с.

15. Хаиткулов, Р. Марксизм и/или этика / Р. Хаиткулов // Синий диван. Журнал. Выпуск 16. — М. : Три квадрата, 2011. — С. 165—183.

16. Чернявский, Г. И. Лев Троцкий / Г. И. Чернявский. — М. : Молодая гвардия, 2010. — 665 с.

17. Deutscher, I. The Prophet. The Life of Leon Trotsky / I. Deutscher. — London ; New York : Verso Press, 2015. — 1551 p.

18. Day, R. B. The Blackmail of the single Alternative: Bukharin, Trotsky and Perestrojka / R. B. Day // Studies in Soviet Thought. — 1990. — № 40. — P. 159—188. — DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00818977>.

19. Knei-Paz, B. The Social and Political Thought of Leon Trotsky / B. Knei-Paz. — Oxford : Clarendon Press, 1978. — 629 p.

20. Mandel, E. Trotsky as Alternative / E. Mandel. — London, New York : Verso Press, 1995. — 186 p.

21. Primorats, I. What is Terrorism? / I. Primorats // Terrorism. The Philosophical Issues. — New York : Palgrave Macmillan, 2004. — pp. 15-27. — DOI: https://doi.org/10.1057/9780230204546_2.

22. Saccarelli, E. Gramsci and Trotsky in the Shadow of Stalinism. The Political Theory and Practice of Opposition / E. Saccarelli. — New York ; London : Routledge. Taylor & Francis Group, 2008. — 308 p. — DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203929735>.

23. Traverso, E. Bohemia, Exile and Revolution: Notes of Marx, Benjamin and Trotsky / E. Traverso // Historical Materialism, volume 10:1. — Leiden : Koninklijke Brill NV, 2002. — P. 123—153. — <https://doi.org/10.1163/156920602760231686>.

24. Žižek, S. Foreword: Despair and Utopia in the Turbulent Year of 1920 / S. Žižek // L. Trotsky. Terrorism and Com-

munistism. — London ; New York: Verso Press, 2007. — P. VII—XXXII.

References

1. Beller, A. (2020) Moral i yazik bolshevizma [Morality and Language of Bolshevism]. *Eticheskaya mysl'*, no. 1, pp. 112—129. DOI: [10.21146/2074-4870-2020-1-112-129](https://doi.org/10.21146/2074-4870-2020-1-112-129) (in Russ).

2. Gusejnov, A. A. (2018) Etika Trockogo, ili o vazhnejšem moral'nom uroke Oktyabr'skoj revolyucii i sovetskogo social'nogo eksperimenta [Trotsky's Ethics, or About the Most Important Moral Lesson of the October Revolution and the Soviet Social Experiment]. *Vedomosti prikladnoj etiki*, no. 51, pp. 94—111 (in Russ).

3. Dewey, J. (1992) Celi i sredstva [Means and Ends]. In: *Eticheskaya mysl'. Nauchno-publicisticheskie chteniya*, 1991. Moscow, Respublika, pp. 245—250 (in Russ).

4. Kuman'kov, A. D. (2021) Nравstvennaya ocenka vojny v russkoj marksistskoj mysli 1910-1930-h gg. [Moral Assessment of War in Russian Marxist Thought in the 1910-1930s]. *Eticheskaya mysl'*, no. 21, pp. 135—147. DOI: [10.21146/2074-4870-2021-1-135-147](https://doi.org/10.21146/2074-4870-2021-1-135-147) (in Russ).

5. Monk, R. (2023) Bertran Rassel. Tom 2: Prizrak bezumiya, 1921—1970 [Bertrand Russell. Volume 2: The Ghost of Madness, 1921—1970]. Moscow, Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 696 p. (in Russ).

6. Nizhnikov, S. A. (2013) O sootnoshenii tcelej i sredstv v gumanisticheskoj politike [On the Correlation of the Goal and Means in Humanistic Politics]. *Vestnik RUDN, Seriya Filosofiya*, no. 3, pp. 28—37 (in Russ).

7. Rassel, B. (1991) Praktika i teoriya bol'shevizma [The Practice and Theory of Bolshevism]. Moscow, Nauka, 128 p. (in Russ).

8. Rassel, B. (1926) Trockij o nashih grekhah [Trotsky on Our Sins]. In: Trotsky L. D. «Kuda idet Angliya? Vypusk vtoroj». Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 70-74 (in Russ).

9. Rorty, R. (1996) Sluchajnost', ironija, solidarnost' [Contingency, Irony, and Soli-

darity]. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 282 p. (in Russ).

10. Sartre, J.-P. (1992) Problema celi i sredstva v politike (Iz «Tetradej po morali») [The Problem of Ends and Means in Politics (From «Notebooks for an Ethics»)]. In: *Eticheskaya mysl'. Nauchno-publicisticheskie chteniya*, 1991. Moscow, Respublika, pp. 251—263 (in Russ).

11. Trotsky, L. D. (1926) Eshhe raz o pacifizme (Otvét Bertranu Resselu) [Once Again About Pacifism (Reply to Bertrand Russell)]. In: *Trotsky L. D. «Kuda idet Angliya? Vypusk vtoroj»*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 49—63 (in Russ).

12. Trotsky, L. D. (2022) Ih moral' i naša [Their Morality and Ours]. In: *Trotsky L. D. «Revoljucioneram. Antologija pozdnego Trockogo»*. Moscow, Rodina, pp. 252—296 (in Russ).

13. Trotsky, L. D. (1925) Kuda idet Angliya? [Where is England Going?]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 171 p. (in Russ).

14. Trotsky, L. D. (1920) Terrorizm i kommunizm [Terrorism and Communism]. Saint Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 192 p. (in Russ).

15. Khaitkulov, R. (2011) Marksizm i/ili jetika [Marxism and/or Ethics]. *Sinij divan*, no. 16. Moscow, Tri kvadrata, pp. 165-183 (in Russ).

16. Chernyavskij, G. I. (2010) Lev Trockij [Leon Trotsky]. Moscow, Molodaja gvardija, 665 p. (in Russ).

17. Deutscher, I. (2015) The Prophet. The Life of Leon Trotsky. London, New York, Verso Press, 1551 p.

18. Day, R. B. (1990) The Blackmail of the Single Alternative: Bukharin, Trotsky and Perestroika. *Studies in Soviet Thought*, no. 40, pp. 159—188. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00818977>

19. Knei-Paz, B. (1978) The Social and Political Thought of Leon Trotsky. Oxford, Clarendon Press, 629 p.

20. Mandel, E. (1995) Trotsky as Alternative. London, New York, Verso Press, 186 p.

21. Primorats, I. (2004) What is Terrorism? In: *Terrorism. The Philosophical Issues*. New York, Palgrave Macmillan, pp. 15—27. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230204546_2

22. Saccarelli, E. (2008) Gramsci and Trotsky in the Shadow of Stalinism. The Political Theory and Practice of Opposition. New York, London, Routledge, Taylor & Francis Group, 308 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203929735>

23. Traverso, E. (2002) Bohemia, Exile and Revolution: Notes on Marx, Benjamin and Trotsky. *Historical Materialism*, vol. 10, no. 1, pp. 123—153. DOI: <https://doi.org/10.1163/156920602760231686>

24. Žižek, S. (2007) Foreword: Despair and Utopia in the Turbulent Year of 1920. In: *Trotsky L. «Terrorism and Communism»*. London, New York, Verso Press, pp. VII-XXXII

For citing: Nizhnikov, S. A., Shafikov, R. A. (2024). Ethical views of L. D. Trotsky: the problem of violence. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 2 (100), pp. 76–90. DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-76-90 (in Russ).

UDC 17.03; 32

EDN KDIKTW

DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-76-90

ETHICAL VIEWS OF L. D. TROTSKY: THE PROBLEM OF VIOLENCE¹

Sergei A. Nizhnikov,

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Professor of the Department
of History of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-3456-2445
E-mail: nizhnikov_sa@pfur.ru

Rodion A. Shafikov,

Peoples' Friendship University of Russia,
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Bachelor of Philosophy.
Moscow, Russia.
ORCID: 0009-0004-4756-9170
E-mail: 1032201157@pfur.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the problem of substantiating morality in revolutionary activity using the example of L. D. Trotsky's articles. The relevance of the article is connected with its consideration of ethical ideas, which are largely common to Marxist and generally left-radical philosophy. In addition, the works of L. D. Trotsky that we are considering, for political reasons, entered into free scientific circulation relatively recently, and to date have not received a sufficient amount of versatile academic commentary, primarily philosophical. The purpose of the study is to analyze the position of L. D. Trotsky regarding the use of violence as a means of achieving political goals, to identify the main arguments and principles underlying his approach to this problem, and also to assess its influence on political thought and practice. As a result of the analysis, the authors strive to provide readers with a deeper understanding of the problematic ethical aspects of using violence in politics through the prism of the ideas and views of Leo Trotsky. **Methods.** The authors use historical and hermeneutic methods. The first allows us to explore the context of the time in which the ethical views

of L. D. Trotsky developed, and the second allows us to identify in his texts the basic principles and ideas characteristic of revolutionary radicalism. In addition, general scientific methods were used: analysis, synthesis, comparison and generalization, which made it possible to organize the material, identify patterns and draw conclusions based on a comparison of the ethical views of L. D. Trotsky with various ethical systems, highlighting their strengths and weaknesses in these views.

Scientific novelty of the research. The authors focus on the problematic substantiation of morality in the articles of L. D. Trotsky, primarily such as "Terrorism and Communism" (1920) and "Their Morality and Ours" (1938, written in exile). At the same time, Western research on this topic is analyzed, as well as the controversy that unfolded between Trotsky and Bertrand Russell. It is noted that based on the statements of F.M. Dostoevsky that building a just society is impossible with the help of immoral means, since the goal can be transformed depending on the methods of achieving it. The problematic nature of the concept of conscience and possible options for its inadequate interpretation are revealed: (1) when it replaces the moral and metaphysical ideal (I. Kant, L. Tolstoy), or (2) it is completely declared a "chimera", identified with selfish aspirations, the need to capture and retain power, hiding behind some ideals. It is indicated that the second position is characteristic of L. Trotsky, who tried to "morally" justify total revolutionary violence.

Results. The authors come to the conclusion that Trotsky's position is essentially an extremely utilitarian and revolutionary version of Machiavellianism, when, for the sake of an allegedly good goal, it becomes possible to carry out mass repressions, to sacrifice not only people, but also entire nations. It turned out that sworn political opponents, Stalin and Trotsky, assessed the role of violence in politics in a similar way. At the same time, the launched flywheel of violence cannot be stopped so easily; it destroyed Trotsky himself. Nevertheless, the fact that Trotsky addressed this item speaks to the importance of resolving the moral problems associated with revolutionary practice.

Keywords:

Trotsky,
Russell,
morality and politics,
nihilism,
revolutionary activity,
Marxism,
Bolshevism,
conscience,
ethics

Received: 14.03.2024

Accepted: 28.05.2024

Published: 06/30/2024

Copyright: © Nizhnikov S. A., Shafikov R. A. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPА.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

¹ This publication has been supported by the project RUDN University No. 100343-0-000 "Russian philosophy at the crossroads of cultures: in search of dialogue".

Для цитирования: Салганова, Е. И. Особенности организации профилактики террористических и экстремистских проявлений в образовательной и молодежной среде в контексте региональных миграционных процессов: по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (28 февраля 2024 года, город Челябинск, Российская Федерация) / Е. И. Салганова, А. А. Селютин // Социум и власть. — 2024. — № 2 (100). — С. 91—97. — DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-91-97. — EDN NFSZFH.

УДК 316.74:378

EDN NFSZFH

DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-91-97

**ОСОБЕННОСТИ
ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ
И ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
И МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ
МИГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ:
по материалам Всероссийской
научно-практической
конференции
с международным участием
(28 февраля 2024 года,
город Челябинск,
Российская Федерация)¹**

Салганова Елена Ивановна,
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
доцент кафедры социологии
Института медиа
и социально-гуманитарных наук,
кандидат социологических наук, доцент.
Челябинск, Россия.
ORCID: 0000-0002-1549-8425
E-mail: salganovaei@susu.ru

Селютин Александр Анатольевич^{1, 2},

¹ Челябинский институт развития профессионального образования, заведующий сектором разработки программ социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов и детей-инофонов

Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде.

² Челябинский государственный университет,
доцент кафедры теоретического

и прикладного языкознания,
кандидат филологических наук.

Челябинск, Россия.

ORCID: 0000-0002-0575-9521

E-mail: alexsell@mail.ru

Аннотация

В статье представлен обзор и ключевые положения I Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг. Образование. Безопасность: особенности организации профилактики террористических и экстремистских проявлений в образовательной и молодежной среде в контексте региональных миграционных процессов», состоявшейся 28 февраля 2024 года на базе Челябинского государственного университета при поддержке аппарата Антитеррористической комиссии Челябинской области.

Ключевые слова:

конференция,
миграция,
образовательная среда,
профилактика терроризма,
профилактика экстремизма

Поступила: 04/03/2024

Принята: 05/15/2024

Дата печати: 06/30/2024

Права: © Салганова Е. И.,

Селютин А. А. (2024).

Опубликовано Челябинским филиалом РАНХиГС. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда № 23-28-10211, <https://rscf.ru/project/23-28-10211/>.

Введение

28 февраля 2024 года Научно-исследовательским центром мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде и Координационным центром по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Челябинского государственного университета при поддержке аппарата Антитеррористической комиссии Челябинской области проведена I Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Мониторинг. Образование. Безопасность: особенности организации профилактики террористических и экстремистских проявлений в образовательной и молодежной среде в контексте региональных миграционных процессов». Конференция проводилась в рамках реализации Комплексного плана противодействия идеологии терроризма на 2024-2028 годы, утвержденного Президентом РФ от 30.12.2023 г. и была посвящена актуальным проблемам региональных миграционных процессов, противодействию развитию и распространения идеологии терроризма и экстремизма среди молодежи, в том числе в образовательной среде.

Конференция стала хорошей площадкой консолидации экспертного сообщества в сферах науки, образования и государственных структур по вопросам профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма в молодежной среде и в сфере образования. Обсуждение проблем, современного состояния миграционной, национальной политики в различных регионах страны, позволило выделить ключевые тенденции и угрозы экстремизма и терроризма, рассмотреть наиболее эффективные практики профилактики террористических и экстремистских проявлений в образовательной и мо-

лодежной среде в контексте региональных миграционных процессов.

Участниками конференции помимо экспертов в сферах образования, миграционной, национальной политики выступили директора, заместители директоров, педагоги, преподаватели колледжей, техникумов, руководители и специалисты профильных учреждений и организаций, а также молодые исследователи из числа аспирантов, магистрантов, студентов бакалавриата и специалитета. Мероприятие проводилось в гибридном формате. Трансляция мероприятия проходила в официальной группе «НИЦ Мониторинга и профилактики» в социальной сети ВКонтакте (ссылка на запись конференции: https://vk.com/album-205543978_301825785). В ходе конференции в онлайн формате подключились более 3000 специалистов из 53 субъектов Российской Федерации, в том числе: Московской, Саратовской, Еврейской автономной областей, Республик Хакасия, Крым, Татарстан, Донецкой Народной Республики, Красноярского и Забайкальского краев, Ямало-Ненецкого автономного округа и др.

Дискуссия в ходе пленарного заседания

В рамках конференции обсуждались вопросы профилактической работы по противодействию идеологии терроризма и экстремизма среди иностранных обучающихся и обучающихся с миграционной историей; социально-культурной адаптации и профилактики экстремизма среди молодежи; трудоустройства мигрантов; взаимоотношений работодателей и мигрантов; социокультурной и языковой адаптации иностранных обучающихся из стран Азии в системе образования; исторических аспектов мобильности мигрантов из Азии на Урал в XX—XXI вв. и др.

Председателем конференции выступил Олег Викторович Семкин, руководитель Аппарата антитеррористической комиссии Челябинской области, советник губернатора Челябинской

области. Модерировал конференцию Сергей Сергеевич Бредихин.

Со словами приветствия к участникам и гостям конференции обратился представитель Челябинского государственного университета — Андрей Анатольевич Селютин, заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания, кандидат филологических наук, доцент. Андрей Анатольевич отметил, что проблема терроризма, экстремизма в настоящее время стоит на повестке дня не только в нашей стране, но и в мире, поэтому крайне важно заниматься профилактикой межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противостоять идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде и в сфере образования.

В ходе пленарного заседания с докладами выступили четыре эксперта в сфере миграционной и национальной политики. Первым с докладом на тему «Актуальность профилактической работы в части противодействия идеологии терроризма и экстремизма среди иностранных обучающихся и обучающихся с миграционной историей» выступил Александр Анатольевич Селютин, заведующий сектором разработки программ социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов и детей-инофонов Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, кандидат филологических наук. В своем докладе автор акцентировал внимание аудитории на актуальности проблемы терроризма и экстремизма. А. А. Селютин, ссылаясь на нормативно-правовые документы, привел определения понятий терроризма и экстремизма. Докладчик отметил, что ключевым элементом терроризма является страх, который террористы формируют в обществе своими внезапными актами насилия. А одной из ключевых причин терроризма является нерешенность национальных, социальных и религиозных проблем, которые имеют

для определенной группы людей большое значение. А. А. Селютин перечислил ключевые нормативно-правовые документы, направленные на решение проблемы терроризма и экстремизма в РФ. Докладчиком были подробно описаны основные формы и методы профилактики терроризма и экстремизма, реализуемые Научно-исследовательским центром мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде г. Челябинска. По каждому из направлений А. А. Селютин представил лучшие практики.

Немалый интерес среди участников конференции вызвал доклад Андрея Николаевича Якимова, специалиста по миграционному праву и координатора проектов Благотворительного фонда «ПСП-фонд» г. Санкт-Петербурга. Андрей Николаевич выступил с докладом на тему «Социально-культурная адаптация и профилактика экстремизма среди молодежи: особенности работы и обзор интерактивных практик». В своем докладе эксперт акцентировал внимание на том, что среди стран, входящих в СНГ и ЕАЭС, Россия является основной страной назначения мигрантов из стран Средней Азии. Андрей Николаевич отметил, что Россия занимает 3—4 место в мире по количеству иммигрантов, 5—6 место в мире по количеству иностранных студентов. Кроме того, в стране единое миграционное пространство со странами СНГ. В то же время для РФ характерна естественная убыль населения на Дальнем Востоке, Сибири, в регионах Центральной России, Северо-Запада и Поволжья. Докладчиком отмечен корпус основных нормативно-правовых актов в сферах миграционной и национальной политики на территории РФ [2—4].

В ходе доклада А. Н. Якимов представил лучшие практики работы с местным населением и молодежью, реализуемые Благотворительным фондом «ПСП-фонд» г. Санкт-Петербурга: «Этнопрессклуб», Фестиваль культур Средней Азии, Национальный батальон Бессмертного полка, «Живая библиотека», игра «Будем знакомы?», игра «Россия —

страна возможностей» и др. По завершению своего доклада автор сделал вывод, что содействию гармонизации межнациональных отношений должны стать противодействие ксенофобии и дискриминации, а также организация межкультурного взаимодействия и культурно-массовых мероприятий.

Елена Ивановна Салганова, доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, кандидат социологических наук выступила с докладом о промежуточных результатах проекта «Социокультурная и языковая адаптация иностранных обучающихся из стран Средней Азии в системе образования Челябинской области». Данный проект реализуется в ЮУрГУ с 2023 года, в рамках магистерской программы. Цель проекта — разработка программы социокультурной и языковой адаптации иностранных обучающихся из стран Средней Азии в системе образования Челябинской области.

Докладчик отметила, что в рамках проектного обучения магистранты провели качественный теоретический анализ и подготовили научные обзоры, разработали мини уроки, инфографики, презентации и задания для школьников, студентов колледжей, техникумов и вузов. В заключение своего доклада Е.И. Салганова сделала вывод, что применение технологий проектного обучения в вузе в целом позволяет повысить мотивацию и подготовку обучающихся к профессиональной деятельности.

Андрей Александрович Авдашкин, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории миграционных исследований Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), кандидат исторических наук в своем выступлении акцентировал внимание участников конференции на теме «Мигранты из Азии на Урале в XX-XXI вв.: сообщества и траектории мобильности». Ученый указал на отсутствие комплексной картины трансграничной мобильности и коммуникаций, в том чи-

сле в региональном измерении. Андрей Александрович представил результаты конкретных исследований, проведенных им в январе — июле 2023 г. Источниковой базой выступили серия неструктурированных глубинных и экспресс-интервью с вьетнамскими мигрантами. В Челябинске собрано 3 глубинных и 4 экспресс-интервью, в Магнитогорске — 19 глубинных и 11 экспресс-интервью, реализовано в общей сложности 20 часов включенного наблюдения в местах работы и проживания мигрантов из Вьетнама в Магнитогорске. Средняя продолжительность глубинных интервью составляла 30 минут, в основном они проходили после завершения рабочего дня в кафе или на кухнях общежитий. Дополнительно интервьюировались жители домов (23 экспресс-интервью), соседствующих в Магнитогорске с общежитиями, где проживают вьетнамские мигранты, а также мигранты из Китая и Центральной Азии, работающие с вьетнамцами или живущие с рядом ними (16 экспресс-интервью) [1]. Полученные автором результаты позволили описать механизм формирования мигрантской инфраструктуры на территории Челябинской области. Ученый сделал вывод, результаты исследований позволяют дополнить представления о том, как миграция влияет на пространство российских городов на уральском материале, практически не задействованном в крупных исследовательских проектах такого рода.

Заключение

По итогам работы участниками Всероссийской конференции были определены современные актуальные проблемы и даны рекомендации, направленные на профилактику террористических и экстремистских проявлений в образовательной и молодежной среде:

- формирование у населения, в том числе мигрантов, стойкого неприятия противоправной деятельности, идеологии терроризма, экстремизма;

- приобщение молодежи, в том числе мигрантов к традиционным российским духовно-нравственным ценностям;
- привлечение мигрантов к совместным формам активности в общественной жизни России;
- объединение представителей различных этнических групп с целью совместной профилактической, образовательной работы;
- противодействие негативным стереотипам и языку вражды в средствах массовой информации, пропаганда толерантности и терпимости;
- открытое осуждение ксенофобии, пояснение ее деструктивности и иррациональности;
- мониторинг проявлений «языка вражды» либо преступлений на почве ненависти.

В завершение Всероссийской научно-практической конференции участники высказали мнение о том, что она стала необходимой площадкой по обмену опытом ученых и практиков в сфере профилактики террористических и экстремистских проявлений в образовательной и молодежной среде; состоялось продуктивное обсуждение самых актуальных вопросов.

Организационный и программный комитет конференции благодарит всех участников мероприятия. С материалами конференции можно познакомиться на официальной площадке ВКонтакте Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде (<https://vk.com/nicmp>), а также на сайте кафедры социологии Южно-Уральского государственного университета (<https://sociopolit.susu.ru>).

1. Авдашкин, А. Киргизская диаспора в регионах России: транснационализм и проблемы мигрантов / А. Авдашкин // *Quaestio Rossica*. — 2023. — Т. 11, № 4. — С. 1464—1476. — DOI: 10.15826/qr.2023.4.858.

2. Якимов, А. Н. Адаптация и интеграция мигрантов: сборник эффективных практик / А. Н. Якимов. — СПб. : БФ «ПСП — Фонд», 2018. — 72 с. — URL: <https://migrussia.ru/images/migrantadaptation.pdf> (дата обращения: 03.04.2024).

3. Якимов, А. Н. Гармонизация межнациональных отношений в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере адаптации иностранных граждан, профилактики конфликтов и экстремизма / А. Н. Якимов, Б. Л. Панич. — СПб. : БФ «ПСП — Фонд», 2018. — 72 с. — URL: https://sakhalin.gov.ru/fileadmin/2021/02/garmonizaciya_mezhnac_otnoshenii_v_SO.pdf?ysclid=Iujwkp57se26107860 (дата обращения: 03.04.2024).

4. Практическое содействие гармонизации межнациональных отношений : сб. материалов / А. М. Тамицкий, Л. А. Мелкая, А. Н. Якимов и др. ; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. — Архангельск : САФУ, 2022. — 80 с. — URL: https://migrussia.ru/images/СБОРНИК_текст.pdf (дата обращения: 03.04.2024).

References

1. Avdashkin, A. (2023) Kirgizskaya diaspora v regionakh Rossii: transnatsionalizm i problemi migrantov [The Kyrgyz Diaspora in Russian Regions: Transnationalism and Migrant Problems]. *Quaestio Rossica*, Т. 11, № 4. P. 1464—1476. DOI: 10.15826/qr.2023.4.858 (in Russ).

2. Yakimov, A.N. (2018) Adaptatsiya i integratsiya migrantov: sbornik effektivnykh praktik [Adaptation and Integration of Migrants: A Compendium of Effective Practices]. Saint Petersburg, BF «PSP — Fond». 72 p., available at: <https://migrussia.ru/images/migrantadaptation.pdf> (accessed 03.04.2024) (in Russ).

3. Yakimov, A.N., Panich, B.L. (2018) Garmonizatsiya mezhnatsionalnykh otnoshenii v Sakhalinskoi oblasti. Organizatsiya meropriyatii v sfere adaptatsii inostrannykh grazhdan, profilaktiki konfliktov i ekstremizma [Harmonization of interethnic relations in the Sakhalin Oblast.

Organization of activities in the sphere of adaptation of foreign citizens, conflict and extremism prevention]. Saint Petersburg, BF «PSP — Fond», 72 p., available at: https://sakhalin.gov.ru/fileadmin/2021/02/garmonizacija_mezhnac_otnoshenii_v_SO.pdf?ysclid=lujwkp57se26107860 (accessed 03.04.2024) (in Russ).

4. Prakticheskoe sodeistvie garmoznizatsii mezhnatsionalnikh otnoshenii: sbornik materialov [Practical Assistance to Harmonization of Interethnic Relations: Collection of Materials]. Arkhangelsk, SAFU, 80 p., available at: https://migrussia.ru/images/СБОРНИК_текст.pdf (accessed 03.04.2024) (in Russ).

For citing: Salganova, E. I., Selyutin, A. A. (2024). Features of organizing prevention of terrorist and extremist manifestations in the educational and youth environment in the context of regional migration processes: on materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (February 28, 2024, Chelyabinsk, Russian Federation). *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 2 (100), pp. 91—97. DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-91-97 (in Russ).

UDC 316.74:378

EDN NFSZFH

DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-91-97

**FEATURES OF ORGANIZING
PREVENTION OF TERRORIST
AND EXTREMIST MANIFESTATIONS
IN THE EDUCATIONAL
AND YOUTH ENVIRONMENT
IN THE CONTEXT OF REGIONAL
MIGRATION PROCESSES:
on materials of the All-Russian
scientific-practical conference
with international participation
(February 28, 2024, Chelyabinsk,
Russian Federation)**

Elena I. Salganova,
South Ural State University
(National Research University)
Associate Professor, Department of Sociology,
Institute of Media and Socio-Humanitarian
Sciences, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor.
ORCID: 0000-0002-1549-8425
E-mail: salganovaiei@susu.ru

Alexander A. Selutin^{1, 2},

¹ Chelyabinsk Institute for the Development of Professional Education, Head of the Sector of Developing Programs for Sociocultural Adaptation and Integration of Foreign Students and Foreign Children of the Research Center for Monitoring and Preventing Destructive Manifestations in the Educational Environment.

² Chelyabinsk State University Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Cand. Sc. (Philology).
ORCID: 0000-0002-0575-9521
E-mail: alexsell@mail.ru

Abstract

The article presents an overview and key points of the I All-Russian Scientific and Practical Conference «Monitoring. Education. Security: peculiarities of organizing prevention of terrorist and extremist manifestations in educational and youth environment in the context of regional migration processes», held on February 28, 2024 on the basis of Chelyabinsk State University with the support of the apparatus of the Anti-Terrorist Commission of the Chelyabinsk region.

Keywords:

conference, migration, educational environment, prevention of terrorism, prevention of extremism.

Received: 03.04.2024

Accepted: 15.05.2024

Published: 06/30/2024

Copyright: © Salganova E. I., Selyutin A. A. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPА.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописи не взимается.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 1311. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: <https://sv74.ru>
E-mail: chel-sv@ranepa.ru

Requirements for the articles and memos presented for publication in the «Society and Power» journal

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and Key words are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. Key words (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No. charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

Editorial address: 26, Komarova St., Chelyabinsk, 454077, Russia
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: <https://sv74.ru>
E-mail: chel-sv@ranepa.ru